

Наталья Рос

С тенью на мосту

События происходят в начале 20 века в одном далеком, затерянном в холмах, селе. К двенадцатилетнему мальчику, которому суждено было всю жизнь прожить безграмотным пастухом, пришел однажды необычный старик и предложил ему сделку — дар в обмен на приют. Мальчик не в силах был отказаться от того, что мог дать ему старик, и согласился. С того момента вся жизнь главного героя разделилась на до и после.

1 Часть

Он думал, что он отрок Варфоломей.

Часть 1

1.

Он пришел ко мне в середине сентября в образе старика, когда я дремал, лежа на траве, а мои овцы отдыхали в тени огромной раскидистой акации, скрываясь от палящего осеннего солнца. В тот день я был в холмах один вместе со своим верным псом Ориком. Мой старший друг и напарник Бахмен захворал, и я уже пару дней отлично справлялся сам и был очень горд этим обстоятельством, так как мне было доверено все состояние моей семьи — шестьдесят две овцы.

Несмотря на то что уже наступила осень, дни продолжали оставаться по-летнему жаркими и душными, хотя по ночам уже появлялись первые зябкие напоминания о неизбежном приближении холодов.

Тот день я помню как сейчас: высоко палящее солнце обжигало кожу, и душные порывы ветра сушили горло и нос. Я только что пообедал скромным пайком, собранным мне матерью, и на меня навалилась навязчивая, но такая приятная дремота, что я не удержался — накрыл лицо своей старой, потрепанной шляпой, которую еще носил мой дед, и с удовольствием растянулся на траве. Закрыв глаза и как всегда мысленно унесся в свои любимые придуманные места. Я воображал себе большую воду, о которой рассказывал Бахмен, как эта вода застилает все пространство до самого горизонта, и как солнце каждый день поднимается из нее, а вечером обратно окунается, образуя вокруг себя огненную лаву.

Где-то неподалеку от меня едва слышно заскулил Орик.

— Жарко сегодня, — сказал старческий голос.

Я вздрогнул, поднял голову и огляделся. В метрах трех от меня, на сухой траве, сидел старик в коричневом плотном пиджаке из шерсти, застегнутом на все пуговицы, в черных брюках и черной шляпе с атласной лентой. «В такой-то одежде поневоле будет жарко», — сперва подумал я, но тут же насторожился: откуда здесь, в холмах, мог взяться этот старик? Нет, он, конечно, мог бы просто забрести так далеко, прогуливаться, например, или собирать корни и травы, как Бахмен, но отчего-то я сразу решил, что старик не делал ни того ни другого, да и не похож он был на местного. Было в нем что-то подозрительно нескладное и странное. Из-под его шляпы свисали длинные неопрятные пряди темных, совершенно незатронутых сединой, волос, достававшие до самых плеч. На первый взгляд ему можно было дать лет семьдесят, как и Бахмену, но он явно не относился к местным старикам: у нас не принято было мужчинам носить длинные волосы, да и одежда не соответствовала ни погоде, ни случаю.

Старик, задумавшись, смотрел куда-то вдаль.

— Солнце палит, значит, дождя не миновать.

— Добрый день, — поздоровался я и снова удивился, как он еще не взмок в своей одежде, ведь мне было жарко даже в моей тонкой льняной рубашке.

Мне не хотелось с ним разговаривать, так как сейчас было самое лучшее время для полуденной дремы, но из вежливости я все же продолжил:

— Да, сегодня жаркий день.

— Много овец, — сказал он, по-прежнему не смотря на меня, — тяжело тебе

приходится.

— Отчего же? Они смиренные. Много хлопот не доставляют. У меня есть отличная собака и мне не трудно.

Он усмехнулся.

— Знаю я, как не трудно. Пасти скот всегда трудно, тем более что ты еще ребенок, совсем юный и слабый.

Я нахмурился: мне не понравились его слова, я давно считал себя самостоятельным, способным выполнять любую взрослую работу.

— Я не ребенок и тем более не слабый. Мой отец не доверил бы мне скот, если бы считал слабым.

— А что ему еще остается делать? — старик вздохнул, будто чем-то опечалился, чуть сдвинул шляпу со лба и посмотрел на меня темными, блестящими на солнце глазами. — Разве у него есть выбор? Кто-то должен выполнять эту тяжелую работу. Сколько еще протянет твой старый друг Бахмен? Не думаю, что долго. Твоему отцу уже надоело, небось, платить ему. Это только из жалости он продолжает давать ему работу. Кому нужны такие старики, когда толку от собаки больше? Твой отец ждет, когда ты сможешь самостоятельно пасти овец, и время это приближается.

— Откуда вы все это знаете? — желание поспать как рукой сняло. — Вы живете где-то здесь, в Холмах?

— Ах, нет, — старик осклабился, показав свои ровные, белые, хорошо сохранившиеся зубы, и задумчиво потер рукой гладко выбритый подбородок, — я не местный. Я только планирую поселиться здесь. Мне нравится ваша природа. Она такая первобытная. И здесь чувствуешь себя как в затерянном мире, далеком от суеты и тревог. Здесь тихо. Обманчиво тихо. А насчет того, откуда я все это знаю, так это пустышки — я многое знаю. Например, что через неделю тебе исполнится тринадцать.

Неприятный холодок пробежал по моей спине, но я проигнорировал его слова, решив, что старик, скорее всего, немного не в себе и мог чисто сказать наугад, или ему могли что-то сообщить родственники, к которым он, наверное, приехал.

— А в каком доме живут ваши родные? Может, я их знаю?

— А с чего ты решил, что они у меня вообще есть? Увы, у меня никого нет, — старик опечаленно развел руками, — я один. Давно уже один.

— Значит, вы хотите купить дом?

— У такого бедного одинокого старика, как я, нет денег для покупки дома.

С надрывом заблеяла овца. Я обернулся, разыскивая глазами Орика, но пса нигде не было видно.

— И где же вы тогда будете жить? — отчего-то спросил я, хотя мне уже надоело разговаривать с ним, и я хотел посвистать собаку, чтобы уходить.

— В моем доме.

Мое сердце неприятно ухнуло. Я пристально на него посмотрел, пытаюсь понять, не шутит ли он, но его темные, непривычно яркие для стариков глаза со всей серьезностью смотрели на меня. Он не шутил. В этот момент мне страшно захотелось быстрее убраться от него подальше.

— Вы не можете жить в моем доме.

— Почему ты так думаешь?

— Мы не принимаем у себя постояльцев. Отец не разрешает селить чужаков.

— Но он не узнает. Я поселюсь незаметно.

— Это как?

— Ты пригласишь меня.

— Извините, но я не буду приглашать вас, — резко ответил я.

— Да, я понимаю, — он вдруг переменился: из настойчивого и уверенного превратился в обмякшего и несчастного человека, — ты совсем еще маленький. Ты не можешь принимать решения и отвечать за свои поступки. Ведь если бы ты мог, уверен, ты пригласил бы меня.

— Почему вы так говорите, ведь вы совсем меня не знаете? — я уже начинал злиться.

— Прости, если обидел, — старик сделал сожалеющее лицо, — но насколько я знаю, ты боишься своего отца. Ты не можешь принимать самостоятельно решения, потому что он за тебя все уже решил. Он определил уже всю твою жизнь.

От того, как старик протяжно произнес слово «всю», у меня заныло сердце, и затошнило. Все, что он сказал, было правдой. Отец действительно решил за меня мою судьбу, определив в пастухи, без возможности когда-либо получить образование или другую профессию. В этот момент я понял, что старик меня дурачит, ведь такие подробности мог знать только местный, знакомый с укладом нашего села, или ему кто-то должен был рассказать об этом.

— Ясно. Вам кто-то рассказал про меня?

— Нет, ты первый человек, с которым я заговорил за долгое время моего путешествия. Я только что пришел вон оттуда, — он махнул в сторону диких холмов, густо поросших лесом, куда никто не гонял скот, и никто не ходил, так как те места были опасны. Там водились волки, да и вообще за теми холмами начинались горы, там была безлюдная, чужая земля.

— Но там же нет дорог? Как вы оттуда могли прийти?

— Там есть дороги, только вы их боитесь. Боитесь потому, что не знаете, куда они могут вас завести. Ведь новые дороги всегда кажутся опаснее старых и проверенных.

— Мне пора, — сказал я, решив, что этот странный и бессмысленный разговор пора прекращать. Я поднял с травы свою пастушью палку, сильнее сжал ее в руке, и снова пробежался взглядом по стаду в поисках пса. Тут только я заметил, что овцы стояли и лежали, будто вылепленные из пластилина, словно кто-то их намертво пригвоздил к земле. Такими же тихими и безмолвными были трава и деревья, душного ветра больше не было. Я присвистнул и позвал Орика.

— Твой пес, — глухо проговорил старик, — он вернется. Я отправил его погулять. Не люблю собак.

Вдруг я подумал, что старик мне мерещится, что он всего лишь плод моей фантазии: привиделся из-за палящего солнца, напекшего мне голову. Я встряхнул головой, закрыл и открыл глаза — старик по-прежнему нескладно сидел на траве, подогнув ноги, и рассматривал меня темными, подозрительно бойкими глазами. На его пиджаке слева заметна была вышивка в виде двух лебедей с перекрещенными шеями. Я не особо разбирался в одежде, но знал от отца, покупавшему моему старшему брату школьное пальто и форму, что добротная сшитая вещь стоит хороших денег, и ее сразу можно отличить от той, которую может состряпать местная криворукая девка. Пиджак старика, хоть и запыленный, потрепанный от времени, и достаточно мешковатый для худосочного человека, подсказывал, что в свое время он был качественно сшит умелым портным.

— Мне пора, — снова повторил я, надел свою шляпу и собрался двинуться вперед, чтобы погнать овец.

— Они вряд ли пойдут сейчас куда-нибудь. Эх их разморило.

Я, не обращая внимания на его слова, перекинул сумку через плечо и привычным свистом дал понять овцам, что пора на водопой, к звездному роднику. Так мы называли крошечную речку, стремительно бежавшую внизу Большого холма, из-за того, что ее вода то была светлой и прозрачной, когда ярко светило солнце, то темнела, когда находили облака, и только блестящие камни, лежащие на дне, по-прежнему сверкали и переливались, как звезды на ночном небе.

Овцы меня не послушались, застопорились на месте, будто в первый день были на пастбище, а старый уродливый баран, прозванный Прошкой, принял обороняющую позицию и недобро на меня посматривал. Такое со мной случилось впервые, и я не знал, что делать. Если бы рядом был Бахмен, наверняка он бы объяснил нежелание стада двигаться, но я был один, и даже Орик куда-то исчез. Я еще раз присвистнул и позвал по имени собаку. Никогда еще пес не отзывался на мой зов. Он всегда прилежно выполнял свою работу и ни на шаг не отлучался от меня, ведь мы были с ним большими друзьями. Что-то было не так: воздух стал слишком горячим и тяжелым, и я словно попал в его ловушку. Когда все мои попытки сдвинуть стадо с места оказались безуспешны, я ощутил всю свою беспомощность в этой глупой ситуации, и горькое, неприятное чувство досады, оттого что это происходило на глазах чужого человека, навалилось на меня. Все это словно подтверждало слова старика о том, что я еще слабый и юный для такой работы.

— Иларий, я же сказал, что они не двинутся! — крикнул старик и помахал, призывая меня обратно.

Мне ничего не оставалось делать, как подойти к нему, хотя я очень этого не хотел: он пугал меня. Я, стараясь не подавать виду, что мне страшно, решительно приблизился к нему, осматривая его серьезным взглядом, который должен был показать, что я серьезный противник и в случае чего смогу постоять за себя.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? И что вы сделали с овцами и моей собакой? — грозно спросил я, крепко сжимая свою палку.

— Да не тревожься ты так. С ними все будет в порядке. Просто они немного задремали. Зато у нас есть время поговорить.

— Мне не о чем с вами разговаривать, потому что вы... вы лжете и не говорите кто вы, и что вам от меня нужно.

— Разве я лгу? — его широкие и такие же темные, как и волосы, брови поползли вверх. — Я тебе не солгал еще ни на один вопрос. Я сказал, что не местный, и показал откуда пришел, но ты сам мне не веришь. И я также сказал, что мне нужно от тебя. Мне нужен твой дом и твое приглашение.

— С чего это я должен вас приглашать?

— А с того, что я могу помочь тебе. Скажем так услуга за услугу, я тебе — помощь в исполнении твоего желания, а ты мне — крохотный уголок своего дома.

— Кто вы? — выдохнул я.

Воздух становился все горячее и горячее, но, несмотря на это, мне показалось, что вот-вот должен подуть холодный, пронизывающий ветер, и я задрожал от неприятного предчувствия.

— Ты меня не знаешь и никогда не слышал обо мне. Здесь, в ваших краях, такие как я никогда и не были. Я пришел издалека, как видишь, совсем ослаб.

— Не похоже, что вы ослабли.

— Ооо, — заскрипел он, как старое поломанное дерево под порывом ветра, — ты не видел меня, когда я полон сил. Нет, я совсем другой. Долгое путешествие утомило меня, но я надеюсь, что оно того стоило. Сейчас мне нужен отдых и дом. Дом, дом — это очень важно, понимаешь? Многие его не ценят. Когда человек появляется на свет, он уже живет в доме, если, конечно, он родился, как говорят, не под самой хромой звездой. Люди воспринимают дом, как нечто должное, что у каждого он должен быть, а иначе просто не выживешь. Но дом — это не просто место обитания, это источник жизни и силы. У тебя он есть. И мне он сейчас нужен. Мы могли бы сделать обмен: я тебе дам то, что ты больше всего хочешь на свете, а ты мне дашь приют.

Противный, тяжелый комок застрял у меня в горле. Воздух стал невыносимо густым и тягучим, как кисель, и вдохнуть его с каждым разом становилось все сложнее. Я обернулся: мои пластилиновые овцы по-прежнему безмолвно стояли среди такой же застывшей травы.

«Наверное, старик сумасшедший. Сбежал с какого-то села и бродит сейчас, да и глупости рассказывает», — подумал я.

— Нет-нет, я не сумасшедший, — возразил он, будто прочел мои мысли. — Многим может показаться так, но поверь, мой разум ясен и чист, — он сощурился и посмотрел куда-то вдаль. — Тучи сгущаются там, на севере. Холодов не миновать, — потом он снова обратился ко мне: — Скоро ты перейдешь особый мост, отделяющий тебя от детства и ведущий по дороге во взрослый мир. Это особенное время, и не каждому дается шанс воспользоваться тем, что тебе могу дать я. Ты можешь изменить всю свою жизнь. Каковы твои шансы стать кем-то иным в этой жизни? Ведь ты родился пастухом. Разве отец тебе позволит воспротивиться его воле? Ты сам знаешь ответ. Ты всю жизнь проведешь в этих холмах, под знойным солнцем и дождями. Твоя кожа навечно станет бронзовой и блестящей от палящих лучей. Твои руки высохнут и станут похожими на сухие, жилистые, плохо гнущиеся руки старика Бахмена. Твои светлые волосы станут цвета пожухлой, опрелой соломы, и самое страшное, твоя голова будет пребывать в темноте и незнании до самой смерти. Разве не этого ты боишься? Смотри, на тринадцать лет я могу подарить тебе подарок, но есть два условия. Эх, всегда есть эти глупые условия и правила! Ты можешь пожелать все, что хочешь, но только для себя. Только для себя! — старик вытянул вперед длинный сухой палец с блестящим, будто отполированным ногтем, — и второе, ты должен хранить тайну и никому не говорить о нашей встрече, а иначе ничего не получится.

— Допустим, я поверил во все, что вы сказали, но отчего-то сдается мне, что вам самим это больше нужно, чем мне. Вы запугиваете меня и пытаетесь уговорить.

— Аха-ха! — заскрежетал старик радушно и как-то искренне, словно я действительно сказал что-то смешное, и погрозил мне пальцем, — я не сомневался, не сомневался в тебе! Сразу видно, что ты умный парень, хоть и ни одной буквы не знаешь. Это все так, все так... Правильно говоришь, мне более тебя это нужно. Если не найду дом в скором времени, то исчезну я. Пшик и все! — он сжал кулаки и резко выпустил длинные тонкие пальцы вперед, — вот так вот и исчезну. Поэтому мне и нужен ты, а я нужен тебе. И вовсе не пугаю я тебя, а рассказываю то, что ты и сам знаешь, ведь ты же знаешь, какой будет твоя жизнь?

Старик ловко и шустро поднялся с земли, словно гибкая пружина, поправил на голове запыленную и чуть заломленную слева шляпу и продолжил:

— Мне не нужен твой ответ сразу. У тебя есть время подумать. Ты можешь попробовать одно желание на один раз. Остальное будет, когда договоримся. С меня — подарок, с тебя — приют. Ну вот, теперь пора.

Он повернулся и, насвистывая какую-то тихую мелодию, бодрым шагом направился в сторону села. Со спины, по его походке, трудно было догадаться, что он был стариком. Я долго смотрел ему вслед, будто не в силах был пошевелиться. Когда он скрылся за холмом, ко мне, виновато виляя хвостом, подбежал скулящий Орик.

2.

К вечеру начал накрапывать дождь. Тучи пришли с севера. Я успел пригнать стадо к дому, когда стали срываться первые тяжелые и частые капли. Возле загона меня уже ждал отец. Его высокая, чуть сутуловатая фигура мрачным пятном выделялась на фоне серовато-сиреневого неба.

— Припозднил ты что-то сегодня, — сказал он, легко похлопывая овец по бокам, когда те беспокойной струей втекали в ворота загона. — Проблемы были?

— Нет, все хорошо, как всегда. Орик мне отлично помогает, — ответил я, потом задумался и зачем-то добавил: — Прощка сегодня упрямылся чего-то, не слушался.

— Этому барану давно пора на покой, он уже свое пожил. Как только холода наступят, зарежем его.

Я вздрогнул: нет, я совсем не хотел смерти Прощки, хоть он и действительно был упрямым и достаточно зловредным бараном, и даже я сам порой подумывал, чтоб он окошел, но когда отец сказал эти слова, я почувствовал себя гадким предателем, так как своими словами окончательно подписал ему смертный приговор.

— Нет, он совсем чуть-чуть заупрямился. Мне кажется, он еще достаточно молодой. Он же...

— Неважно. Это решено, и нечего обсуждать, — отец строго оборвал меня, давая понять, что никаких возражений он не примет. — Ну, вот и отлично, — сказал он, когда все овцы были в загоне. — Скоро сам уже будешь пасти, уже совсем большой. А Бахмен... еще пару месяцев дам ему на отработку, по старой дружбе, а там уж и все. Это большая ответственность, сын. Овцы — наш хлеб и соль, наш дом и наше будущее. Твой дед тоже был пастухом, овец пас до самой своей смерти и умер в холмах. Он всегда говорил, что пастушья работа — это дело нелегкое, но достойное. Не каждый пастух становится хорошим пастухом. Это дело надо любить, чувствовать и понимать. У него был настоящий дар. Я верю, что у тебя он тоже есть, — отец сухо похлопал меня по плечу и чуть растянул губы в подобии улыбки. — Ну, идем, мать уже ужин накрыла.

Он вышел из сарая тяжелой походкой, гулким звоном отдающейся у меня в груди. Да, я должен был провести всю жизнь в холмах, на пастбище, хотел я этого или нет. Еще до моего рождения отец решил, что у него будет сын, который пойдет по стопам его отца. Конечно, мой старший брат не мог быть пастухом. Он по традициям нашего села должен был получить образование. Практически все дети, которым повезло родиться первыми, ходили в школу, получали знания и навсегда покидали наше затерянное в холмах село. Остальным же светила иная участь — прожить всю жизнь там, где родился, не умея читать и писать, и тяжело работать до тех пор, пока бог не заберет тебя в лучшее место. И иного выбора не предоставлялось.

Мне кажется, отец догадывался о том, как я мечтал о той жизни, которая была уготована моему брату. Всего пару раз мне удалось улучшить момент, когда в доме никого не было, и я смог пробраться в комнату к Богдану и прикоснуться к этим волнующим книгам, стоящим на полке, будто они были священными сосудами. О, этот незабываемый запах,

схожий с запахом мокрого молодого дерева ранней весной! С каким трепетом я прикасался к обложкам, пролистывал такие разные листы страниц: тонкие и толстые, гладкие и шершавые, от которых, если их чуть царапнешь ногтем, пробегали мурашки. Как же страстно в те минуты я мечтал узнать, что же означают все эти черточки и загогулины ровным рядом выстроенные и по цепочке движущиеся от одной страницы к другой. Особенно радостно было отыскать картинки, так как они потом становились основой для моих придуманных историй. Вечерами, перед тем как погрузиться в сон, я, лежа на своем чердаке, воображал свой мир. Однажды, в одной толстой зеленой книге, я отыскал черно-белую картинку с изображением корабля и человека в странной большой шляпе, который, прищурив один глаз, держал возле лица длинную палку. Бахмен рассказал мне, что это, скорее всего, был мореплаватель, капитан, а палка была подозрительной трубой, в которой можно было увидеть далекие земли и корабли. И с тех пор эта картинка в моем воображении стала любимой. Я чаще всего выбирал ее перед сном, представляя себя этим капитаном, первооткрывателем, увидевшим огромный остров с холмами, поросшими елями и другими деревьями, и на этом острове были люди, приветствующие меня красивыми пестрыми платками, похожими на мамины. Да, холмы присутствовали в любом моем воображаемом мире. За всю жизнь я всего раз покидал их, когда с отцом и братом ездил к тетке в другое село. Там холмов хоть и было поменьше, но ничего нового я для себя не открыл, разве что узнал, что тетка ненавидит отца и нас с братом тоже.

За ужином отец рассказывал, как удачно прошла его торговля на ярмарке, всегда проходившей по субботам в Низкогорье. Я тоже иногда ездил с ним туда, помогал с выкладкой мяса, шерсти и продажей вещей, связанных матерью. Но чаще всего туда ездил брат, и отец там присматривал ему необходимое для школы и покупал книги. И на этот раз он снова привез одну книгу, и мне предстояло выслушивать очередное хвастовство брата.

— Богдан, что за книгу купили? — с интересом спросила мать, улыбаясь бледными губами. У нее всегда были бледные губы и бледное лицо, будто ее кожа никогда не загорала.

— История древних цивилизаций. Учитель сказал, что мне нужны эти знания, если я хочу тоже стать учителем, а может даже и профессором, — ответил брат, бросая на меня многозначительный взгляд. Да-да, он знал, что я ловил каждое его слово.

— А что такое цивилизации? — смущаясь, спросила мать.

— Это, ну... эээ... — брат замялся и почесал шевелюру, — это такие люди, которые раньше жили, ну, они и сейчас живут. В общем, цивилизация — это народ, у которого есть что-то общее, например, одежда, язык или то, в какую церковь они ходят, в кого верят. Раньше была, например, цивилизация мана...ээ... майла. Да, майла. Они жили там, где тепло, на одной земле, далеко-далеко отсюда, через океан. У них был свой календарь, и они по-особому считали дни, не так как у нас. А еще они были кровожадными, совершали жертвоприношения.

— Ох, это так интересно! — с восторгом воскликнула мать.

Отец хлебал суп и довольно улыбался, с особой гордостью поглядывая на брата, всем видом показывая: «Смотрите, какой у меня умный сын, не зря учу, толк выйдет!». К сожалению, на меня никто так никогда не смотрел. Даже, если бы я собственными руками задушил волка, напавшего на нашу овцу, отец и то не посмотрел бы на меня так, как на брата. Ведь я же был всего лишь безграмотным пастухом.

Я давно знал, что брат и я имеем разное значение для него. Брат был его любимцем, воплощением его самого: крепким в плечах, с густыми темно-русыми волосами и красивым

оттенком смуглой кожи. Отец так же, как и Богдан, был первенцем в семье, и дед дал ему хоть небольшое, но все же образование, которое помогло ему приумножить хозяйство, построить дом и выйти из рядов окружавшей его бедноты. В жены отец взял мою мать, несмотря на то, что дед был против, потому что моя мать была четвертым ребенком в семье и была безграмотной. Ей, как говорится, крупно повезло, что она вышла замуж за моего отца, да только я редко видел ее счастливой. Она всегда была тихой, с усталыми глазами и безропотной. Один раз я только слышал, как она попросила у отца разрешение, когда мне было лет десять, чтобы я подержал в руках книгу, привезенную им с ярмарки.

— Роди, пусть Иларий подержит книгу, ничего плохого не будет, он ведь ребенок, ему интересно, — сказала она.

Отец, пребывая тогда в хорошем расположении духа, согласился, да и то ненадолго, вскоре он нахмурился и забрал книгу, пояснив, что нечего глазеть на то, чего не понимаешь. Наверное, тогда мои глаза заблестели неприлично ярко, и он испугался, что я могу заразиться каким-то книжным непослушанием, даже не умея читать, или у меня разовьется столь бурная фантазия, которая повредит моему становлению в настоящие пастухи.

Даже лицом я не походил на отца: у меня были светлые, тонкие волосы, голубые глаза и бледная кожа, как и у матери. Единственное, что я взял от него — это высокий рост. Я был очень длинным и худым, как жердь, что давало брату вечный повод для насмешек.

Дождь сильнее забарабанил по крыше и окнам.

— Завтра дороги размокнут, — сказал отец, — как бы на лошади проехать, а то придется пешком идти.

— А мы можем завтра не пойти туда? — спросил брат.

— Мы должны ходить в церковь. Я уже об этом говорил. Хватит того, что все и так думают, что мы живем, как отшельники. Люди должны знать, что мы такие же как и все. А что случается с неверующими, мы все знаем, на примере старика Бахмена. Да и вон, семья грузина, что поселилась возле старого тополя, мало того, что пришлые, так еще и в церковь не ходят, да и вообще, ведут себя неподобающе. Иларий, ты, кстати, с девчонкой грузина общаешься?

Я отрицательно покачал головой.

— Это правильно. Нечего тебе связываться с ними. Они чужаки. Свяжешься с такими, и тебя самого перестанут уважать.

После ужина я забрался на свой чердак и упал на старую, скрипучую кровать, стоявшую сбоку от окна. Единственное окно на чердаке выходило прямо на холмы, и луна всегда заглядывала ко мне, заливая все пространство бледным светом. Капли дождя настойчиво стучали, создавая особую мелодию, которую я очень любил слушать.

«Кап-кап-кап... пожелай все, что ты хочешь для себя, и я тебе дам».

Завтра было воскресенье, мой единственный выходной. В этот день стадо не выгоняли в поле, и мы вчетвером ездили на службу в церковь, которая находилась где-то посередине между нашим селом и соседним. Дорога до церкви забирала немало времени, потому что мой дом был крайним, стоял особняком возле самого подножия холмов, и ближайшими нашими соседями был дом старика Бахмена, слева, и дом того самого пришлого грузина, справа.

Вода лилась с неба до самого утра, а я лежал и смотрел на плоский, чуть желтоватый блин луны, так схожий с мамиными сырными лепешками, и думал. Думал о старике.

3.

Рано утром ко мне на чердак заглянула мать и сказала, что пора собираться на службу. Я, чуть высунув голову из-под одеяла, закашлял.

— Наверное, я простудился. Голова болит, и в теле слабость, — прохрипел я.

Мать подошла к кровати, посмотрела на меня, нахмурилась, приложила ладонь к моему лбу и сказала:

— Хорошо, я скажу отцу, что ты заболел. Я тебе заварю сейчас травяной чай, и весь день тогда лежи в кровати.

— Хорошо, спасибо, мам, — обессилено прошептал я, а внутри ликовал — мой план удался.

Как только залаял Орик, я подскочил к окну: отец, мать и брат, сидящие в повозке, выезжали со двора. Утро было сырым, мрачным, серые облака заволокли все небо, а дождь мелкими каплями продолжал скользить по стеклу. Значит, минимум часа на четыре я оставался в доме один. Это, оказалось, так просто притвориться больным, чтобы не ехать на эту непонятную и утомительную службу. Мне иногда, конечно, нравилось слушать там какие-нибудь занимательные истории, которые рассказывал священник, но по большей части я не понимал, о чем толкует служитель — молодой приезжий мужчина в красивой одежде и с длинной бородой. Он постоянно говорил о каком-то смирении и покорности, если я их обрету, то откроются врата Божьи. Говорил о том, что все люди грешны, и все должны проводить больше времени в покаянии и молитвах. Я не чувствовал себя грешным, мне казалось, что я всегда таким был, сколько себя помнил, и ничего нового во мне не появлялось. Значит, я родился грешным, раз грех давался людям с рождения, а, следовательно, он был моей природой, как рука или нога, почему тогда я должен был каяться за то, чего не выбирал? И покорности я никакой не ощущал, как бы я не хотел обрести в своей душе смирение, я не мог признать волю отца единственной и правильной.

Как только повозка скрылась за поворотом, я оделся и с замиранием сердца побежал в комнату брата. С полки я взял толстую зеленую книгу, которая была моей самой любимой, потому что у нее были тонкие белые листы и приятная на ощупь обложка. Я открыл первую страницу. Она была немного измусоленной, и кое-где виднелись отпечатки грязных пальцев.

— Хочу знать, что написано в этой книге, — прошептал я, крепко зажмурив глаза. Мое сердце стучало, так, как стучит огромный, тяжелый молот кузнеца по наковальне. Я ждал, что на меня должно что-то обрушиться: мысли или зазвучат голоса, рассказывающие историю. Но нет, ничего не было. Я услышал только, как во дворе заскулил Орик. Открыв глаза, я разочарованно посмотрел на страницу: «Глупо было верить словам сумасшедшего».

Но тут перед моими глазами все поплыло, неведомые знаки собрались в единое целое, и я прочитал первое слово — *предисловие*. Для меня оно не имело тогда никакого смысла, но я четко осознал, что это слово не было придумано мной, что я его *прочитал*. Такая холодная дрожь охватила меня, которую я не испытывал даже тогда, когда попал под ледяной дождь и так промок, что провалялся неделю с высокой температурой, а мать думала, что меня уж и похоронит вскоре. В глазах потемнело, и я еле удержался, чтобы не упасть в обморок. «Не может быть», — прошептал я, впившись пальцами в книгу, и снова посмотрел на страницу. И опять одна непонятная закорючка подплыла к другой, пока все не слилось воедино и не стало цельным словом.

Так я прочитал одно предложение, потом следующее и следующее, пока не закончилась страница. Хотя я и мало что понял из написанного, но для меня это не имело значения. Я,

как вор, огляделся по сторонам, облизал пересохшие губы и вдруг, только осознав произошедшее, подпрыгнул и закричал: «Я умею читать!». Выбежав на улицу, я подскочил к Орику, который с удивлением смотрел на меня и вилял хвостом, и крепко обнял пса, отчего тот от радости еще сильнее завилял хвостом и начал облизывать мои щеки.

— Орик, я умею читать! Ты слышишь меня, дружище, я умею читать! — кричал я, и мне казалось, что пес отлично меня понимал. Он встал на задние лапы, а я, обхватив его передние, закружился с ним в танце. — Я умею читать! Ух, это невероятно!

Потом забежав снова домой, я сел на стул и продолжил. Я читал так, словно всю жизнь умел это делать. Вскоре зеленая книга показалась мне скучной и непонятной, и она была совсем не про путешествия, как я раньше думал. Быстро утратив к ней интерес, я без сожаления вернул ее обратно на полку и взял последнюю книгу, привезенную отцом — историю древних цивилизаций. Эта книга оказалась невероятно интересной, там же, в самом начале, я нашел раздел про тех людей, которых Богдан за ужином назвал «майла», которые на самом деле назывались «майя». И на время, которое мне казалось тогда бесконечным, я погрузился в чтение. Передо мной открылся целый мир, и мне не было больше дела до всего остального.

Небольшие деревянные часы отца, стоявшие на комод в комнате, которую мы называли «большая зала», забили двенадцать. Нет, я не умел определять время, но знал, что родители и брат должны вернуться, когда толстая короткая стрелка будет стоять где-то вверху круга. Но с учетом того, что дороги сырые, они могли задержаться в пути. И я даже с удовольствием представил, как они увязнут в какой-нибудь глубокой луже, и лошадь не сможет тронуться, как они будут скользить по размякшей земле, все грязные и мокрые, пытаюсь вытолкать повозку. Тогда у меня было бы еще немного времени, но нет, вскоре Орик залаял на особый манер, означавший, что прибывают свои. Мой волшебный мир рухнул. Я машинально запихнул книгу под кофту, намереваясь стащить ее, но тут же осадил себя и вернул ее на место, так как брат наверняка бы заметил пропажу. Потом побежал к своей лестнице на чердак и запрыгнул с бешено колотящимся сердцем в кровать. Я должен был снова стать прежним мальчишкой-пастухом, глупым и необразованным. Хотя я уже знал, что скоро все изменится.

Заглянула мать, справиться о моем самочувствии. Я, насколько мог, успокоил дыхание, и, легонько покашливая, сказал, что уже чувствую себя немного лучше.

— Как прошла служба в церкви? — спросил я. — Что говорил отец Виттий?

— Сегодня он рассказывал нам об отроке Варфоломее, — улыбнулась мать, смотря куда-то в окно.

— И что же отрок Варфоломей?

— Это был мальчик, примерно такого возраста, как и ты. Ему плохо давалась грамота, и однажды в поле ему встретился один старик, который оказался святым. Старик помог Варфоломею в изучении грамоты, он благословил его, и Варфоломей со слезами молил, чтобы поселился старец в доме родителей его. В доме старца накормили, и он сказал, что бог дарует Варфоломею знания, чтобы он прославлял его.

— Он со слезами молил, чтобы старец поселился в доме родителей его? — повторил я, пребывая в оцепенении.

— Да, — легонько кивнула мать, — так и сказал: «Со слезами молил». А что ты так заинтересовался? Жалеешь, что не пошел?

— Да, жалею, — ответил я, и мать ласково потрепала меня по голове. Когда она

собиралась уже уходить, я спросил: — Мама, так значит, святые все же есть?

— Наверное есть, но я их не встречала.

Как только мать вышла, мысли безумным вихрем пронеслись у меня в голове: что если тот старик был святым, а я так нехорошо с ним разговаривал? Что если он проверял меня, насколько я добрый и милосердный, а я чуть не нагрубил ему и даже не подумал дать ему приют? Краска стыда залила мое лицо. Как я мог плохо думать о том, кто может творить такие чудеса! Ведь грамота не может быть от лукавого.

Я больше не мог лежать на чердаке, мне нужна была книга, и я знал только одного человека, который мог бы мне ее одолжить. Это был тот самый грузин, дом которого стоял возле старого тополя.

В прошлом году, когда я прогуливался с Ориком, я увидел смуглую темноволосую девочку, игравшую в тряпичные куклы возле покосившегося забора маленького ветхого дома. Я знал, что в том доме давно никто не жил, и с удивлением смотрел на девочку. Она тоже с любопытством поглядела на меня и помахала рукой. Так я познакомился с Софико, младшей дочерью грузина Ладо. Софико же познакомила меня со всей своей семьей, и с тех пор я, когда улучал время, приходил в гости к их дружной семье. Я знал, почему они жили обособленно, и почему мой отец и остальные жители недолюбливали их. Они были слишком ярким и жизнерадостным пятном в наших серых и скучных Холмах.

В семье Ладо было четверо детей: семнадцатилетний Тито, потом Тина, Софико моего возраста, и самым маленьким был Мамука пяти лет. Глядя на них, я узнал, что братьям и сестрам не обязательно враждовать и ссориться, что отцу или матери не обязательно выделять кого-то одного из них, ведь их любви хватит на всех. И самым необычным для меня было то, что все дети, за исключением, конечно, маленького Мамуки, ходили в школу.

Как быстрая тень пробегающего по холмам облака, я прошмыгнул до прихожей, запрыгнул в свои старые калоши, накинул прорезиненную куртку и ускоренным шагом направился в сторону дома Ладо. Ноги увязали в размокшей дороге, комки грязи отлетали и норовили залететь внутрь, и уже скоро я почувствовал, как по моим голым пяткам и пальцам размазываются сырые и противные комки земли.

— Дядя Ладо! — закричал я через забор. — Дядя Ладо!

В дверях дома скоро показалась высокая фигура мужчины.

— Иларий, что случилось? — обеспокоенно спросил он.

— Дядя Ладо, у вас же есть книги? — я решил не церемониться.

— Книги? — брови грузина удивленно поползли вверх. — Есть, а что?

— Дайте, пожалуйста, одну, любую, почитать. Мне просто почитать! — я готов был упасть прямо в грязь и умолять его.

— Почитать? Да ты же не умеешь читать или научился?

— Научился, дядя Ладо, научился!

— Да не кричи ты так, я же не глухой, — он радушно улыбнулся. — Раз научился, значит, найду тебе книгу. Пойдем в дом. Я уж-то думал, война началась.

На пороге, когда я снял свои калоши, он с укоризной покачал головой, увидев мои грязные ноги, и заставил вытереть их мокрой половой тряпкой.

— Так, какую бы тебе дать, — сказал он, озадаченно стоя возле шкафа с книгами. — Дам-ка я тебе самую лучшую и интересную книгу, мою любимую. Только смотри, к ней нужно относиться бережно, — он ухмыльнулся в черные пышные усы, ласково потрепал меня за волосы и протянул книгу с изображением тигра.

— Ух ты, с картинками! — я ликовал. Но как только я взял книгу в руки, случилось что-то плохое: знаки красного цвета, выдавленные на обложке, не слились в слово. С замиранием сердца и с болью в глазах, открыв первую страницу, я уставился на серый лист. Там было также — черные, выстроенные в ряды загогулины, не имевшие для меня никакого смысла. В тот момент я ощутил отчаяние сравнимое с полной потерей зрения. Лихорадочно я переворачивал страницу за страницей, и везде было одно и то же — ужасающее непонимание.

— Что-то не так? — спросил испуганно Ладо. — Тебе она не нравится?

— Нет, мне очень нравится ваша книга, спасибо большое, — я вытер нос рукавом курки и почувствовал, как щемящая досада все сильнее охватывала меня, что вот-вот я мог расплакаться.

— Тогда что случилось?

— Я... я нечаянно. Мне она уже не нужна.

— Но почему?

— Потому что я не умею читать. Простите меня, что побеспокоил вас. Я просто думал, что научился. Я пойду.

Засунув свои голые ноги обратно в мокрые калоши, я, сгорбившись, вышел из дома и услышал, как Ладо прошептал: «Бедный мальчик».

4.

Ночью мне снился сон: я листаю книгу и пытаюсь понять написанное, но все страницы то оказываются пустыми, то я не могу расцепить слипшиеся листы, то буквы разбегаются и мне приходится их собирать. Проснулся я с гудящей, болезненной головой.

Утром к нашему дому, неловко ковыляя, подошел Бахмен. На нем неизменно были его потрепанные штаны, залатанные на коленках, серая рубаша, затертая от многочисленных стирок, и картуз, настолько старый, что он расплывался, как блин на его лысой голове.

Погода с воскресенья практически не изменилась. Было сыро, моросил дождь, и земля неприятно чавкала под ногами. Мы выгнали овец на холмы и остановились возле той самой акации, где два дня назад я повстречал старика. За спиной у меня висела сумка, в которой лежала теплая еда, приятно греющая тело. На завтрак и обед у меня были мои любимые сырны лепешки. Они всегда у матери получались очень вкусными. Я достал две лепешки, одну дал Бахмену, а от своей отломил четверть и кинул Орику, и тот благодарно гавкнул. Мамины лепешки нужно было есть теплыми, потому что именно тогда появлялся мягкий сливочный вкус сыра.

— Эх, такие лепешки когда-то готовила моя жена, — вздохнул Бахмен, с наслаждением откусывая кусок и зажмуриваясь от удовольствия.

— Бахмен, скажи, а правда, что святые могут приходить к обычным людям, например, к таким как я?

— Святые? — удивился он. — Пожалуй, могут. Я, конечно, сам за свою немалую жизнь не встречал никого из святых, да слышал, что говорят, будто они ходят по земле, обратившись нищим стариком, и просят у людей милостыню, помощь или приют. И горе тем, кто им откажет, и будет счастье тем, кто приютит и накормит. За доброе дело они могут излечить от болезни, калек поставить на ноги, слепого сделать зрячим или одарить еще какой-либо благостью.

— А ты сам веришь в это?

— Верю ли я? Эх, Иларий, моя вера ничего не стоит. Я потерял ее уже давным-давно, когда на руках у меня умерли совсем молодыми мои дети и жена. И я до сих пор, сколько живу, все думаю, зачем небо забрало этих прекрасных, добрых людей, совсем еще не поживших. И зачем живу я, глупый одинокий и жалкий старик? — он, прищурившись, смотрел далеко, туда, где начинались холодные синие горы. — Не все так просто в этой жизни. Святые, может, и есть, и ходят, да только вряд ли им есть дело до нас, мелких людишек, топчущих этот затерянный клочок земли. Да и чудеса, которые они могут сотворить... Что такое чудо? Ведь это чудо не может просто так появиться. За всю жизнь я усвоил одно правило: чтобы что-то у тебя появилось, нужно это заслужить. Если ты чего-то не заслужил, то не присваивай себе этого. Так, а почему ты спросил?

— Да так, просто тоже услышал историю, — ответил я.

Вечером случилась неприятность. Я споткнулся об непонятно откуда взявшееся под ногами полено и перевернул ведро с молоком. Это увидел брат и закричал, что я специально это сделал.

— Я нечаянно! — воскликнул я, понимая, что на сегодня и завтра мы останемся без молока, и отец меня за это точно не похвалит.

— Не ври, ты, глупая задница барана Прошки! Я видел, что ты специально! Я все расскажу отцу, и он тебя отлупит.

Я сжал кулаки: как же я ненавидел брата, когда он обзывал меня так. Мне не так обидно было получить порку от отца, как слышать это обзывательство. Оно было самое ругательное и гадкое из всех.

— Я говорил, чтобы ты больше никогда меня так не называл! — закричал я. — Ты сам задница барана Прошки!

— Аха-ха, ну нет уж, это я придумал, поэтому только я могу тебя так называть. Баран Прошка тупой, глупый и смешной, и хуже него самого, может быть только его задница. Так ты и есть его задница! — брат кривлялся и смеялся, и я не выдержал, схватил злосчастное полено и швырнул в него.

— Ах, ты дерешься? — заорал брат и запустил в меня ведро.

Я увернулся, ведро жалобно загремело по полу, и мы сцепились с братом в драке. На шум вскоре прибежал отец с большой палкой в руках, и мы быстро разбежались в стороны, так как понимали, что с отцом шутки плохи.

— Он перевернул ведро с молоком! Я видел, он специально это сделал, и еще первый кинул в меня полено, а он мог убить меня! — наябедничал брат, и довольно улыбаясь, смотрел, как отец, делая мне выговор, дал несколько затрещин, когда я пытался оправдаться.

— Сегодня ты останешься без ужина, — сказал отец, — это научит тебя смотреть под ноги. А если это не научит, и что-то подобное случится в следующий раз, то ты знаешь, что у меня есть дедовский ремень. Ты помнишь его? — гаркнул он, сверкая глазами.

— Помню, — кивнул я. Как же я мог не помнить этот тяжелый, толстый ремень, рассекающий кожу до крови, выделанный из грубой кожи быка. Тот день, когда меня впервые выпороли им, навсегда останется в моей памяти, как день, когда я узнал, что в мире нет справедливости. За одинаковую проделку я и брат получили разную взбучку. Брату, подбившему меня измазать смолой ступеньки, запретили выходить из дома несколько дней, а меня выпороли так, что я неделю не мог лежать на спине.

Мой желудок, оставленный без ужина, бунтовал, а я злился, невольно принохаясь к вкусному сладкому запаху, доносившемуся из кухни. Я злился на всех них: на отца, за его

жестокость и нелюбовь ко мне; на брата, который никогда со мной не дружил, считая меня отбросом; и даже на мать за то, что она никогда не пыталась защитить меня, за то, что она всегда была слабой, невыносимо тихой и покорной. Они все были чужими для меня, а я был чужим для них. Я чувствовал, как горькое одиночество предательски защемило в сердце.

В пятницу, двадцать первого сентября, мне исполнилось тринадцать лет, а значит, старик должен был прийти снова. Вдруг я испугался, что старик больше не придет, ведь он мог посчитать меня плохим человеком, недостойным дара. «Что если я никогда больше не смогу читать? Это будет невыносимо, один раз попробовать и забыть навсегда? Нет, я так не смогу жить!» — думал я, и начал перебирать варианты, как я мог поступить. Самым невероятным вариантом было позволение отца обучаться мне грамоте. Вторым — найти человека, который мог бы согласиться помочь мне, а третьим — бегство. Я зажмурил глаза, представляя свою жизнь в скитаниях по холмам, чужим домам, не имея ночлега, и тут же отбросил этот вариант, как и первый. Оставался второй, и единственным человеком, который мог бы мне помочь — это был грузин Ладо.

Следующие три дня мы с Бахменом как всегда пасли овец. Погода наладилась, и снова выглянуло жаркое солнце, мигом просушив все дороги. Дни проходили тихо и без каких-либо событий. Я все время озирался по сторонам, ожидая появления старика, но он не появлялся. В пятницу у меня должен был быть выходной, это был подарок отца на мой день рождения.

В пятницу, рано утром, я проснулся по привычке весь в странном предвкушении: что-то должно было произойти. Выглянув в окно, я увидел, как Бахмен уже выгонял овец из загона своей неизменной кричалкой: «Геть-геть!», а Орик мельтешил сбоку, стараясь помочь. Вдруг Бахмен поднял голову и глянул в мое окно, я хотел помахать ему рукой, но в ужасе отпрянул. Вместо Бахмена на меня смотрел тот самый старик. Когда я решился вновь выглянуть, в серой дымке прохладного утра удаляющийся силуэт Бахмена вместе со стадом направлялся к склону холма.

День был обычным: дни рождения в моей семье не праздновали. Я помогал матери, разбирая хлам из погреба, рубил дрова и чистил сарай. На обед мать испекла пирог, и это за весь день был самый праздничный момент. И чем ближе дело шло к вечеру, тем сильнее я нервничал. Надежда, что старик появится, таяла с каждой минутой. Когда солнце начало клониться к горизонту, я сказал матери, что хочу прогуляться, и пошел в сторону дома Ладо. Я хотел именно сегодня узнать, мог ли мне он помочь.

Меня пригласили в дом, и я долго не мог объяснить, зачем пришел. И когда, собрав все свое мужество и расползающееся на глазах красноречие, я спросил о помощи, Ладо озадачился и погрузился.

— Прости, я не смогу тебе помочь, — сказал он. — Я знаю, у вас тут свои правила, и я не имею права в них вмешиваться. Что будет, если отец твой узнает? Он может сильно рассердиться. А нас и так здесь недолюбливают, ведь мы чужаки. Вот если бы он дал согласие на твое обучение, тогда другое дело.

Второй вариант рухнул: никогда и ни за что отец не дал бы такого согласия. Из дома Ладо я вышел на улицу, когда спустились сумерки. Было немного зябко и сыро. Первые звезды уже появились на небе. «Ну вот и все, — подумал я, — день скоро закончится, а это значит, быть всю жизнь мне безграмотным пастухом».

Я брел медленно по пустынной дороге, не замечая ничего вокруг, и думал о безрадостной жизни, ожидающей меня. Только когда в темноте, совсем рядом со мной,

раздался крик ночной птицы, я вздрогнул и очнулся. Эта страшная птица с детства пугала меня своим жалобным и пронзительным криком, напоминающим стенания умирающего человека. Я, было, ускорил шаг, но тут же остановился — впереди стояла темная фигура и не двигалась.

— Добрый вечер, Иларий, — сказал голос, и я сразу же узнал его, это был голос старика. — Я надеюсь, ты ждал меня?

— И вам добрый вечер. Да, я вас ждал, — ответил я каким-то чужим голосом.

Старик приблизился, и я уже смог разглядеть его шляпу и очертания лица.

— Сегодня тебе исполнилось тринадцать. Я поздравляю тебя и хочу подарить тебе подарок, как и обещал. А ты хочешь принять его?

— Да, хочу, — проговорил я, и снова раздался крик птицы. Я сглотнул тяжелый комок, застрявший в горле. — Только я не знаю, как я смогу объяснить все это отцу.

— Ему не нужно будет ничего объяснять. Он ни о чем не узнает.

— А как же вы...

Старик еще больше вынырнул из темноты, и я увидел его глаза — темные и блестящие, как у ночного животного.

— Пусть тебя это не беспокоит. Самое главное то, что ты согласен. Это чистая формальность, — сказал он вкрадчивым голосом. — Ну что? По рукам?

— А я всегда смогу читать и подарок больше не исчезнет?

— Всегда. Ты получаешь его на всю жизнь. Ведь подаренные подарки не забирают, — он протянул мне сухую, жилистую руку, похожую на когтистую птичью лапу. Я, вздохнув, протянул ему свою руку, и старик крепко обхватил ее своими цепкими пальцами.

— Ай, вы поцарапали меня, — удивился я, почувствовав резкую боль: острый ноготь старика впился в мою кожу, и несколько капель крови выступили на тыльной стороне руки. Я хотел убрать руку, но старик задержал ее и своим пальцем стер кровь.

— Так нужно. Без крови нет сделки, — старик поднес палец с отпечатком моей крови к языку и слизнул его, а потом втянул с шумом воздух. — Теперь, с завтрашнего дня, все станет по-другому. Твоя новая жизнь начнется, ты спасен.

— Что значит, я спасен? — я, испугавшись, сделал шаг назад.

— Узнаешь. Сейчас еще не время, — загадочно ответил он.

— Кто вы? Вы не святой? — прошептал я, начиная дрожать от страха.

— Что? Святой? — старик рассмеялся. — Ах, это глупое человеческое стремление верить в чудеса! Оно неискоренимо. Вера в святых, бродяжничающих по земле в поисках чистых душ, — это мое любимое, — он перестал смеяться и, сдвинув темные брови, серьезно посмотрел на меня. — Нет, я не святой, как ты уже догадался, но я спасаю души.

Старик надвинул на лицо шляпу и растворился в темноте.

5.

Всю ночь Орик жалобно подвывал и скулил, а я не мог заснуть. Тяжелое, щемящее чувство подсказывало: я сделал что-то плохое, нечто очень плохое. Дрожа от липкого, отвратительного страха, накрывшись с головой одеялом, я ожидал рассвета.

Утром, когда мы с Бахменом выгоняли стадо, Орик, как обычно, не суетился возле нас. Я нашел его в будке: он лежал и печальными глазами смотрел на меня. «Видно ты приболел, — сказал я и погладил собаку, — выздоравливай друг, вечером проведу!».

Я решил ничего не рассказывать Бахмену, поэтому на его вопросы, отчего я такой

задумчивый, отвечал, что просто плохо спал, сны дурные снились.

— Обращай внимание только на сны, которые повторяются. Они важны, а остальное — это пустое, только голову морочат, — сказал он, улыбаясь и щурясь на осеннее теплое солнце. — Чай с травами и сухими ягодами, и все пройдет.

Когда я пришел домой, меня ждало плохое известие: мать сообщила, что днем Орик сдох, и отец закопал его. Я заплакал, я не мог поверить в это, ведь мой пес был еще слишком молод и еще день назад он был абсолютно здоров! И как же отец так мог поступить со мной? Это был мой лучший друг, я должен был его проводить в последний путь, а не кто-то другой. Моему горю не было предела. Я вышел из дома и пошел в сторону дома Ладо, по пути мне встретился его старший сын, Тито, который вез в небольшой деревянной телеге дрова. Обычно приветливый Тито на это раз был мрачен и неразговорчив. Он понял, что я по привычке снова иду к ним домой, остановился и сказал:

— Послушай, Иларий, ты хороший парень, но тебе не стоит к нам больше ходить. У нас из-за тебя могут быть неприятности. Извини, — он махнул рукой на прощание, давая мне понять, что мне больше не рады в его доме.

Но, побродив немного по пустырю, мои ноги все равно понесли меня в сторону их дома. Я сел возле старого тополя и глядел в их окна, откуда слышался веселый смех. «Наверное, они играют в «пожелайку», — подумал я, вытерев рукавом рубахи подступающие слезы.

Возвратившись домой и открывая входную дверь, я услышал громкие крики отца и инстинктивно втянул голову в плечи. Случилось что-то плохое, и интуиция подсказывала мне, что в этом был виноват я. На кухне стоял отец и, грозно размахивая руками, бранился на бледную мать, а брат сидел на лавке, вжавшись в стену. «Дело плохо», — успел подумать я до того, как отец, заметив меня, рявкнул:

— Кто тебя, мелкий подлец, научил шляться по чужим домам и жаловаться на свою жизнь? А?! Ты что себе выдумал? Можешь напеть какому-то остолопу грузину, и тебе жить станет лучше? Говори мне!

— Я ничего не говорил ему, — прошептал я, и тут же отец пересек в два шага расстояние до меня, схватил за плечи и начал трясти, как тряпичное огородное пугало, словно его целью было вытряхнуть всю солому.

— Не ври, щенок! Что ты ему говорил? Я хочу, чтобы все здесь знали, как ты поносишь свою семью перед чужими, неблагодарная ты падаль!

В моем плече что-то хрустнуло, и отец, словно этот звук удовлетворил его, отшвырнул меня к стене, и я упал, ударившись головой.

— Ты клянчишь у проклятого грузина помощи и очерняешь свою семью? — его глаза налились кровью, и я подумал, что он наверняка убьет меня. — Ты ублюдок, я кормлю тебя, даю тебе крышу над головой, ты ни в чем не нуждаешься, а ты оговариваешь отца?

— Я кормлю вас тоже, — тихо сказал я, и ужаснулся своему бесстрашию. «Пусть убивает», — промелькнула мысль. Разом мне все равно стало на свою жизнь, и я решил сказать все, что думал, и пусть что будет.

— Что? Что ты сказал? — прошипел он.

— Я говорю, что кормлю вас тоже. Каждый день пасу овец, выполняю тяжелую работу. За овец вы получаете деньги, и Богдан учится, ты покупаешь ему книги. И я... я не жаловался Ладо. Я спросил только, может ли он научить меня читать. Это все, что я хочу! Я буду пасти овец до тех пор, пока не состарюсь и умру, но я хочу уметь читать. Что в этом плохого? И моя собака... почему ты похоронил ее без меня? Это был мой пес, мой друг! Только я имел

право его хоронить! Ты знал об этом и специально не дал мне возможности даже попроситься с ним. Почему ты хочешь отобрать у меня все? Я и так выполняю все твои приказы, почему мне нельзя дать хоть немного из того, что ты дал Богдану? Почему ты меня так не любишь? — дикая злость, подступавшая к горлу откуда-то с глубин, затмила весь мой разум, и я уже ничего не соображал.

Отец подскочил ко мне, поднял с пола и отвесил мощную оплеуху, что я еще раз отлетел и упал. Следом последовала еще одна оплеуха, и еще одна. Он все поднимал меня, а я все отлетал и падал. Мать завывала, брат тоже что-то кричал, но я уже не слышал. Страшный звон колоколов стоял в ушах и разрывал мою голову, которая, как мячик прыгала в разные стороны. И каждый раз, когда рука отца со всей мощи била меня, я думал, что вот-вот сейчас наступит смерть, но я почему-то не умирал, гулко шмякался на пол и снова поднимался.

Из моего носа уже текла жидкая кровь, когда за спиной отца, нагнувшегося ко мне, чтобы снова поднять и ударить, я заметил старика. Он, сверкая глазами, смотрел на меня, а потом шагнул вперед.

— Я убью тебя, щенок, — прорычал отец, схватив меня за ворот рубахи. — Ты будешь делать то, что я скажу, если... — вдруг мускулы его лица подернулись, и он, выпучив безумные глаза, захрипел. Потом схватился за грудь, согнулся, шатаясь, дошел до стула и рухнул. Я тоже упал и, прислонившись головой к стене, закрыл глаза: «Старик в доме».

Несколько дней я провел лежа в кровати в странном, полусознательном состоянии: все тело болело и ныло, и я с трудом переворачивался в постели. Мне казалось, что все моя голова представляла сплошной раскаленный чугун, готовый лопнуть от боли, а левая рука плохо двигалась, заклинив где-то в том самом хрустнувшем плече. Мать приносила мне еду, обтирала голову мокрыми тряпками и, чуть посидев возле меня, уходила.

— Иларий, что же ты наделал? — сокрушенно качая головой, сказала она. — Ты же знаешь, что ему нельзя перечить? Ты молчал бы, и ничего не случилось бы. Ты только не сердись на него, он не такой уж и плохой. Он ведь старается. Посмотри, как другие живут? У нас-то и дом есть, и еда каждый день, и не нуждаемся ни в чем, а у других-то намного хуже. И ничего, что у него нрав тяжелый, ты только слушайся его и не сердь, — приговаривала она, но я не хотел ничего и никого слушать. Я отвернулся лицом к стене, и мать ушла.

На день четвертый головная боль немного стихла, но я все еще был слаб и, вставая, чувствовал, как под ногами плывет земля. Я ожидал, что утром ко мне заглянет мать и принесет завтрак, но утром она не пришла, как не пришла и в обед, и я решил сам пройти на кухню и даже не знал как себя вести, если увижу там отца. Но на кухне я увидел брата, он сидел за столом ко мне спиной и смотрел на подоконник, где в горшке стоял распутившийся цветок.

— Ты живой и даже не так плохо выглядишь, как я думал, — сказал он как-то отстраненно, даже не посмотрев на меня.

— А ты разве не должен быть сейчас в школе? — спросил я, заглядывая в кастрюли в поисках приготовленной пищи.

— Я туда больше не пойду. Мне там не нравится.

— Что? — я несказанно удивился. — Неужели тебе отец разрешил это?

— Да, он совсем не возражает, — Богдан повернулся ко мне и сказал: — Можешь не искать еду, ее нет со вчерашнего дня.

И тут я только внимательно посмотрел на его лицо. Его обычно смуглая, пышущая здоровьем кожа, приобрела бледно-желтоватый оттенок, под глазами залегли плотные,

синие тени, будто он не спал несколько дней, а на голове, среди волос, затаился подозрительно серебристые паутинки.

— Что с тобой? Ты заболел? — спросил я.

— С чего ты взял? Я отлично себя чувствую. Лучше, чем всегда.

— А где мама? С завтрака ничего не осталось?

— Она сказала, что ей надоело готовить.

Удостоверившись, что брат не обманывает, так как ни в одной кастрюле я не нашел остатков утренней каши, молока или супа, я взял с полки уже начинавший черстветь кусок хлеба и с удовольствием грызя его, пошел искать мать. Я нашел ее сидящей на заднем дворе. Она глядела на засохшие и почерневшие круги подсолнуха и тоже, как и брат, болезненно выглядела. Безразлично посмотрев на меня водянистыми, голубыми глазами, она подтвердила слова Богдана. Я, проглотив голодную слюну, и ничего не понимая, вернулся к себе на чердак.

На следующее утро я решил, что непременно, несмотря на слабость и боль, я должен выйти на пастбище. Спустившись на кухню, я разжег печь и поставил горшок с водой: нужно было сварить хоть что-нибудь — есть хотелось невыносимо. Мать утром не появилась на кухне, впрочем, как и отец с братом. Наспех поев недоваренную перловку с сухарями, я вышел на улицу встречать Бахмена. Он удивился, увидев меня с красноватыми подтеками на лице, и спросил, что со мной приключилось.

— Бахмен, я кое-что скрыл. Боюсь, с моей семьей происходит что-то плохое. Они все ведут себя странно и выглядят плохо, — не выдержав, сказал я и рассказал о встрече с таинственным стариком и том, что произошло после.

— Значит, ты, говоришь, впустил его в дом и теперь можешь читать? — спросил он, нахмурившись.

Солнце еще не выглядывало из-под серых туч, плотным покрывалом застеливших все небо. Легкий, чуть прохладный ветер раздувал длинную седую бороду Бахмена, когда мы погнали овец на холмы.

— Да, впустил, только я думал, что все будет по-другому. Я думал, что я такой же как отрок Варфоломей, а он святой, который творит чудеса. И я не знаю, умею ли читать, но в первый раз точно мог.

— Чудеса... — протяжно пропел Бахмен, задумавшись. — Иларий, ты хороший, добрый мальчик, но ты не отрок Варфоломей. Закон природы таков — нельзя ничего получить просто так, не отдав что-то взамен. Как мы возвращаем хлеб, отдавая за это свое время, силы, как птица ищет пропитание, взмахивая тысячи раз за день крыльями, так и ты должен был стараться и трудиться, чтобы постигнуть азбуку. Грамота никому никогда не давалась еще легко. Это тяжелый, нелегкий труд. За все нужно платить на этом свете. Это я сейчас, старый, толкую так. А когда я был такого возраста как ты, когда началась война на моей родине, моей семье пришлось бежать, и я столько много работал, что об учении и не мечтал. Я хотел только, чтобы на завтрашний день у меня был кусок хлеба. И я тоже, как и ты, если бы мне встретился чудной старик, пообещавший, что я никогда больше не испытаю страшного голода, от которого сворачиваются все внутренности, в обмен на кров, я бы тоже дал бы ему кров. Я бы тоже поверил... Вот, неискоренимая человеческая вера в чудо, в доброту незнакомцев... Это мне потом аукнулась моя вера в доброту людей, а пока беда нас не коснулась, все мы глупцы. Чудеса, чудеса, — повторил он, поглаживая бороду. — Ты пока не отчаивайся, авось, этот старик не тот, о ком я подумал.

— А о ком ты подумал?

— О джиннах. Это злые духи. Там, откуда я родом, их боятся. Говорят, они могут творить как добро, так и зло. Это все зависит от того, что им больше по душе будет. Надо признаться, что я в них тоже не верю. Все это не больше, чем слухи, но если допустить, что джинны существуют, то...

— Что то? — испугался я.

— А то, что ты пригласил его в дом. Дал согласие. Вы заключили сделку — дар в обмен на жилье. Значит, выгнать его нельзя. Да и как выгонишь джинна, того, кого нельзя увидеть, если он этого не захочет? Но ты не отчаивайся пока, надо понаблюдать, если он появится снова, то мы, авось, что-нибудь придумаем.

В холмах мы помянули нашего словного пса Орика, разделив скудный обед Бахмена.

Вечером, зайдя в пустую кухню, я обнаружил непривычный беспорядок: грязные миски лежали, нагромоздившись друг на друге, на полу валялась ложка с остатками каши, а самой каши, которую я сварил утром, уже не было. Я услышал шаги и обернулся. Мимо проходил отец, я так и не видел его с того самого дня. Он зашел, и я невольно вздрогнул. Вздрогнул, как и от страха, так и от того, в каком виде он предстал. Его всегда гладко выбритый подбородок покрывала жесткая поросль, а на висках проступила седина. Одежда выглядела крайне неопрятно, будто засаленная и испачканная в чем-то. И более всего пугающими были его глаза. Если бы в них я увидел привычный недобрый огонек или сухую жесткость, то я бы понял, что с отцом все в порядке. Но нет, в его глазах не было жизни, они были пусты, безразличны и будто меня и вовсе не было перед ним.

— Ну-ну, — сказал он надтреснутым голосом и вышел, шаркая ногами.

6.

Обстановка в доме с каждым днем становилась все хуже. Мать изредка все же готовила что-то, но это было трудно назвать едой, но, впрочем, это не мешало отцу и брату поглощать без разбора ее стряпню. Всех перестали интересоваться дела по дому. Отец не спрашивал ничего про овец, не заходил в сарай и загон, когда мы с Бахменом выгоняли и пригоняли стадо, не поехал в субботу на рынок продавать молоко и сыр. Мать перестала прясть пряжу, доить овец и убираться в доме. В воскресенье никто не пошел на службу. Дом пришел в запустение. Даже брат перестал меня дразнить и обзывать, он все чаще просто сидел, запершись у себя в комнате. Я пытался делать кое-какие дела по дому, но мои силы были ограничены. И я с ужасом понимал, что моя семья меняется не только внутри, но и внешне: у них странно заострились носы, а глаза будто впали, и вокруг них появились бороздки, характерные пожилым людям. Вечером, в понедельник, когда я зашел на кухню, чтобы приготовить еду, там сидела растрепанная мать, одетая в ночную рубашку, и смотрела на стол, поверх грязных, загромоздивших все, мисок.

— Мам, ты плохо выглядишь. Что с тобой? — спросил я.

— Со мной все хорошо, даже очень хорошо, — сказала она, едва улыбнувшись, и ее бледная кожа сморщилась. — Я переосмысливаю и готовлюсь.

— К чему готовишься?

— К новой жизни, — она посмотрела на меня так жутко, что я отстранился и, забыв про голод, убежал на чердак.

Мою семью поразила болезнь. Непростая болезнь. То, что в этом был замешан старик, я не сомневался, как и в том, что смерть Орика тоже была делом его рук.

Во вторник Бахмен зашел к нам. Отец не вышел с ним поздороваться, а только отвечал на вопросы неохотно, сидя в неосвещенной комнате. Когда он все же вышел, глаза Бахмена округлились, и он прошептал: «Не может быть».

— Иларий, плохо дело, плохо, — озадаченно проговорил Бахмен, когда мы вышли из дома. — Отец твой-то на старика становится похожим, да и разумом повредился, а ему-то всего, насколько я знаю, нет и сорока. Это джинн здесь постарался. Ну и дела, в жизни ничего подобного не видел, а тут такое, — забормотал он. — И как же дурно в доме твоём находиться, будто дышать нечем, — он расстегнул ворот рубахи.

— А что же делать, Бахмен?

— Я подумаю, мой друг, подумаю, — он закашлял и, ободряюще похлопав меня по плечу, спешно поковылял домой.

«Он сам не знает, чем помочь», — подумал я и, тоскливо окинув взглядом свой дом, мрачный, залитый будто чернилами, решил, что не хочу там находиться. Я не хотел признаваться самому себе, что мне было страшно. Я боялся дома и родителей, и медленно побрел в сторону дома Ладо. Там было место, которое успокаивало меня, и разом мне стало все равно, хотели ли меня там видеть или нет. Я сам в тот момент был нищим, одиноким и глубоко несчастным стариком, так отчаянно нуждающимся в добром, полном любви доме.

Какое-то время я бродил возле тополя, ходил туда-сюда бесцельно, потом шел дальше и снова возвращался. Вдруг, я увидел, как из дома вышел Ладо, держа в руке ночник, и, отворив калитку, направился к тополю, где я сидел.

— Иларий, это ты? Ты чего так поздно здесь бродишь? У тебя что-то случилось? — его голос был таким мягким и заботливым, что я готов был расплакаться: никогда со мной так не разговаривал отец. Он, разглядев мое лицо, сказал: — Пойдем в дом, там расскажешь.

Домашние Ладо не удивились, увидев меня, а повели себя так, будто ожидали, что к ним заглянут гости. Они как раз запозднились и собирались ужинать. Я знал, что они жили беднее, чем мои родители, и часто им самим не хватало еды, но они усадили меня и налили такую же порцию супа, как и всем. Отчего я снова чуть не прослезился, так милы и добры были эти люди ко мне, к чужому мальчишке. «Проклятые слезы», — подумал я, черпая ложкой невероятно вкусную похлебку, ведь я уже несколько дней не ел ничего лучше, чем недоваренную или подгорелую кашу — мои познания в кулинарии были слишком ничтожны. После ужина Ладо провел меня в комнату и, нахмурившись, сказал:

— Я знаю, что Тито тебе говорил, но ты не обижайся на него, он хотел всего лишь защитить всех нас. С твоим отцом у меня произошла ссора, на базаре, когда мы продавали стулья. Я не думал, что он так разозлится, когда я всего лишь спросил о тебе и начесть твоего обучения. Твой отец начал кричать и грозить, что выселит нас с Холмов. Он всячески обзывал мою семью, и даже собралась толпа, которая начала поддерживать его. Я надеюсь, тебе не сильно досталось из-за моей глупости?

Я соврал, что ничего страшного со мной не случилось, хотя мысленно содрогнулся, вспомнив оплеухи отца. Потом, собравшись с духом, я рассказал о старике. Во время моего рассказа, Ладо, накручивая на палец длинный ус, задавал уточняющие вопросы и хмурился, его карие большие глаза то округлялись, то озадаченно суживались. Потом он резко встал со стула, взял книгу с полки и, протянув мне, сказал:

— Прочитай что-нибудь.

Взяв книгу в руки, я вдруг испугался, что Ладо обвинит сейчас меня во лжи: вдруг я не умел читать и, значит, он может посчитать, что и все остальное тоже вранье. Я побледнел и,

открыв первую страницу, приблизился ближе к навесной керосинке. В глазах потемнело: я ничего не видел, а только чувствовал, как выжидающе смотрел на меня Ладо. «Надо что-нибудь сказать», — подумал я и трясущимися губами произнес:

— В начале июля... — я замер, облизнул пересохшие губы и продолжил: — в чрезвычайно жаркое время, под вечер...

Когда я дочитал предложение и поднял голову, Ладо ошарашено взирал на меня, потом забрал книгу и сам пробежался глазами.

— Невероятно! — воскликнул он. — Но как такое возможно? — он зашагал кругами по комнате. Я все смотрел на него и ждал, когда он опомнится. Потом вдруг он остановился и сказал: — Иларий, я сейчас даже не смогу тебе ничем помочь, мне нужно подумать. Все это не поддается никакому логическому объяснению.

От Ладо я вышел, когда стрелки уже приближались к десяти вечера. Подходя к своему дому, я почувствовал волну нахлынувшего холода: меня никто там не ждал, в окнах не горел свет. Нащупав на полке, возле входа, керосинку я зажег ее, и какой-то безотчетный, давящий страх медленно пополз под моей рубашкой. Скрипнула половица. Тихо, стараясь не шуметь, я прошел через залу и направился к лестнице на чердак. Никогда раньше я не боялся теней, отбрасываемых от огня, но в этот момент больше всего я страшился заметить, в одном из пляшущих на стене бликов, лицо старика. И если бы я увидел его, я точно знал, мое сердце разорвалось бы от ужаса. Но как только я поднялся на чердак, я замер, и липкий, холодный пот выступил на моем лбу. На моей, освещенной лунным светом, кровати сидела темная сгорбившаяся фигура. Прежде чем я успел открыть рот, фигура сказала голосом моего брата:

— Где ты так долго был?

— О, боже, Богдан — это ты? — на дрожащих ногах я подошел ближе, чтобы свет от керосинки осветил лицо брата. Да, это был он. — Что... что, ты здесь делаешь? Ты ужасно напугал меня, я чуть с ума не сошел от страха.

— Жду тебя. Где ты был?

— Да, ждешь? Но зачем ждешь? Почему ты не у себя, почему не спишь?

— Я захотел поговорить с братом. Ты же не против поговорить с братом? Так, где ты был? — настойчиво повторил он.

Мои зубы так громко и бешено стучали, что мне показалось, он наверняка понял, что мне страшно. «Это не мой брат», — проскочила мысль, и я задрожал еще сильнее.

— Я? Я гулял. Просто гулял.

— Ты замерз?

— Да, немного.

— Давай поговорим. Садись, — он показал рукой на место возле себя. Я кивнул, поставил керосинку на пол, и сел на стул напротив. Лицо брата от лампы осветилось снизу вверх и стало напоминать искривленную гримасу покойника.

— Как у тебя дела с овцами?

— Хорошо. Почему ты спрашиваешь?

— Твой же пес сдох. Ты так любил его, наверняка тяжелее приходится.

— Да, так тяжелее. Ты перестал ходить в школу. Почему?

— Мне никогда не нравилось ходить туда. Это все отец. Он хотел, но не я. У меня нет способностей к учебе. И я знаю, что ты хотел бы быть на моем месте.

— Да, хотел бы, не буду скрывать.

— Теперь у тебя представится такая возможность.

— С чего ты взял?

— С того, что я скоро уйду отсюда. Мне нужно будет уйти.

— Но куда ты пойдешь?

— Пока не знаю. Но уйти придется точно, я это чувствую, — фигура брата наклонилась вперед и прошептала, — во мне что-то живет.

— Что? Что в тебе живет? — тоже прошептал я, замирая от ужаса.

— Пока не знаю, но это с каждым днем становится все сильнее. Я с каждым днем умираю, а оно растет. Я старею, Иларий. Мне пятнадцать лет, но я старею. Этого же быть не может? Моя кожа обвисает и морщится. У меня растет какой-то горб. Мои ногти желтые и слоящиеся, как у старика. Скоро я уже не буду похож на себя. Понимаешь? Все это началось после твоего дня рождения. Ты что-нибудь знаешь об этом?

— Богдан, прошу, послушай меня внимательно, — вскрикнул я, упав на колени перед ним и обхватив его ледяные, шершавые руки. — Нам всем нужно уехать отсюда. Мы все в опасности. Это я виноват во всем. Я пригласил одного старика в наш дом. Я просто хотел научиться читать! Я не хотел никому зла. Прости меня. Я разговаривал с Бахменом, он сказал, что мы что-нибудь придумаем. Мы найдем способ изгнать его из нашего дома. Я подумал, что можно позвать священника.

— Хи-хи-хи...

Я поднял голову: брат скорчил гримасу, похожую на улыбку, и выставил желтые зубы. Его смех стал еще громче, и он уже хохотал, как каркающий ворон.

— Я же знал, что это ты! Ты всегда был недоумком, и теперь еще больший недоумок, точь-в-точь как задница барана Прошки! А Бахмен твой старый, жалкий и безграмотный тупица. Что он может знать об этом? Священника ты позовешь, — Богдан зашелся в новом приступе хохота, — твой священник здесь бесполезен. Так как *он* теперь — это весь дом. Весь дом ему принадлежит. Он пропитался в него, как масло в хлеб, в каждую стену, в каждую деревяшку и половицу, — вдруг брат резко прекратил смеяться и вытянул худую шею с заострившимся кадыком, похожим на куриный коготь, в сторону лестницы. — Слышишь? Кажется, он идет.

Действительно послышался тихий скрип лестницы, словно наступила нога человека. Еще один скрип. Скрип.

Не помня себя, я бросился к окну. Богдан схватил меня за ногу и закричал:

— Помоги мне! Мне нужно знать, кому скоро исполнится тринадцать?

Уцепившись за раму, я попытался оттолкнуть брата.

— Скажи мне имена, и я отпущу!

— Нет! — закричал я, разглядев тощую руку, появившуюся в проеме чердачного входа. Кто-то полз наверх и вот-вот должен был подняться. Со всей силы оттолкнув брата, я распахнул окно и прыгнул, упав на черепицу, покрывавшую коридорный навес, перекатился, и рухнул на землю. Покатая крыша навеса спасла меня: я упал с небольшой высоты. Быстро поднявшись, я посмотрел в чердачное окно. Там было уже темно, свет от лампы больше не горел. Я побежал в сторону сарая. Почему-то я чувствовал, что там буду в безопасности. В сарае я упал на стог сена, которое тогда мне показалось мягче любой постели, зарылся в него и незаметно для себя заснул, точно провалился в глубокую яму.

7.

Проснулся я от беспокойного бляенья овец. По солнцу я понял, что давно уже наступило

время пастбища. Бахмен отчего-то утром не пришел, а сам я чувствовал себя таким разбитым, что о выгоне овец и речи быть не могло. Подкинув животным корма и сена, я услышал шум, доносящийся с улицы, будто кто-то подъехал к дому, и выглянул. Возле ограды действительно остановилась коляска, и два человека вышли из нее. Одного я узнал — высоким худощавым, в серой фуражке был Ладо, а другой, крупный, невысокого роста мужчина был мне не знаком.

— Здравствуй, Иларий, — поздоровался Ладо, когда я подошел к ним. — Ты что, в сарае ночевал? — он вытащил из моих включенных волос несколько сухих веток травы и представил второго человека. В тот момент я уже вспомнил его. Однажды, когда я с отцом был «Низкогорье», к нам подошел этот самый человек. Он купил у нас сыр и мясо. Тогда отец пояснил мне, что это староста нескольких селений, и он очень богат. К нему многие обращались за денежной помощью, но отчего-то отец добавил, что как бы худо не было, лучше к нему никогда не обращаться. Звали его все просто Милон.

Мужчина добродушно кивнул мне и, прокашлявшись, направился к дому.

— Он может помочь, — сказал Ладо, когда староста, постучав несколько раз в дверь, и не дождавшись ответа, зашел внутрь. — Все, что ты мне вчера рассказал, Иларий, звучит очень неправдоподобно, но я тебе верю. Я всю ночь думал, чем бы тебе помочь, но сам я не могу, ты ведь знаешь. Мне говорили, что, если какие проблемы, то лучше обратиться к Милону. Не зря же он заправляет всеми Холмами. Может, врача пришлет или еще чем поможет. Да и добрый он вроде, как только я рассказал ему про твою беду, так сразу и сказал: «Запрыгивай в коляску, проведем парнишку». И даже поблагодарил за то, что я хоть и чужак да стараюсь помочь местным.

Милон пробыл в доме недолго. Он торопливо вышел, крепко схватившись обеими руками за свою сумку и нервно откашливаясь, словно в горле застряла кость, быстро заговорил:

— Не понимаю, не понимаю. Я такого никогда не видел. Мальчик, — вкрадчиво обратился он, положив руку на мое плечо, — насколько я знаю, твои родители должны быть еще совсем молодыми? Но, что же за болезнь с ними приключилась? Я ведь помню, месяц назад видел твоего отца, и он был совершенно здоров и полон сил, а сейчас... А твоя мать? Она скорее похожа на мою мать, царство ей небесное! Они... — он понизил голос до шепота, бросил взгляд на окна дома, словно боялся, что его могут подслушать, — они, как мне кажется, сошли с ума. Да, да, они не только заболели, но и умом тронулись. Твой отец спрашивал у меня какие-то глупости, все о каких-то двенадцатилетних детях твердил, которым должно скоро исполниться тринадцать. Здесь определенно имеет дело сумасшествие. Я попробую поискать врача по душевным повреждениям, да и по телесным тоже, но боюсь, дело плохо. У тебя есть ближайшая родня, мальчик?

— Тетка только, — буркнул я. Мне отчего-то совсем не понравился этот человек с бегающими глазами и маслянистым довольным лицом.

— И что же тетка, далеко живет?

— Далеко, день ехать от «Низкогорья». Да и не любит она мою семью.

— Эх, эх, — сокрушаясь, покачал головой он, — ну, не отчаивайся. Дай бог, поправятся твои родители.

Милон залез в коляску, стоявшую на обочине, маленький, худосочный кучер тронул поводья, и лошадь, фыркнув, укатила их вверх по дороге.

Я едва успел переглянуться с Ладо, как из дома, шаркающей походкой, вышел отец.

Издали его совсем можно было не узнать, если бы не знакомая мне одежда: старый, местами порванный вязаный свитер для домашних дел, который еще давно ему связала мама, и широкие штаны с вытянутыми коленками. Его волосы, практически седые, были нечесаны, торчали в разные стороны, а лицо покрывала сеть мелких морщин. Но, несмотря на всем перемены в нем, он не выглядел больным, а наоборот, производил впечатление здорового и бойкого человека, но только не мужчины в самом расцвете сил, а уже достаточно пожившего пожилого человека.

Ладо ступевался, не зная, как себя вести, то ли быстро уйти, то ли все же поздороваться, но отец, не обращая совершенно никакого внимания на него, словно его и не было, обратился ко мне:

— С каких это пор ты стал бояться своего дома? Хватит уже бегать от нас. Мать беспокоится, почему ты не ночевал дома. Она обед сготовила. Пойдем, ты наверно же голодный, — он махнул рукой, приглашая меня в дом.

Если бы не все эти странные изменения, можно было бы подумать, что мой отец вдруг подобрел, переосмыслил жизнь и решил стать заботливым, любящим отцом. Он еще раз махнул рукой и выжидающе посмотрел на меня.

— Ну же, заходи, не заставляй свою семью ждать.

И я пошел за ним, на полпути обернувшись, я увидел, как Ладо многозначительно кивнул мне: «Будь осторожен».

В доме вкусно пахло приготовленной пищей. На кухне мать, непривычно сгорбившаяся и похудевшая, стояла над печкой и что-то помешивала в кастрюле. Ее волосы по-прежнему были растрепаны и так же, как и волосы отца серебрились у висков и у корней.

— Ах, вот и ты, — воскликнула она, улыбнувшись, и кожа вокруг ее глаз собралась в мелкие паутинки, — а мы уж думали, куда ты убежал? Сейчас будет обед, мы сейчас все пообедаем, — бормотала она, копошась возле корыта с грязной посудой.

Я сел за стул и краем глаза наблюдал, как она доставала из корыта грязные чашки и ложки.

— Вот, смотри, что я приготовила, — она поставила на стол тарелку с сырными лепешками, — твои любимые.

Мое сердце радостно затрепетало, и я, не раздумывая, схватил одну лепешку и с жадностью откусил. И тут же все выплюнул на руку: внутри проглядывала отвратительная зеленая плесень. Чуть не заплакав от обиды, я запихнул ее в карман рубашки, пока не видела мать, которая что-то напевала себе под нос.

В кухню зашел отец, а следом за ним брат, и я вздрогнул, припомнив вчерашнюю ночь. Брат безразлично посмотрел на меня, но мне показалось, что он спрятал ухмылку. Мать разнесла грязную посуду с остатками засохшей пищи и поставила посередине стола кастрюлю с дымящимся супом. Поочередно все потянулись наливать себе суп. Мой желудок призывно заурчал, и я, несмотря на брезгливость к не чистой посуде, потянулся тоже к половнику, зачерпнул и уставился с отвращением на куриную голову, плавающую в золотистом бульоне. Как во сне я зачерпнул снова, и на этот раз в половнике оказалась когтистая лапа с остатками грязи, и несколько маленьких коричневых перьев. Едва подавив подступившую тошноту, я увидел, как родители и брат, с удовольствием причмокивая, поглощали эту мерзость, закусывая сырной лепешкой.

— Что ты не ешь? — спросила мать.

— Спасибо, я не голоден.

— Не дури, я знаю, что ты хочешь есть. Давай я тебе налью. Вот, — она поставила передо мной тарелку, в которой плавала та самая куриная лапа.

Все трое уставились на меня.

— Я не могу это есть, — не выдержал я.

— С каких это пор тебе не нравится еда матери? — поинтересовался отец, облизывая нижнюю губу, к которой прилипло куриное перо.

— С тех пор, как вы изменились. Это же не еда, а помой для собак.

— Тебе не нравится моя еда? — ахнула мать. — Но раньше ты никогда не жаловался!

— Я не жаловался, потому что мы ели нормальную... человеческую пищу, но не это. Смотрите, — я разломил лепешку и показал всем зеленовато-коричневую начинку, — вот это есть нельзя. От этого можно отравиться и заболеть.

Отец выхватил у меня лепешку и пристально посмотрел на нее.

— Не носи чушь! Она абсолютно свежая. Твоя мать всегда такие печет, — он откусил большой кусок и проглотил.

— Ладно, еду вы не замечаете, но, а то, что с вами происходит, вы видите? Богдан, скажи, что ты вчера говорил? Что вчера произошло?

— А что мне говорить, — он откинул со лба отросшую грязную челку, и пытливо посмотрел на меня впавшими карими глазами, — например то, что ты остолоп, такая же как задница ба...

— Да, я именно такой и есть! — вскрикнул я. — Но сейчас не об этом. Речь о том, что вы все больны, и нам нужно уехать отсюда. Мама, ты видела себя в зеркало? Вы все выглядите плохо, вы стареете. Вам нужна помощь!

— Помощь нам точно нужна, — подметил отец, — расскажи нам лучше об этом грузине. Я так понимаю, ты не стал слушать меня, а все еще продолжаешь с ним ты дружишь. Как поживают его дети?

— При чем тут его дети?

— Сколько им лет? — продолжил он, обсасывая куриную голову, словно баранью кость.

— У него, кажется, есть младшая дочка, ей вроде еще нет тринадцати? — добавила мать.

— Зачем вам это нужно знать? — я насторожился, этот вопрос уже в третий раз звучал за короткое время.

— Мы хотим все знать о друзьях своего сына, — мать протянула свою руку и положила на мою. Ее рука была мне незнакомой — всегда аккуратные белые ногти превратились в старческие, желтые и корявые, тонкая, с пигментными пятнами, прозрачная кожа обтянула острые костяшки. — В прошлом году, в конце октября, это же ты к той девочке ходил на день рождения? Она же твоя ровесница?

Я посмотрел в холодные и безумные глаза матери: ведь мы договаривались, что отец не узнает об этом, но она и глазом не повела, что выдала меня.

— Так, так, ты ходил в гости к этому паршивому грузину, — пробормотал отец. — Надо будет навестить тогда его. Он же столько добра для тебя сделал. Грамоте жаждал обучить, но ты и так уже грамотный теперь, да? Но мы тебя не виним. Я был слишком строг с тобой. Если бы я позволил тебе обучаться, то ты бы не предал нас...

Капли холодного пота проступили на моем лбу.

— Я... я не хотел, — прошептал я. — Я не хотел всего этого. Я не знал, что вы заболите.

— Ты думаешь, что мы больны, сынок? — мать изобразила умильность и улыбнулась потрескавшимися, сухими губами. — Нет, мы полностью здоровы, мы просто постарели, как и *он*. И мы скоро будем, как *он*, — она все еще держала мою руку. Я попытался одернуть ее, но она крепче сжала ладонь, и ее несколько отросших ногтей впились в мою кожу. — Мы знаем, что выгядим неважно для тебя, но это просто оболочка, которая не имеет никакого значения.

«Они сошли с ума, надо срочно уходить», — промелькнула мысль, я резко дернул руку и вскочил со стула.

— И куда ты собрался? — спросил отец, поднявшись. — Не хочешь с нами разговаривать?

— Вчера он тоже не захотел со мной разговаривать, — вставил брат, — и теперь вот опять убегает. Надо бы его проучить.

— Я не убегаю. Я вернусь. Мне просто нужно в уборную. Я сейчас приду, — я попятился спиной к двери.

Мне показалось, что если я сейчас же не уберусь, они сделают со мной что-то страшное. Медленно отступая, я, стараясь ничем не выдавать свой страх, сунул ноги в свои растоптанные ботинки, с вешалки схватил пальто и вышел из дома. Все это время они стояли и не сводили с меня глаз. Как только закрылась дверь, я рванул, что есть мочи — домой я больше не собирался возвращаться.

На бегу, по пути к дому Бахмена, меня настигли горькие слезы, и только вытирая их, я заметил, что моя рука была поцарапана до крови ногтями матери.

8.

Уже несколько дней я жил у Бахмена в его старом, ветхом доме, построенном когда-то наспех его дедом из глины и соломы. Наверное, дед Бахмена и сам не подозревал, что дом так долго простоит, и что его внук будет доживать в нем. Впрочем, дом существовал вполне себе успешно, и, несмотря, на перекосившиеся кое-где стены и прохудившуюся крышу, он намеревался простоять еще немало лет.

Когда я прибежал в слезах к Бахмену, он сидел на деревянной лавке, служившей ему кроватью, и шумно вздыхал. Ночью у него опять случился приступ, поэтому он и не смог утром прийти к загону.

— Ничего страшного, Иларий, — сказал он, — ты не переживай, я еще долго протяну, как и этот дом. Мы с ним хоть и дряхлые, но поверь, очень сильные. — Первые приступы начали со мной случаться еще давно, когда мою жену и детей убили. С тех пор так и живу.

Каждое утро я с Бахменом приходил к своему дому. Листья, опадавшие с деревьев, никто не убирал, и дом приобретал непривычно запущенный вид. В окнах не горел свет, никто не выходил из дома, когда мы управлялись с хозяйством и выгоняли стадо на пастбище. Только раз я увидел в окне постаревшего брата, который наблюдал за нами.

— Иларий, тебе нужно сходить завтра на службу, — сказал вечером Бахмен, помешивая в горшке кашу и пробуя, достаточно ли она соленая. — Поговори со священником, авось, он что-нибудь да подскажет. А я завтра пойду в холмы, нужно найти кое-что. Есть у меня один план, — он лукаво прищурился, — да только вот не хватает одного корешка. Должен он быть в холмах, да что-то не попадается мне. Может, ближе к горам будет.

— Бахмен, прошу, не ходи туда, там опасно, там волки! — воскликнул я.

— Эх, да что мне эти волки! — засмеялся он. — Ни одному волку не интересна такая

старая головешка как я.

В воскресенье утром я направился на службу. Стоя в самой гуще толпы, окруженный со всех сторон людьми со скорбными лицами, я никак не мог сосредоточиться на том, что говорил отец Виттий, так как в моей голове усердно стучали молотки от подступающей тошноты, да и крутились вопросы, как обратиться к священнику с моей бедой.

Мы всегда уходили сразу же после службы, никогда не задерживались, и я с удивлением увидел, что, как только служба закончилась, священника со всех сторон начали облеплять люди. Я по инерции двинулся тоже вперед, но толпа из стариков, старух и женщин, стремившихся поцеловать руку и просивших благословения, толкавших сопротивляющихся детей и протягивающих орущих младенцев с просьбами избавить их от болезней, не подпускала меня ближе.

Несколько раз я пытался открыть рот, но все время кто-то вклинивался вперед, отталкивая, оттягивая меня и даже шикая, чтобы я не мешался под ногами. Только дождавшись, когда последние плачущие старики уходили, а священник собирался уже садиться в коляску, я, запинаясь от страха, обратился к нему.

— На все воля божья, мальчик, — ответил он мне. — Все мы рано или поздно придем к этому. Только с молитвами выздоровеет семья твоя.

— А как же старик, которого я пригласил?

— Это хорошо, что ты его пригласил, стариков надо уважать и любить, и добро тебе воздастся. Все мы, если Господь позволит, будем немощными.

Священник протянул мне руку, и я смутно догадался, что ее нужно поцеловать. Он сделал в воздухе крест и, встряхнув вожжами, тронулся.

В сумерках, когда начал чуть накрапывать дождь, вернулся довольный Бахмен.

— Ну, повезло, повезло нам. Я уж совсем было отчаялся, думал, возвращаться придется ни с чем, да нашел я таки. Вот, — он достал из грязной суконной сумки, перекинутой через плечо, мокрый разветвленный корешок с кусочками земли, — этого боятся злые духи — жгущий корень! Мы высушим его, добавим можжевельника и полыни и выкурим проклятого джинна из твоего дома. Все будет хорошо. Когда я бродил по холмам, мне пришла в голову мысль, что плохо, что я потерял веру. Вера — это дело такое, то потеряешь ее, то опять найдешь. С ней непросто, но и без нее плохо. А верить все же нужно. Ты, вон, читать обучился, никогда не обучаясь. Значит, есть сила. А если есть сила зла, то и противодействие есть — сила добра и веры. Не верю, что нельзя никак выгнать из дома этого проклятого джинна. Не верю, что разум и тело человека можно так одурманить колдовством. Скоро мы покажем ему, кто хозяин в твоём доме. А если уж и не поможет, что маловероятно, есть у меня и второй план. В Рудах, что дальше от Низкогорья, есть одна женщина, давно еще говорили, что она может изгонять злых духов, бесов из домов и людей. Поедем тогда к ней. Что-то должно помочь, — он принялся за чистку корня и, довольно усмехаясь, добавил: — А, каков старый Бахмен? Годен еще на что-то? Не только овец может пасти.

Я тоже впервые за все это улыбнулся и почувствовал легкое чувство спокойствия, как первое дуновение весны, означавшее конец долгой и тяжелой зимы.

Ближе к ночи, когда мы уже собирались укладываться спать, кто-то постучал в дверь. За дверью, с ночником в руках, стояли Ладо и Тито. Ладо извинился за столь поздний визит, сказав, что он догадался, где я могу быть.

— У нас, кажется, проблема, — сказал он в смятении. — Сегодня к Софико, когда она

гуляла возле гусиного пруда, подходила пожилая женщина, одетая в мужское пальто, а на голове у нее был повязан платок, синий с мелкими цветами. Дочка сказала, что эта странная женщина интересовалась, когда ей исполнится тринадцать, и предлагала сделку — точно такую же, какую тебе подложил старик, — он посмотрел на меня, и в комнате повисла тишина.

— Это была моя мать, у нее есть такой платок, — сказал я. — Это значит... — все замерли, — это значит, что мои родители превращаются в того самого старика?

— Они превращаются в джинна, — глухо промолвил Бахмен. — Джинны могут вселяться в человека, жить в домах, вызывать болезни. Но я не слышал, что они могут превращать других людей в самих себя, но судя по тому, что мы знаем, так и есть. Им нужен дом.

— Но они уже живут в доме? — воскликнул Ладо.

— Наверное, им нужен новый дом, — Бахмен развел руками, — их же теперь четверо. Это всего лишь мои догадки.

— Они мне говорили, что скоро уйдут из дома. Спрашивали вчера, сколько лет Софики. Я тогда не понял ничего, но сейчас... Их интересуют такие же, как и я. И они все знают, они знают, что это я пригласил старика, они знают, что я их предал, — произнес я едва слышно и опустил голову: я боялся увидеть в их глазах осуждение и жалость.

— Хорошо, давайте подытожим, — сказал Ладо, — допустим, некий старик или что-то в образе старика, например, джинн, как говорит Бахмен, должен найти ребенка, которому еще нет тринадцати. Ребенок должен пригласить старика в дом, и тогда он получит какое-то желание. Сделка совершается, старик оказывается в доме и становится невидим, потому что он джинн или кто-то еще. Потом он заражает всех домочадцев, кроме самого пригласившего. Ведь с тобой все в порядке, Иларий? — я кивнул и Ладо продолжил: — Далее идет следующая цепочка: все заразившиеся стареют и становятся такие же, как и старик, и также ищут подростка и дом в обмен на желание. Это все, что мы пока знаем, — закончил Ладо и покачал головой: — Ну и дела. Никогда не думал, что столкнусь с нечто подобным. Тогда получается, что это нечто так размножается? Раз старик откуда-то пришел к Иларию, значит, его тоже кто-то заразил, и он раньше был человеком? Оно может распространяться. Ведь еще кто-то еще может пострадать? Это... это как чума! — воскликнул он и с ужасом посмотрел на нас. — Во время чумы зараженных держали в одном месте. Нельзя допустить, чтобы эти оборотни, — он осекся и продолжил: — Прости Иларий, чтобы твоя семья покинула дом. Пока мы не поймем, как можно их вылечить, они должны находиться все вместе.

— И как же мы это сделаем, если они будут возражать? — спросил Бахмен.

— Нужно заколотить дом, другого выхода нет. Только мы не знаем, сколько у нас есть времени, поэтому медлить нельзя.

Посоветовавшись, мы решили, что овец и лошадь нужно перегнать к дому Бахмена, только если вот место для лошади имелось, то загон, оставшийся еще с тех времен, когда у Бахмена было свое стадо, изрядно покосился и пришел в негодность. Ладо сказал, что рано утром они с Тито придут с инструментами и подправят его.

Укладываясь спать на жесткой деревянной лавке, Бахмен проговорил:

— Не грызи себя так, мальчик мой, все мы ошибаемся. Все наладится, вот увидишь, все наладится. Только верь. Верь.

Я слушал покряхтывание Бахмена, пока он не уснул, а сам долго лежал и смотрел в

шевелиющуюся за окном пустоту, и мне казалось, что мои губы и рот были пропитаны кровью, и неуловимый привкус меди вызывал приступ тошноты. Мне казалось, что я навечно замарался в чем-то омерзительном и скверном, и никогда, никогда я не смогу смыть с себя это.

9.

На следующий день Ладо и Тито подошли к дому Бахмена, когда солнце еще не показалось на горизонте, и мы втроем, не мешкая, приступили к работе. К полудню загон был готов: подправлена крыша, стены, укреплена ограда.

— Ну, славно поработали, — удовлетворенно сказал Ладо, — до холодов должно быть неплохо, а потом посмотрим.

Я заглянул в дом, чтобы позвать Бахмена на обед, но в доме его не было.

— Может, он ушел в холмы? — спросил Ладо.

Но я сразу же отверг это, когда увидел, что на печи не было того самого «жгущего корня». Беспокойная странная мысль засела в моей голове: «Не случилось ли что плохого с ним?». Я сказал, что нам непременно нужно сейчас же идти к моему дому. И чем ближе мы подходили, тем сильнее мной овладевало беспокойство.

Возле калитки мы заметили рассыпанные белые крупинки.

— Похоже на соль, — сказал Ладо, рассмотрев крупинку.

— Посмотрите! — крикнул я. — Дверь дома, кажется, заперта.

Действительно, входная дверь была закрыта на тяжелый металлический засов, через который был перекинут замок с незащелкнутой дужкой. Эту дверь мы запирали только тогда, когда все вместе уходили в церковь.

— Вы чувствуете запах? — нахмурился Тито, — внутри, будто что-то дымит. Из дверной щели тонкой змейкой повеяло горьким запахом жженой травы.

— Нужно срочно открыть дверь, там Бахмен! — закричал я, и Ладо, мигом сорвав замок, дернул дверь. Тяжелое облако ядовито-едкого дыма вырвалось на свободу, и разом запершило в горле, и заслезились глаза.

— Стой здесь! — крикнул мне Ладо, и они с Тито, прикрывая носы рукой, забежали внутрь. Послышался тихий звон упавшей посуды, кашель, ругательство и вскоре я увидел спину Ладо показавшуюся в дверях. Потом из двери выплыли старые, с протертой подошвой резиновые сапоги, потом ноги в коричневых, залатанных на коленках штанах, жилет на овечьем меху, надетый поверх грубой суконной рубахи, и безвольно повисшая лысая голова Бахмена.

— Он умер? — тихо спросил я, когда Ладо с Тито отнесли его подальше от дома и аккуратно положили на усыпанную желтыми листьями траву.

— Боюсь, что да, — промолвил Ладо, осмотрев лицо Бахмена. — Задохнулся.

Тяжелый молот ударил в мою грудь, и я едва удержался, чтобы не упасть. «Он пришел сюда из-за меня, он хотел мне помочь, это я виноват, виноват, виноват», — оглушал меня молот.

— Иларий, здесь нет твоей вины, — сказал Ладо, словно угадав мои мысли, — Бахмен мог выйти из дома, но дверь была заперта. Кто-то закрыл ее, когда он вошел. Остается узнать, кто это мог сделать...

— Смотрите! — пошептал Тито, показывая рукой на дверь.

В дверях дома, не выходя на свет, стоял старик. Он несколько секунд, сверкая глазами,

смотрел на нас, а потом резко исчез внутри.

— О, боги, — выдохнул Ладо, — он был все время внутри и он живой. Не может быть, чтобы он еще был человеком, раз его не берет даже такая гарь.

— Да, когда мы были внутри, мне показалось, что я видел еще кого-то, с длинными волосами, — сказал Тито, — наверное, это была женщина. Она выглядывала из-за угла и трусилась, как мелкая собака.

— Если двое были все это время в доме, то значит, третий запер дверь, значит, один ушел... Сейчас же нужно заколотить дом! Последние почести славному старику Бахмену мы отдадим позже, нужно торопиться.

— Подождите, — схватил я за рукав Ладо, — Бахмен говорил, что их можно спасти. Если мы заколотим дом, то они останутся без воды. Что, если им нужна вода? В подвале-то есть еда, они продержатся, но им нужно принести воду!

— Иларий, сомневаюсь, что они будут пить и есть? Они скорее кровь будут высасывать.

— Нет, я не могу так, я сам все сделаю.

Набрав в колодце ведро воды, я направился к дому. «Я не боюсь, я не боюсь, — повторял я, — они мои родители, они не причинят мне вреда. Я просто поставлю ведро и уйду». Горький запах жженой травы уже выветрился, и я медленно зашел в дом. «Поставь возле входа и уходи», — приказал я себе, и тут же из кухни выглянули две пары блестящих глаз. Я едва не закричал: передо мной стояли абсолютно два незнакомых мне старика, и только по одежде и по волосам можно было узнать, кто из них был раньше моим отцом, а кто — матерью.

— Возвращение блудного сына, — прокряхтел отец. — Пришел проведать нас?

— Я...я принес вам воды.

— А зачем она нам? Нам теперь не нужна ни вода, ни еда. Нам только нужна душа, страдающая душа. Мы чувствуем одну, сильно страдающую душу. Она так сильно пахнет, как свежескошенная трава. Но он быстрее дозрел и быстрее доберется.

— Кто дозрел? — выдохнул я, и, не сводя с них глаз, медленно поставил ведро на пол и отступил. Старики тоже ступили вперед.

— Тот, кто раньше был твоим братом. А мы уходим сейчас...

Я опрометью бросился к выходу. Старики завизжали, и мне показалось, что их длинные сухие руки, напоминающие старые коряги болотного дерева, лязгнули со свистом у меня над головой. Несколькими парящими шагами я пересек расстояние до выхода и, схватив дверь, закричал: «Запирайте!». И прежде, чем я успел захлопнуть дверь, один из стариков просунул руки в проем. Ладо, бросившийся помогать мне, подтолкнул плечом дверь, а Тито, мощным ударом палки, заставил стариков в очередной раз взвизгнуть и исчезнуть внутри дома.

— Ну, что, напоил их водичкой? — воскликнул Ладо. — Срочно заколачиваем!

Притащив доски с сарая, гвозди и молотки, мы принялись закрывать окна.

— Чердак! — крикнул я. — Нужно заколотить окно на чердаке. В сарае есть длинная лестница.

— Заколачивайте окна, я справлюсь, — сказал Ладо. Он кинул на коридорный навес пару досок, установил лестницу и прытко пополз вверх.

— Папа, смотри! — Тито в ужасе показал на чердак, из окна которого выглядывал трясущийся от злости старик, собираясь спрыгнуть на крышу навеса.

— Сгинь, чертова пакость! — страшным голосом закричал Ладо, замахиваясь доской на старика, который не сильно испугался, а только чуть отпрянул внутрь дома. Покатая крыша

навеса никак не давала Ладо занять устойчивое положение, приходилось нагибаться вперед, скользить, стараясь не упасть, а старик, скаля зубы, только и ждал, когда тот совершит ошибку.

— Мне нужны еще доски! — крикнул нам Ладо.

Тито стремглав забрался по лестнице.

— Вот доски, давай, папа, толкай его внутрь!

Подобравшись ближе к окну, Ладо замахнулся на старика, по-прежнему не желавшему уходить, и швырнул в него доску. Старик взвизгнул и отскочил внутрь, в этот момент Ладо успел схватиться за створку окна, открывающегося вовнутрь, и потянуть на себя, но старик, сделав прыжок, вцепился зубами в его руку.

— Ах ты, черт! — заорал Ладо. Он выхватил молоток из кармана и, что есть силы, стукнул старика по голове. Яростно заверещав, старик отпустил руку и спрятался в глубине чердака.

Когда заколотили окно, Ладо показал руку.

— Смотри, как прогрыз, ну и зубищи. У обычных стариков к этим годам их и нет вовсе, а у этого, ты погляди, как у клыкастой собаки.

Заколотив дом до основания, мы все трое стояли красные, шумно дышали, будто только что пробежали несколько километров, и озирались по сторонам, словно кто-то, вот-вот, откуда-нибудь должен был выскочить.

Тито достал из кармана самокрутку, чиркнул спичкой и закурил.

— Да, папа, я курю. Я уже давно взрослый. Нечего на меня так смотреть, — сказал он укоризненно вопрошающему отцу.

— У тебя есть еще? — спросил Ладо.

Тито, молча, достал из кармана еще одну самокрутку и протянул ему.

— Можно и мне? — спросил я.

— Ладно, дай ему, — вздохнул Ладо, — сегодня можно, день слишком тяжелый, а вообще, Иларий, никогда не кури. Это все дрянь.

Солнце двигалось к закату, когда мы втроем хоронили Бахмена, и я пребывал в каком-то странном оцепенении, будто мою голову сковал мысленный паралич. Так закончился путь славного старика, моего лучшего друга. Сгущались сумерки, усилился ветер, поднимая осыпавшуюся пожелтевшую листву и гоняя ее в маленьких пыльных водоворотах. И снова, где-то спрятавшись в синеве, закричала та страшная ночная птица, протяжно нарушая тишину холодного осеннего вечера. Еще долго, склонив головы, мы стояли возле свежей насыпи земли, каждый думая о чем-то своем, а когда двинулись домой, птица все продолжала надрывно кричать, будто больше всех скорбела по доброму старику Бахмену.

10.

Оцепенение, настигнувшее меня, не покидало несколько дней. Каждое утро я просыпался от холодных ручейков осеннего ветра, заглядывающих в щели старого дома, будто проверяющих, есть ли кто живой, и до самой ночи я занимался делами по хозяйству, а потом падал в глубокую яму сна, будто засыпавшую меня холодным снегом.

У Бахмена были небольшие запасы еды в погребке, и я рассчитывал, что на зиму мне их должно было хватить. Еще у него были огромные валенки и бушлат, выглядящий так, будто пережил несколько войн. Я знал, что зима настанет быстро, но не ее я страшился, я боялся лишиться сил. Пока у меня еще их хватало: я неплохо двигался, выполняя тяжелую,

монотонную работу, но я знал, что надолго моих сил не хватит. С каждым днем они таяли. Ведь я был всего лишь мальчиком, высоким и тощим как жердь, одиноким и таким несчастным, как тысяча брошенных голодных псов.

Вечерами я смотрел на пляшущие тени от горящей лучины и думал. Думал о Бахмене, об Орике, о родителях, брате, о моем доме... и о старике. Вся моя жизнь перевернулась, разве не этого я хотел? Нет, я не этого хотел, отчаянно твердил я себе. Я хотел вернуть все назад. Мне не нужна была эта грамота и эти глупые книжки, я хотел быть снова безропотным пастухом. Я хотел, чтобы у меня снова был угрюмый и нелюбящий отец, мать, тихая и беспрекословная, насмехающийся брат, и мои друзья — Бахмен и Орик. Только лишь бы они были. «Неужели нет выхода? Неужели нет спасения? Я перестал верить... Вера. Во мне нет веры. Бахмен говорил, что нужно верить и не сдаваться. Он верил, что можно спасти моих родных. Поэтому он и пошел в мой дом, пытаясь мне помочь. Неужели я хочу, чтобы его смерть была напрасной? Этого нельзя допустить!».

Пару раз ко мне приходила Софико с горячим обедом. Мне было совестно брать у нее еду, я знал, что в ее большой семье каждый кусок был под счет. Приходил Ладо, помогал по хозяйству. Я хотел ему отдать пару овец, в знак благодарности за его помощь, но он отказался.

— Я не могу их принять, — сказал он. — Могут быть вопросы, откуда у меня появились овцы, ведь здесь, хоть и кажется, что повсюду тишина, и никому нет дела до тебя, жив ты аль нет, да обманчиво все это. И тебе что-то нужно решать. Сам же понимаешь, справишься одному в этой глуши будет очень тяжело. Ты крепкий парень, сильный, но такая работа не каждому взрослому будет под силу. Ты не можешь все время жить один: здесь могут ходить бродяги. Овец ты тоже не сможешь продать, сразу спросят, почему тринадцатилетний подросток продает имущество родителей, и где есть эти самые родители. Тот же самый Милон может заглянуть сюда. Это, конечно, было ошибкой обращаться к нему. Но, кто знал... Тебе придется обратиться к тетке, Иларий, тебе нужен опекун.

Я сказал, что так и сделаю, но напоследок хочу попробовать съездить к той женщине, которая может изгонять злых духов из домов, о которой говорил Бахмен. Ладо скептически покачал головой, посмотрел на мои полные мольбы глаза, вздохнул и, махнув рукой, сказал: «Ладно, чем черт не шутит, завтра поедем».

Засветло мы запрягли отцовскую лошадь и тронулись ранним сырым утром. Обильные осенние дожди еще не навевались на нашу землю, поэтому мы без приключений забрались до села Руды, как только миновало время обеда. Но там удача покинула нас: оказалось, Бахмен ошибался — никто из жителей не слышал о некой женщине, обладающей такими способностями. Исколесив все село, мы наконец-то нашли хоть какую-то зацепку: одна пожилая доярка, сказала, что слышала от своей родственницы о такой бабке, но проживает она гораздо дальше, и доберемся мы до нее, в лучшем случае, только к поздней ночи, как бы ни к утру.

Расспросив дорогу, мы двинулись в путь, на север. Чтобы не сбиться ночью с пути, решено было остановиться на ночлег возле небольшого озера. К счастью, у нас с собой был небольшой запас еды и питья, а также тяжелая подстилка из гусяного пера, которая точно не позволила бы нам замерзнуть.

— Ладо, как ты думаешь, кто этот старик? — спросил я, лежа на спине и глядя в черное, усыпанное звездами небо, так схожее с нашим «звездным» ручьем.

— Не знаю, Иларий, не знаю, — вздохнул Ладо. — Я за всю жизнь не сталкивался ни с

чем подобным. Да и никогда в нечисть всякую не верил. Но вот это, — он вытащил из-под одеяла левую руку, обмотанную тряпкой, — вот это доказывает, что *она* существует. Разве смог бы меня так укусить человек? Никогда бы я не поверил во все то, что случилось с тобой, если бы сам не увидел. Есть кое-что такое, о чем мы не слыхали еще. Вон раньше верили, что Земля плоская и стоит на слонах, а те стоят на огромной черепахе. А сейчас мы смотрим на звезды и знаем, что живем на небольшой круглой планете, а там есть миллионы-миллионы других планет и звезд. Но раньше-то этого не знали. Значит, и есть объяснение тому, кто этот старик и откуда он взялся. На все должно найтись объяснение. Надо просто искать ответы. Чтобы понять, как с ним бороться, нужно узнать про него все. Понять, кто или что породило это существо, найти его источник.

— А ведь старик этот пришел ко мне неспроста. Он пришел в поле, зная, где я нахожусь. Он пришел из-за меня. Когда я в последний раз видел родителей, они сказали, что им не нужна еда и вода, им нужна только страдающая душа. Ладо, это я привлек его своими страданиями. Я так хотел научиться читать, я так хотел ходить в школу, хотел иметь другую жизнь. А теперь, я умею читать дурацкие буквы, а мои... — в горле что-то сдавило, и я не смог больше говорить, слишком больно мне стало.

— Послушай, Иларий, что я скажу, мне тридцать шесть лет, и я за всю свою жизнь совершил много ошибок, очень много. Нет мне прощения за них, и не будет ни здесь, ни на том свете. Я долго размышлял о том, что такое жизнь, и почему часто она нас заводит в дебри. Понимаешь, есть такие тонкие-тонкие мостики. Они периодически появляются у нас на жизненном пути вместе с другими дорогами, мостами, мощенными, каменными, надежными. Но что-то происходит, что тебя манит именно этот мостик. Что-то там такое за ним блестит и привлекает тебя. Но он крайне ненадежный и сомнительный. Большая просторная дорога дает тебе шанс развернуться, но не этот мостик — ступишь на него и все, обратно пути нет. И когда ты делаешь шаг, только тогда ты видишь, что под ним — зеленая мягкая лужайка или бурлящая река, с острыми камнями, которые могут перемолоть все твои кости. Еще шаг и ты начинаешь различать детали, что там на том берегу — успех, счастье, здоровье или что-то страшное и очень плохое. В этом и заключается коварность таких мостиков. Но выбор сделан, и ты не можешь повернуть назад. Все, что ты можешь сделать — это дойти до конца.

Тебе повстречался такой мостик, и ты на него ступил. Тебе не повезло. Но теперь это твой жизненный путь до тех пор, пока не появятся другие крепкие дороги. Мягкая трава под мостом — это спокойная чистая совесть и отсутствие вины и страданий за выбор. Тебе досталась бурлящая река и острые камни — сомнения, обвинение себя за этот шаг, стыд и терзания. Самое главное, что пока ты будешь видеть перед собой эти камни, пока ты будешь чувствовать вину, перед тобой не появится другая хорошая дорога. Ты сойдешь с этого моста только тогда, когда перестанешь видеть камни и бурлящую реку. Понимаешь?

К сожалению, ты не первый кому встречаются эти коварные мосты. Они всегда незаметно возникают перед нашим носом, манят своей неожиданностью и желанием получить то, что за ними находится. Я ступил однажды на один из них, и на моих руках оказалась кровь человека, моего родного брата. Да, Иларий, я убил его. Я родился в очень бедной и очень большой семье, и в раннем возрасте попал на работу к богачам. Тогда это было очень большой удачей, многие голодали, умирали, а у меня была всегда тарелка еды и даже жалованье. Скучное, но в то тяжелое время о лучшем и мечтать было грешно. Мой хозяин был суровым, но он не был плохим человеком, он даже помогал мне, разрешал

посещать занятия вместе с его сыном. И я поднахватался кое-каких знаний. Единственное, что меня омрачало, что моя семья голодала. И однажды у меня созрел один план. У хозяина был амбар, где хранилось зерно. Его охраняли только собаки, которых выпускали по ночам в определенное время. Выпускал их сторож, и как-то он заболел, и мне доверили несколько дней выпускать собак. Два дня я их выпускал, как положено, а на третий, я подговорил брата пробраться к амбару и вынести мешок зерна. Никто не хватился бы его, все знали, что собаки надежно охраняли территорию. В назначенное время брат забрался в амбар, а я должен был ждать свист брата, означавший, что он в безопасности, и только тогда открыть задвижку, чтобы выпустить собак. План был прост, как ясное стекло, но все случилось не так, как я думал. Хозяин почему-то решил проверить меня и в то самое время, когда я ждал знака от брата, оказался рядом. Он спросил, почему собаки еще не выпущены. Я не знал, что ответить. Он закричал на меня, чтобы я выпускал их, а я все ждал, когда же услышу знак, но его все не было и не было, а хозяин в бешенстве кричал и кричал: «Выпускай! Ты что оглох? Выпускай!». И я открыл задвижку. Сначала было тихо, я обрадовался, что ведь брат успел убежать, что я просто не услышал свист, но когда собаки яростно залаяли, и я услышал крик, мое сердце остановилось. Брат не успел добежать до выхода, его разорвали в клочья. Рядом с ним валялся мешок рассыпанного зерна. И никто тогда не узнал, что этот вор был моим братом.

Долго и страшно я ненавидел и презирал себя. Я мог бы тогда упасть на колени и сказать хозяину правду, что там мой брат ворует его зерно. Нас обоих бы выпороли, отправили в тюрьму, но брат был бы жив. Но тогда я в первую очередь подумал о себе. Я был чуть старше тебя, Иларий, и я испугался, что потеряю работу, что снова узнаю о голоде, мне страшно и стыдно было признаваться в том, что я подлый и лживый человек. Мое малодушие стало причиной гибели моего брата, но, когда уже все произошло, пути назад не было. Долго я хотел покончить с собой. Но каждый раз я снова и снова ощущал себя безвольным и малодушным человеком. Я не смог. Сейчас у меня есть сын, которого зовут так же, как и брата — Тито. И он очень похож на него. Сейчас я стараюсь, насколько это возможно искупить свою вину, но я понимаю, чтобы я не сделал, моего страшного поступка ничто не искупит. И я смирился с этим. Нужно жить дальше, Иларий, нужно жить, как бы сложно ни было.

11.

Раннее утро осыпало нас росой и спрятало в туман. В село, которое мы держали путь, называлось «Птичья долина». Добрались мы до него, когда солнце стояло уже высоко. Где находится дом женщины, которую мы искали, указал первый встреченный нами рыбак. Оказалось, что женщина эта была незаменимым человеком, и дорогу к ней знал каждый селянин с самого детства. Женщину эту звали Варидой. Она заговаривала детские болезни, помогала с родами, лечила от пьянства и к ней постоянно бегали женщины решать любовные и семейные проблемы.

Когда мы остановились возле нужного дома и позвали хозяйку, на встречу к нам вышла, переступая короткими, тяжелыми, мясистыми ногами, похожими на столбы, маленького роста краснолицая женщина лет шестидесяти. Ее туловище прогибалось вперед под тяжестью больших, обвисших грудей, которые доставали до самого живота. Ничуть не удивившись гостям, она кивнула нам, открыла ворота, и мы проехали внутрь просторного двора.

Узнав, откуда мы прибыли, она сразу пригласила нас в дом, на обед. Поставила перед нами кашу с кусочками тыквы, выпечку и горячий чай. В тот момент, когда мы с жадностью приступили к поглощению еды, я почувствовал на себе робкую легкую тень, будто кто-то наблюдал за мной. И подняв голову, увидел большие светлые глаза, обрамленные черными ресницами, наблюдающие за мной из-за навешенного на крючках тряпья. Старые пальто, кофты, юбки, платья, нагромождаясь друг на друга, висели над лавкой, практически полностью скрывая любопытного, прятавшегося в них человека, и только по маленьким, худым ногам, обутом в стоптанные башмачки, выглядывающим из-под тряпья, и длинной юбке, можно было догадаться, что там прячется девочка. Когда она поняла, что ее обнаружили, она, как маленькая птичка, юркнула обратно в свое убежище.

Варида все это время, пока мы занимались едой, даже не обращала внимания на нас, что-то варила на печи и хлопотала по хозяйству, напевая под нос. Села она за стол, напротив, только когда мы опустошили миски. Ладо попробовал начать разговор, но она взмахом руки дала понять, что не время говорить, и тяжелым взглядом начала пристально рассматривать нас. Ладо ее быстро перестал интересовать, и все свое внимание она сосредоточила на мне. Цепкими черными глазами она смотрела в мое лицо, и мне казалось, что я был закаменелой, глинистой почвой, а она бороной, которой непременно нужно было вспахать неплодородную землю.

— Мальчик болен, — произнесла она зычным голосом.

— Нет, — возразил Ладо, — с мальчиком все хорошо. У нас другая проблема.

— Ваша проблема — это мальчик, — резко возразила женщина. Она принесла металлический подстаканник, в котором стояла толстая желтая восковая свеча с подтеками, зажгла свечу и сказала: — Смотри на огонь.

Перед тем как повиноваться, я заметил, что таинственная девочка практически полностью высунула голову из тряпья и с интересом потянулась вперед, словно сама хотела посмотреть, что со мной не так. У девочки оказались светлые, коротко подстриженные, волосы, и я подумал, что они похожи на мои.

— На огонь смотри! — приказала женщина так громко, будто ударила оплеуху. — Теперь смотри на меня, — сказала она, когда я минуты две созерцал огонь. — Хм, хм... странный мальчик, очень странный, — забормотала она, — ничего не пойму, будто мальчик находится под водой, кто-то закрывает его от меня. Дай сюда руку, — она обхватила ее своей тяжелой шершавой рукой и закрыла глаза. Некоторое время она молчала, но потом воскликнула: — Смерть! Я вижу смерть. О, бог ты мой! Мальчик особенный, он... дружен со смертью. Она оберегает его. И это чепуха какая-то! — Варида открыла глаза и с какой-то долей презрения и отвращения посмотрела на меня, отбросив мою руку.

— И что это значит? — озадаченно спросил Ладо.

— Бог его знает, — вспыхнула она, — говорю, что видела! Мальчика нужно лечить.

— Варида, послушайте, — мягко начал Ладо, — мы приехали не из-за мальчика. У нас другая беда.

Ладо, аккуратно подбирая слова, начал рассказывать обо всех недавних событиях. И я заметил, что девочка, с жадностью слушая историю, уже приподнялась со скамьи, готовая полностью вынырнуть из своего убежища, как вдруг с грохотом ударила входная дверь, послышалась тяжелая поступь, на лице девочки тенью промелькнул ужас, и она снова исчезла, зарывшись в хламье.

— Где Мария, черт ее побери! — громыхнул мужской голос, и в комнату, пригибая

голову в проеме двери, ввалился, как разбуженный медведь во время спячки, массивный, высокий, черноволосый мужчина с большой, как лопата, черной бородой.

— Морис, не смей поминать нечистого, у меня гости! — шикнула на него Варида. — Ты опять уже напился?

— К черту мне этих гостей! Мария у тебя? — судя по багровому лицу мужика, он был действительно пьян, и пил он довольно часто.

— На что она тебе опять нужна? Заринка что ль опять не справляется?

— А тебе-то какое дело? Мария моя дочь, поэтому, когда хочу, тогда и требую. Дети орут, как резаные. Ей сказано, чтобы она следила за ними, а она снова убежала!

— Но так Заринка же твоя лупит ее постоянно! Что девочке остается делать? Сносу ей нет! А дети твои орут, как резаные, потому что все в мать и отца. В кого им быть тихими?

— Варида, молчала бы ты лучше! Не была бы ты моей соседкой, за твой острый язык, давно бы тебе встряску устроил. Заринка — моя жена, и ей можно лупить Марию столько, сколько ей вздумается и сколько та заслужит. Если та плохо справляется с детьми, то за что ее по голове гладить?

— Ой, испугалась я безмозглого пьянчугу! Да как можно с твоими оголтелыми балбесами справиться бедной девочке, если они по росту уже вот-вот догонят ее? Я еще, когда роды у твоей Заринки принимала, сразу видела, что все вырастут разбойниками, крови попьют немало. Это они еще пока маленькие, но меня не обманешь, я сразу вижу, кто станет порядочным человеком, а кто бесчестным. Пожалей ребенка, она же без матери осталась!

— Это хорошо, что ее мать, потаскуха, померла, дурного примера меньше. И Марию надо чаще бить, чтоб такой же не выросла! Так, где она? Я знаю, что она к тебе постоянно таскается?

С ужасом я увидел, как этот огромный, кроваво-багрянистый мужик повернул голову и уставился на лавку, в то самое место, где пряталась девочка, пытаюсь слиться с ветхим тряпьем.

— Ага, вот ты где, поганка! — гаркнул он и рванул ее за тонкую руку.

Девочка с надрывом, как пластмассовая кукла, пролетела расстояние до мужика и, не доставая до пола ногами, повисла на своем плечике. Ее большие серые глаза тоскливо посмотрели на меня, и, беспомощно волочась, она исчезла в дверном проеме.

В комнате повис тошнотворный запах табака и перебродившего кислого вина.

Некоторое время Варида, нервно жестикулируя, ходила по комнате, возмущалась, поминала мужика всяческими бранными словами, и будто забыла о нашем присутствии, потом, чуть успокоившись, снова потребовала рассказать, зачем мы приехали.

— В доме мальчика случилась беда, — вздохнув, снова начал раскрасневшийся Ладо, вытирая пот со лба. Объяснять — оказалось не так то и просто.

Когда Ладо закончил историю, Варида, шумно дыша, как большой паровой котел, выпучила на нас большие черные глаза, которые и без того были выпученными.

— Вы думаете, что в них вселился бес? — спросила она.

— Если бесы существуют, то...

— Бесы существуют, — категорично отрезала женщина. — Дело другое, что я ими не занимаюсь. Бесовщина — это слишком серьезное и тяжелое дело. Такая простая бабка, как я, вам ничем не поможет.

Я и Ладо беспомощно посмотрели друг на друга: неужели весь наш путь был напрасен. Ладо предпринял еще одну попытку, но Варида снова наотрез отказалась принимать

участие.

— Но я останусь сиротой, — воскликнул я, — пожалуйста, помогите! Я больше не знаю к кому обратиться! Мы ехали к вам, потому что вы наша последняя надежда! Прошу, пожалуйста, просто посмотрите на дом, может, вы подскажете, что делать дальше? У меня нет денег, но есть овцы, я отдам вам две, три овцы, сколько вы захотите, но я не могу просто так сдаться, пожалуйста, — я встал на колени перед ней, и Варида, с силой стукнув ногой по полу, потребовала, чтобы я немедленно поднялся.

— Ладно, — наконец сказала она после продолжительных раздумий, — я съезжу с вами, но ничего не обещаю. Слышите, ничего не обещаю! Я вас предупредила. Завтра поедем.

Она отвела нас в небольшую саманную пристройку к ее дому и сказала, что там мы можем переночевать.

Вечером, поужинав, я решил сходить на высокий холм, увиденный мной во время прогулки днем. На возвышении холма росла могучая акация, на ветвях которой были перекинута две толстые веревки, и к ним была привязана деревянная дощечка. В результате эта конструкция образовывала довольно неплохие и удобные качели. Усевшись на них и чуть оттолкнувшись ногами от земли, я мечтательно уставился на пушистые, мягкие облака, освещенные заходящим солнцем. Качели, мерно поскрипывая, отправили меня в далекий мир, в котором не существовало проблем и забот, где я забылся и растворился. Вдруг боковым зрением я заметил маленькую тень, как будто что-то промелькнуло справа, что-то похожее на мордочку маленького зверька. Тень спряталась за корявым стволом дерева. Я тихо спрыгнул с качелей, и, стараясь не шуметь, резко заглянул за ствол. Нет, это была не белка, как я сначала подумал, там, прижавшись вплотную к коре, на корточках, сидела та самая девочка.

— Ты зачем прячешься? — спросил я. — Тебя, кажется, Мария зовут?

Она, не сводя с меня больших глаз, кивнула.

— А меня Иларий. Тебе не нужно меня бояться. Выходи.

Девочка нечего не ответила, только слегка мотнула головой.

— Не бойся. Я тебя не обижу. Хочешь, покатаю на качелях?

Немного подумав, девочка поднялась, подошла к качелям, ловко, как обезьянка схватилась тонкими руками за веревки, подтянулась и села на дощечку. Ее ноги не доставали до земли, поэтому она не могла сама раскачиваться. Я чуть толкнул качели, стараясь, чтобы они двигались плавно и без рывков, и девочка, вытянув вперед ноги, старалась уже сама управлять ими.

— Ты вообще умеешь разговаривать? — зачем-то спросил я.

Она утвердительно кивнула.

— Это здорово! Во что ты обычно играешь?

— Я не играю, — ответила она неожиданно рассудительным голосом.

— А чем ты тогда занимаешься?

— Я нянька.

— А я пастух, овец пасу, — сказал я и замолчал, потому что не мог придумать больше ничего интересного.

Облака, словно набрав огненной силы, заискрились ярче, вплетая в себя сочные и яркие нити неба, опутавшие весь горизонт.

— Красиво там, — сказал я, показав рукой на закат. — Люблю смотреть, как заходит

солнце.

— Я тоже. Всегда сюда прихожу, когда получается сбежать. Только мои ноги слишком короткие, кататься не получается, — ответила она.

— Ничего, они еще вырастут, будут длинные, как мои, — поспешил я поддержать разговор. — Сможешь кататься сколько захочешь.

— У тебя слишком длинные, у меня не вырастут такие, — возразила она. — Мне нужны поменьше.

— Значит, вырастут поменьше, но такие, чтобы ты могла сама кататься.

— Тогда согласна, — вздохнула девочка, улыбнувшись. — Ты хотел бы оказаться там?

— Где? На облаках? Хотел бы. Мне кажется, там здорово.

— Там лучше, чем здесь. Эти облака похожи на пряники, политые малиновым вареньем.

— Любишь варенье?

— Ага, очень люблю. Я бы ела варенье вместо всего. Больше всего люблю малиновое. А ты?

— Я тоже, — соврал я: я никогда не ел малинового варенья. — А что ты еще любишь?

— Еще я люблю петь песни.

— Ух ты! Ты умеешь петь?

— Нет, не умею. Но я люблю. Я сама их сочиняю. Хочешь сочиню?

— Конечно!

Девочка вдруг смутилась, с сомнением посмотрела на меня, но все же запела тонким голосом:

— Я б забралась наверх, на пушистые облака,

И забыла бы обо всех, прыгая там до утра.

Там малиновое варенье и зеленые луга,

Пляшут кони из сирени, и русалки ныряют в поля.

Облака унесли бы меня далеко-далеко на моря,

И там желтое солнце, и лето вокруг, там мой друг, там мой друг, там мой друг.

— Ого, как здорово! — с восхищением сказал я и похлопал в ладоши.

Мария весело засмеялась.

— Тебе понравилось? Я еще много умею сочинять. В основном сочиняю про море.

— А ты знаешь, что такое море?

— Знаю, Варида мне рассказывала. Она там родилась. Это такое огромное до самого неба озеро. Оно такое большое, что там дальше ничего не видно. Там поднимается вода, плюхается прямо на камни и разлетается на много-много капель воды, обрызгивая тебя всего. В нем живет много разных чудищ, добрых и злых. Но злые не подплывают близко к земле. Они живут далеко, поэтому там можно купаться. Вода там теплая и соленая, как засушенная рыба. Там много белых птиц, и они кричат забавно. А еще они такие наглые, как коты, которые хотят что-нибудь стащить со стола, — она вдруг замолчала и тяжело вздохнула, устремившись взглядом и всем телом вперед, словно готова была в ту же минуту превратиться в птицу и улететь в представляемый ей мир. — Когда-нибудь я там побываю.

— Я тоже хочу туда.

— Поедем тогда вдвоем? — серые глаза девочки загорелись с такой силой, будто чиркнули спичкой.

— Давай! Но оно, наверное, находится очень далеко.

— Это неважно. Ты просто пообещай, что мы туда поедем, — с мольбой произнесла

она, будто от моих слов зависела вся ее жизнь.

— Обещаю, — с грустью сказал я и подумал: «Что я могу обещать, когда сам не знаю, что завтра будет со мной?».

— Это хорошо, — вздохнула она с облегчением и с какой-то радостью, — теперь я буду просто ждать. Ведь так хорошо, когда есть чего ждать...

Яркие отблески заходящего солнца начали растворяться и становиться сиреневато-оливковыми. Мария спрыгнула с качелей, поправила свою длинную темно-синюю юбку и, вздохнув, сказала:

— Мне пора. Мачеха отлупит меня, если я опоздаю. Пока Иларий.

— Пока Мария, — ответил я, и в моей груди что-то нестерпимо сильно защемило, тупая тоска, как большой придавивший грудь валун, навалилась на меня: я знал, что, дав надежду, никогда больше не увижу эту девочку. Ей, как и мне, просто нужна была надежда.

12.

Как только закричали петухи, и едва мгла ночи начала сереть, мы двинулись в дорогу. До Холмов мы добрались затемно. Возле дома Ладо нас уже встречали взволнованная Тина и Софики. Тито все это время жил в доме Бахмена, присматривал за овцами. На следующее утро, вчетвером, мы подошли к моему дому. Зрелище было тягостным и скверным: заколоченные окна, отсутствие каких-либо звуков, означавших жизнь, облетевшая пожухлая листва, засыпавшая весь двор — все это придавало вид давно заброшенного дома. Мне даже показалось, что сами стены дома постарели на несколько лет: дерево почернело, покоробилось, стало щербатым и заостренным, а заколоченные окна и дверь будто выгнулись дугой наружу, словно под напором чудовищной силы.

— О мой бог, мой сарай лучше выглядит, чем этот дом, — воскликнула Варида. — Зачем вы заколотили двери с окнами?

— Потому что те, кто внутри, опасны, — ответил Ладо.

— Бесноватые не опасны, если только они на самом деле бесноватые, а не еще какие-нибудь. Так, кто же там находится, если нужда заставила заколотить выходы?

— Мы не знаем, поэтому мы зайдем все вместе, все необходимое, которое может помочь, мы захватили.

— Но, тем не менее, вы дом заколотили, чтобы они не вышли, — женщина вздохнула и вытерла платком пот со лба. — Парни, я хоть и выгляжу, как женщина-валькирия, но я ей не являюсь. Если вы говорите, что они опасны, то вы думаете, их остановит крест и святая вода? Они же не вурдалаки! Вы бы еще чеснок принесли. Если в тех людей, правда, вселился бес, то нужны веревки, чтобы связать их и везти напрямиком к святому человеку.

— И где же найти этого святого человека? — спросил я.

— А вот в этом и заключается проблема. Сейчас святого сложнее найти, чем залезть с голой задницей в терновник и собирать там ягоды! Я, поди, на святую тоже не похожа. Я согласилась помочь, но я предупреждала, чтобы на меня больно уж не рассчитывали. Потому, если бесноватый или кто он там, кинется, то лучше отбиваться от него чем-нибудь тяжелым, чтоб можно было треснуть хорошенько.

Когда мы вошли во двор, листья под ногами недовольно захрустели и зашумели, будто предупреждали дом о визите гостей. Сняв с двери доски и отперев ставни кухонного окна, чтобы в дом поступал свет, вооружившись граблями и лопатой, с перекинутыми веревками на плечах, мы сняли засов с двери и зашли внутрь. Тито остался дежурить на улице, если

вдруг кто-нибудь незаметно захотел бы выскочить из дома, пока мы будем внутри.

Из дома повеяло затхлостью и сыростью. Этот запах напомнил мне болото, на которое я случайно набрел, когда искал пропавшую овцу, куда-то подевавшуюся при переходе через каменистый ручей. В поисках я забрел слишком далеко, едва ли не до самой запретной местности. Болото окружали со всех сторон такие высокие ели, что дневной свет лишь чуть рассеивался вверху, не доходя до темно-зеленой, бугристой тины, из которой торчали обломки сухих веток и коряг. Возле кромки зеленой воды я увидел какое-то разлагающееся животное, напоминавшее то ли мелкого волка, то ли собаку, а поверху воды, будто рассыпанные чьей-то рукой, плавали перья птиц. Это болото словно все состояло из мертвецов. Оно источало тошнотворный, сладкий запах, вызывающий головокружение. И теперь, когда мы входили в мой дом, такой же омерзительный запах сочился изнутри. Уже намного позже я понял, что это был за запах. Его ни с чем нельзя спутать. Это был запах умирающего дома.

Возле входа отчего-то я обратил внимание на грязный полосатый коврик, валявшийся скомканным в углу. Мать всегда с каким-то необычайным трепетом относилась к нему, следила, чтобы он был чисто выметен и аккуратно постелен, так как она сама, будучи незамужней девушкой, сшила его.

Первой, слева, располагалась комната брата. Дверь была открыта, и нам виден был невообразимый беспорядок, творившийся внутри: книги, ранее аккуратно стоявшие на полках, были все сметены на пол, кровать представляла собой неуклюжего монстра состоящего из перемешанной одежды, одеял, подушек и бог весть какого тряпья. Возле прохода я увидел то самое ведро, наполненное водой. В кухне также царил хаос: грязная посуда с островками заплесневелой пищи загромождала весь стол; кастрюли, чугунки и деревянные ложки хаотично валялись на полу вперемешку с какими-то тряпками, полотенцами и грязной одеждой. На подоконниках и на полу вокруг них были разбросаны глиняные черепки вперемешку с землей. Желтые ситцевые занавески на окнах безвольно свисали по бокам, словно их хотели сдернуть с петель.

— Они были в ярости, в очень сильной ярости, когда крушили все здесь, — прошептала Варида, прикасаясь к стенам.

Шаг за шагом мы осмотрели весь дом. Моих родителей нигде не было. И оставалось только два места, где они могли быть — мой чердак и подвал. Мы решили, что я полезу осматривать чердак, а Ладо самое худшее — подвал. Держа в руках лампу, я сглотнул комок страха, застрявший в горле: еще очень памятен был тот жуткий вечер, когда я, вернувшись домой, увидел там Богдана. Но сейчас забираться на чердак было еще страшнее, потому что теперь я знал, чего можно ожидать. Поднявшись по лестнице, я выдохнул и резко протолкнул лампу вперед, и, стараясь несильно высовывать голову, всмотрелся в часть освещенного чердака. Сквозь заколоченное окно, прорывался тонкий лучик света, попадая как раз на мою кровать. Никого не было. Но дальний угол оставался в темноте. Нужно было подняться на чердак и еще дальше протолкнуть лампу. Пригибаясь, я молниеносно оказался в своей бывшей комнате, и лампа осветила угол — никого.

— Значит, остается только подвал, — печально вздохнул Ладо. — Ну, что ж, надо лезть. Вы думаете, они могут быть там? Не знаю, не знаю. Чего бы им там делать? Там сыро и холодно, и водятся всякие многоножки, и мерзкие насекомые. Не думал, что когда-нибудь я скажу это, но честное слово, я боюсь.

— Давай лезь, — сочувственно махнула рукой Варида, — мне самой уже от этого дома

тошно.

Хмыкнув и вооружившись лопатой, Ладо поднял дверь в полу, осветил лампой ступеньки и начал спускаться.

— Иларий, насколько глубокий погреб? — спросил он.

— Он идет прямо, и справа еще есть отступ, в общем, не особо глубокий.

— Это радует, — неуверенно пропыхтел Ладо, продвигаясь вперед.

Его спина скрылась в подвале, и мы с напряжением всматривались в темноту, ожидая услышать с минуту на минуту какой-нибудь шум или вопль. И увидев, как он, с испариной на лбу, в спешке поднимался наверх, с облегчением вздохнули.

— Там нет никого, — сказал он, захлопывая дверь в подвал.

— Но где же тогда они? Неужели они могли выбраться из дома? Мы закрыли все выходы.

— Может они растворились в доме, как старик, которого ты пригласил? — предположил Ладо.

— Если они растворились в доме, то они точно не бесноватые, — сказала Варида. — Бесы поселяются в физическую оболочку, для них это важно. Без тела человека они тоже погибают, если не успевают перебраться куда-нибудь в другое место.

— Они хотели уйти отсюда, говорили, что им нужно покинуть дом. Может, с ними что-то случилось? — подумал я.

— Но где тогда тела?

— А что это? — Варида медленно подошла к каменной печи, наклонилась, что-то разглядывая на полу, потом поднялась и показала нам, держа в запачканных серой пылью толстых пальцах, маленькое, аккуратное медное кольцо.

— Это мамино, — сказал я, рассмотрев кольцо поближе. — Она никогда его не снимала.

— Ну, а теперь сняла, и насколько я вижу, навсегда, — удрученно сказала женщина.

— Что вы хотите этим сказать?

— Это ее прах, — показала она на горстку серо-черного пепла, лежащего рядом с печью.

— Ее что, кто-то сжег в печи? — недоуменно спросил Ладо.

— Нет, я думаю, это была естественная смерть, если можно так сказать. В доме оставалось двое? Если мы хорошенько поищем, уверена, найдем прах и второго.

Варида оказалась права: в большой зале, возле комода, неприметно лежала такая же кучка пепла, из которой выглядывал простой серебряный крестик на грубом черном шнурке. Это был крестик отца.

— Ясно, ни о каких бесах здесь и речи не быть может, — пробормотала Варида. — Они рассыпались, словно от старости. Дом иссушил их. Это все дом... Нам нужно уходить отсюда. Здесь больше делать нечего, — поторопила она нас.

— Получается, нам нужно было их выпустить? И они тогда были бы живы? — воскликнул я

— Может, и были, а может, и нет, — возразила Варида. — Сомневаюсь, что какой-нибудь чудодейственной силой их можно было спасти. Мне кажется, здесь дело демоническое. А демоны, это еще хуже, чем бесы. Здесь все очень плохо. Очень.

Она вдруг замерла, испуганно оглянулась по сторонам, и медленно поднесла палец к губам:

— Тсс... нас кто-то слушает.

Осторожно и аккуратно, насколько позволяла ее крупная, коренастая комплекция, она приблизилась к деревянной стене, приложила к ней ладонь и прислонилась правым ухом. Около минуты, она стояла, замерев, и будто не дыша, но потом ее глаза резко расширились, ноздри вздернулись, как у кобылы, почувствовавшей запах дыма, и словно стена была из раскаленного камня, она отскочила в сторону.

— Уходить, надо уходить отсюда! — взвизгнула она, будто сама не своя, и тяжело побежала к выходу.

На улице женщина шумно дышала, словно ей не хватало воздуха, и ее красное лицо приобрело необычный бледный оттенок.

— Что случилось там? — попытался спросить Ладо.

Она грузно опустилась на землю и начала расстегивать пуговицы верхнего платья, освобождая шею.

— Этот дом... — чистое зло! Он живой. Пока мы были там, он наблюдал за нами. Он слушал все и изучал нас. Он сказал, этот сукин сын сказал, что убьет меня! Его надо сжечь. Дотла. Сейчас же его нужно сжечь! Он опасен!

Ладо и Тито одновременно, не сговариваясь, вытащили по пачке спичек из карманов и вопросительно посмотрели на меня. Я их понял: мне нужно было решать, ведь это был мой дом.

— Подождите! — крикнул я и забежал внутрь. Оглянувшись по сторонам, я схватил первую попавшуюся миску, валявшуюся на полу, быстро сгреб руками прах матери, потом собрал в другую миску прах отца. Схватил с комода отцовские часы и засунул их в карман. Безотчетно заглянул в комнату брата, бессмысленным взглядом упершись в груды книг, поймав себя на мысли, что они были мне мерзки и отвратительны. Сколько же дней и ночей я мечтал листать их, упиваясь чтением. И я получил эту возможность: бери, читай, теперь они все твои. Да, судьба жестоко посмеялась надо мной. Как бы плохо я раньше не жил, но это был мой дом, в котором я был и счастлив, и несчастлив. Это дом должен был стоять еще много лет, в нем должен был жить я и мой брат со своими семьями. В нем должны были состариться мои родители. Еще не так давно здесь была жизнь. Дом пах вкусной едой, маминой выпечкой и овечьим сыром. Здесь ходил суровый, неразговорчивый отец, но это был мой отец, здесь суетилась моя робкая мать, там, возле веретена в углу, она сидела часто до самого утра, прядя шерсть, а потом вязала, чтобы у нас была одежда. Мой несчастный брат, с которым я так и не подружился, и которому тоже не нравилась своя судьба, был сейчас неизвестно где и неизвестно кем. И теперь все, конец, из дома я выносил две плоскости серо-черной пыли, все, что осталось от моих родителей. Внезапно я остро почувствовал запах болота. И с ужасом понял, что я сам им вонял. Болото было внутри меня.

— Я убью тебя! Слышишь? — пронзительно закричал я. — Я знаю, что ты меня слышишь! Ты обманул меня! Я узнаю, кто ты и я тебя уничтожу! Я тебя отправлю обратно в преисподнюю, даже если мне придется этому посвятить всю свою жизнь, даже если мне придется умереть, но я сделаю это!

Когда я вышел, небольшие пучки сена вместе с тонкими сухими щепками, остававшимися в сарае, были быстро подоткнуты под крышу, запихнуты в щели стен, под наличники окон, разложены по углам и подожжены. Несколько горящих пучков сена мы бросили внутрь дома.

Огня долго ждать не пришлось. Сначала повалил серый едкий дым, а потом появились

первые язычки пламени. Они быстро, как огненные пауки, перебираясь по стенам на своих оранжевых лапах, поглощали нетронутые островки дерева. Дом заскрипел и закашлял, словно пытался выплюнуть непрошенных гостей, но огонь, чудовищно голодный и прожорливый, сметал все на своем пути.

— Нам нужно уходить отсюда, — сказал Ладос. — Скоро увидят дым, могут набежать люди. Эх, как бы ни было проблем, Иларий. Мы уже столько дел тут натворили...

Тито повел Вариду домой. Она уже лучше дышала, но все равно чувствовала себя неважно. В сторону горящего дома она трижды плюнула и что-то пробормотала. А мы, взяв лопату, пошли на кладбище. Выкопав рядом с могилой Бахмена две небольшие ямки, я бережно положил туда миски с прахом.

— Я думаю, мы совершили ошибку. Нам нужно было поджечь и сарай, и овчарню. Если нам не повезет, могут быть вопросы, — сказал Ладос, наблюдая, как я с любовью насыпал землю, укладывая ее в аккуратные горки. — Тебе нужно будет завтра прийти к Милону. Он должен знать, что ты не погиб при пожаре. Иначе возникнут вопросы, куда подевались овцы и лошадь. Могут решить, что это был не несчастный случай, а поджог с целью ограбления. Нужно быть осторожными.

Я кивнул. Дойдя до дома Бахмена, я почувствовал невероятную слабость в ногах, поэтому, едва закрыв за собой дверь, я упал на лавку и снова провалился в темноту. *Моего дома больше нет. И его больше нет.*

13.

На следующий день, закинув в голодный желудок, чтобы он не издавал слишком неприличных звуков, несколько вареных картофелин и, закусив хлебом с водой, я направился к дому старосты Милона. Я не знал, где он живет, но мне сразу же указали дорогу. Его дом особняком расположился на большой безлюдной территории, достаточно далеко от моего, на границе между Холмами и Низкогорьем. И я никогда ранее не видел настолько больших и красивых домов. Для посетителей был построен отдельный вход в небольшой домик, на котором висела табличка с большими буквами «Приемная».

Увидев меня, Милон театрально вскинул брови, захлопотал, будто встречал дорогого гостя, и пригласив в свой кабинет, закрыл дверь.

— Мальчик, ты живой? Мне уже вчера донесли, что случился страшный пожар! Твой дом сгорел дотла!

— Я спасся.

— О, слава Всевышнему! Но как же вся твоя семья, неужели они погибли?

— Да погибли.

— О, горе какое, какое горе! Я все думал о твоей семье, думал, чем бы помочь, врача искал нужного, да с врачами нынче беда. По душевным болезням не так то и просто найти. Ну, ты присаживайся, присаживайся, в ногах правды нет, — он подставил мне мягкий стул, обитый бархатной тканью, и я сел. — Ты рассказывай, как же так случилось? Думаешь, это несчастный случай? Никто не мог поджечь дом намеренно? Право, это очень странная история...

— В это время, когда случился пожар, я еще был в поле, пас овец. Не мог найти одну потерявшуюся овцу. Теперь сложнее приходится, мой пес помер.

— Ах, какая жалость, какая жалость, — закачал головой Милон, пристально уставив на меня свои круглые беспокойные глаза. — Но на пожар быстро прибежали люди, и

некоторые там оставались до самой темноты, следили, чтобы огонь не перекинулся. Почему-то никто не видел там тебя и овец?

— Мне по пути встретился дядя Ладо, — ответил я, понимая, что уже начался вкрадчивый допрос, — он сказал, что мой дом горит, и что никого уже не спасти. Это было ужасно, но мне нужно было спасти стадо, иначе, увидев огонь, они все сдурели бы от страха и разбежались. Я погнал их к дому Бахмена. А там у меня просто случился ступор и я... я просто упал замертво на кровать и забылся.

— Понимаю, понимаю, это страшно потерять всю семью и дом, — запричитал он, — и я на твоём месте сам бы обезумел с горя. Ты ещё хорошо держишься. А я-то, я-то валялся бы тут, прямо на полу весь в слезах, если бы со мной такое приключилось.

Милон корчил сожалеющее лицо и в тот же момент острыми глазами впивался в мои глаза, наблюдая, как коршун за добычей.

— Я не могу себя так вести. Мой отец учил меня быть сильным и не поддаваться слабостям. Моя боль — вся внутри меня, и поверьте, я очень страдаю, хоть по моему лицу вы этого можете и не увидеть, — мне показалось, что я убедил его, и он похлопал меня по плечу.

— Это правильно, все правильно. Ты мужчина, надо сдерживаться, мы же не бабы, чтобы во всю голосину реветь. Но позволь спросить, я ведь знаю, у твоего отца была лошадь, твой отец так часто бывал на базаре. Куда подевалась лошадь при пожаре?

— Лошадь?.. Она у Ладо, — я почувствовал, как краска заливает мое лицо. — Отец недавно ему одалживал. Ему надо было что-то там перевезти.

— Хм, интересно, интересно... — Милон оперся рукой на подбородок, несколько секунд что-то думал, почесывая остатки волос, обрамлявших лысину, — а разве Ладо не был в ссоре с твоим отцом? Понимаешь, многим кажется, что Милон сидит здесь, в своём большом уютном доме, да и глазом не ведёт о том, что происходит в округе. Но поверь, у Милона везде есть уши! На то он и староста. Мне положено обо всем знать. Так, что же ты скажешь на это?

— Они потом помирились, — не моргнув, соврал я, и глаза Милона сцепились с моими.

— Помирились? Ну что ж, хорошо, хорошо. Все мы, бывает, ссоримся и миримся. Кхм, кхм, — притворно закашлял он, раздумывая следующий удар: я давно понял, что он не верил мне ни на каплю. — А где сам старик Бахмен? Его что-то давно не видно.

— Бахмен? Он приболел немного. Из дома не выходит, я присматриваю за ним.

— Вот как? Хорошо, что ты сказал, — расплылся он в улыбке, — надо бы его проведать, авось, помочь чем-нибудь. Все-таки он старик, один-одинешенек. А стариков нужно уважать. Старость-то всех нас ждёт, если повезет дожить. Сегодня или завтра загляну к нему. Я, как понимаю, ты теперь у него будешь жить?

«Ах ты, старый козел! — со злостью подумал я. — Никто в гости к Бахмену уже несколько лет не заглядывал. Всем все равно было жив он или помер там, возле холмов. Никому из односельчан, кроме моей семьи, и дела не было, когда ветром сорвало крышу его дома, когда все его припасы на зиму завалило в погреб. Всем было все равно, а теперь...»

— Да, я пока у него буду жить, — медленно, сквозь зубы ответил я.

— Ну, это хорошо! А то куда тебя девать с хозяйством сейчас? У тебя же тетка есть, кажись? Это пока мы восточку пошлем, сколько времени пройдет... Надо, чтобы она сюда приехала, все-таки наследство у нее как-никак хорошее. Такое стадо на дороге не валяется. Вот живет человек себе и духом не чаёт, что раз, все наследники померли, и денежка к

карману прибилась.

— Это несправедливо, — с вызовом сказал я, глядя в круглое, лоснившееся от жира лицо Милона. — Это стадо — мое наследство. Я помогал выращивать их, каждый день пас в любую погоду, и теперь их заберет какая-то родственница, которую я один раз в жизни видел?

— Дорогой мой, понимаю твое негодование, это несправедливо. В жизни много несправедливости, но таков закон. Ты подросток и не имеешь права распоряжаться имуществом отца, пока не станешь совершеннолетним. Потом, конечно, ты сможешь вытребовать у своей тетки часть каких-то денег, но, как правило, до той поры уже нет никаких и денег. Такова непростая участь сироты. Но это все потом, давай снова вернемся к нынешней ситуации. Понимаешь, вот что-то все здесь никак не состыковывается. Я многое повидал на своем веку и хорошо чувствую, где есть ложь, а где правда, — Милон встал из-за стола и начал степенно вышагивать по комнате. — Ты пойми меня правильно. Я занимаю должность старосты и должен знать обо всем, что происходит здесь. Я вырос в Холмах, и здесь все мне дорого. Мы должны почитать наши уклады, охранять наш покой и веру. Мы живем в самобытном месте. И все происходящее здесь касается меня в первую очередь. Знаешь, мы чем-то с тобой похожи, за исключением одного — мне повезло родиться первым в моей семье. Если бы не моя счастливая звезда, у меня не было бы этого дома, я не стал бы почетным жителем, не занимал бы такую должность, я был бы как... ты, — он остановился и впился в меня глазами. — Кто знает, может быть, я, обладая острым умом и жаждой знаний, возненавидел бы своего отца, который определил бы меня в лесорубы, в чистильщики конюшен или в пастухи. Может быть, я сговорился бы с каким-нибудь ушлым цыганом, пообещал бы ему что-нибудь от хозяйства своего отца, лошадь или пару брюхатых овец, и подсыпал бы ему яду, какой-нибудь ядовитый корешок, про который случайно обмолвился мой старый друг. Ну а там, где мертвый отец, там и все остальные. А потом... потом я бы просто поджег дом. Кто знает, кто знает, чтобы я сделал, если бы у меня была такая незавидная судьба как у тебя. И я хочу тебе сказать, — Милон вкрадчиво приложил пухлую руку к груди, — ты не первый, кто так поступил. Жил у нас один мальчик...

— Да что вы себе позволяете? — возмутился я, вскочив со стула. — Вы утверждаете, что я убил свою семью и поджег дом? Как вы можете так говорить?

— Тише, тише, успокойся. Я не утверждаю, я просто предполагаю. Строю гипотезу. Если бы ты был грамотным, ты, конечно, бы знал, что это такое.

— Вы не строите никаких там этих... гипотез, вы обвиняете меня без доказательств, что я убил своих родных!

— А вот насчет доказательств, ты это поспешил, — его голос был мягким и елейным, как у молодого священника из нашей церкви. — Есть у меня кое-какие доказательства. И полицмейстеру очень интересно будет их услышать. И тогда мальчик, дело для тебя обернется очень плохо, если ты, конечно, не пойдешь на сделку и сам во всем не признаешься. А еще хуже дело будет для твоего сообщника цыгана и его цыганят.

— О чем вы говорите? Мне не в чем признаваться, и никаких сообщников у меня нет, и я вообще не знаю ни одного цыгана.

— Неужто? И цыгана Ладо не знаешь? И с детьми его, цыганятами, не дружишь?

— Ладо никакой не цыган. И он мне не сообщник, а друг.

— Твой Ладо — настоящий цыган! — бросил Милон, будто выплюнул что-то гадливое и мерзкое. — Он обманул всех нас, когда переехал сюда со своей бродяжной семейкой. Он вор

и мошенник! И ко всему прочему, получается, еще и убийца.

— Вы все врете! Я не верю ни одному вашему слову!

— Зря ты мне не веришь. Ладо и его семейство нагрянули к нам год назад. Где они до этого жили? Один мой старый друг сообщил, что их выгнали из своей деревни. А за что? А я тебе скажу: Ладо украл лошадь у пожилого, немощного человека! И в деревне той его быстро раскусили, что он цыганское отродье! Его семейство еще терпели, пока они вели себя прилично. Но цыган долго не проживет без воровства. У него натура такая. Вот и Ладо твой не сдержался. И как только узнали про хищение имущества, так и погнали его и цыганят оттуда, а теперь он пожаловал к нам. Нарушает наши обычаи, на службу не ходит, детей вере не учит, так еще и в школу сует все свое потомство. И теперь он опять принялся за старое, так еще и хуже: подговаривает глупых мальчишек на преступление, да дома поджигает!

— Ладо не поджигал мой дом, это несчастный случай! — выкрикнул я из последних сил. Внезапно у меня закружилась голова, и я почувствовал себя настолько уставшим и разбитым, что вот-вот упаду. Мне нужен был свежий воздух. — Мне пора, я не хочу больше слушать ваши вымыслы.

Я решительно направился к выходу.

— Иларий! — крикнул Милон. — Старшего сына Ладо, Тито, кажется так его зовут, видели в доме Бахмена за два дня до пожара. И там уже были овцы. Это были овцы твоего отца. Так что ты меня обманул. И подсказывает мне мое чутье, что старик Бахмен не просто так не выходит из своего дома. А еще я знаю, по какой причине произошла ссора между твоим отцом и Ладо. И никогда, никогда бы твой отец не одолжил цыгану свою лошадь. Против тебя и Ладо у меня есть много доказательств. Так что смотри, тебе лучше во всем сознаться. Я ради памяти твоей семьи, моих односельчан, так и быть, пойду тебе навстречу. Мы сделаем все так, чтобы ты в этом не был замешан. Но про Ладо ты должен все рассказать. Все, что тебе известно. Если ты не сделаешь этого, то всем вам будет грозить если не виселица, то каторга точно. Завтра я вызываю полицмейстера, так что у тебя есть еще время подумать.

Ничего не ответив, на ватных ногах я вышел на улицу. Листья хрустели под ногами, в глазах во все стороны летали черные стремительные точки, сердце било где-то в голове, и каждый шаг ярой болью, словно эхо в горах, отдавался в моем воспаленном мозгу. Мне хотелось стремглав ринуться вперед, но я не мог: проклятый Милон провожал меня цепким взглядом, наблюдая из окна. Я чувствовал, как в мою спину впиваются его паучьи глаза. Я был его мухой, которую он опутал и уже впрыснул первую порцию яда. Осталось подождать немного, и у него будет прекрасный обед.

Как только я оказался за поворотом, я рванул так, что мое сердце бешено загудело. «Я разрушил и сгубил не только свою жизнь, жизнь моих родных, но и еще людей, которые хотели мне помочь: Бахмен, Ладо, Тито и вся его семья. Что делать? Что делать?» — разрывалось у меня в голове.

Какие-то мужики, женщины с детьми, встречаясь на моем пути, с недоверием оглядывали мою высокую худую фигуру, летящую, словно призрак, по усыпанной листьями дороге. Мне казалось, что они уже все знают, и я ожидал, что вот-вот раздастся пронзительный крик: «Это он, убийца своей семьи! Держите его, держите!»

Я чувствовал, что мои силы были на исходе, и решил, что когда они полностью иссякнут, там я и упаду. Силы иссякли возле старого дуба с почерневшей корой, в которого когда-то давно, еще до моего рождения, ударила молния. Повалившись на ворох желтых

листьев, я устремил взгляд в небо.

«Жизнь продолжается, — думал я, пытаюсь успокоить свое стремительно колотящееся сердце, напоминавшее поток воды, разбивавшийся об острые камни, — я еще живу. Я должен успокоиться и понять, что мне делать дальше. У меня слишком много дел, я не могу просто так сдать. Я должен найти и спасти брата, я должен узнать, кем был старик, и как уничтожить других, таких же, как он. Но это все после, сейчас я должен срочно предупредить Ладо. Нужно спасти его семью».

Вдруг отчего-то мне представился яркий всплеск темно-голубой воды, который поднялся из пучины и с шумом обрушился на гладкий блестящий камень. Море. И я вспомнил о Марии, маленькой несчастной девочке. «Сколько же ей лет? Надо было бы узнать. Но зачем?» — помыслил я и прогнал образ моря: не время сейчас думать об этом.

Отдышавшись и едва собравшись с мыслями, я решил, что к дому Ладо нельзя идти по дороге: Милон, возможно, поставил своих людей наблюдать за их домом. Никто не должен знать, куда я направился после разговора.

Затаиваясь, когда примечал неподалеку людей, я опрометью пробирался через сухие заросли, окружавшие огороды. Это был единственный путь, чтобы пробраться незаметно. Огромные сухие растения трещали и хлестали по лицу, высоченные засохшие колючки нещадно впивались в тонкое пальто и кололи тело. Перебираясь через хлипкую изгородь, я не заметил спрятавшуюся в пожухлой длинной траве канаву и провалился одной ногой в вонючую, болотистую жижу. Наконец, я добрался до участка, принадлежащего Ладо и, пригибаясь, побежал: мне все казалось, что и тут могут заметить мою длинную фигуру, будто я был опознавательным флагом, означавшим приближение беды.

У саманного сарая я заметил Софико, играющую с какими-то жестянками. Она с удивлением уставилась на меня.

— Отец дома? — выдохнул я.

— Да, он там, в мастерской. Ты такой красный, будто тебя варили в кипятке.

— Так и есть, Софико, меня сейчас черт варил в котле, но не доварил. Я сбежал.

В мастерскую, где Ладо с Тито круглый год мастерили свою мебель, я ввалился, сипло дыша, и громко сообщил:

— Вам нужно уезжать отсюда! Срочно!

— О, боги, что произошло с тобой? — воскликнул он. — У тебя порезы и кровь на лице! Тебя пытали?

Я, наверное, производил пугающее зрелище: большие колючки репейника, чертополоха и еще какие-то мелкие, черные и продолговатые, похожие на угольки, облепили всю мою одежду, некоторые запутались даже в волосах.

— Кровь? Это все ерунда. У нас большие проблемы.

Второпях я сообщил ему все, о чем разговаривал с Милоном. Лицо Ладо потемнело, руки безвольно повисли, а темные глаза уперлись в пустоту, куда-то поверх моей головы.

— Ты поверил ему, что я цыган и вор? — его голос был безжизненным и пустым, словно он говорил откуда-то из-под воды.

— О чем ты говоришь? Ты мой друг! Мне все равно, что сочинял там Милон.

— Ты ему поверил?

— Нет! Ни одному слову.

— Спасибо тебе, — Ладо обнял меня. — Для меня это очень важно, — он похлопал меня по плечу, и вдруг нервно засмеялся: — Ну, Иларий, вляпались мы с тобой в такое

дерьмо, которое еще нужно постараться найти.

— Мы вляпались в дерьмо всех овец и баранов в мире, — засмеялся я тоже.

— А мне кажется, что и человеческое дерьмо отлично впишется в нашу дерьмовую ситуацию. Милон вон, гадит как, со всей силы. Старается.

Напряжение всех долгих дней, хранившееся в нас, как сдерживаемая вода в дамбе, хлынуло потоком: мы зашлись в неудержимом хохоте, вырывавшемся из нас словно обезумевшие демоны. Мы смеялись так, словно вот-вот сейчас нас должны были повести на ту самую виселицу, обещанную Милоном, и нам оставалось только высмеять все, что уже не суждено было.

— Вам нужно уехать, — хохотал я, — сегодня-завтра Милон приковыляет к Бахмену, а Бахмена-то и нет, мы уж его схоронили! Еще припаяет нам и его убийство! Вот веселье-то будет!

— Это точно, припаяет, как пить дать припаяет! — смеялся Ладо, корчившись как гусеница, приштиленная булавкой к дереву.

В мастерскую, услышав наш дикий смех, забежала испуганная Софико.

— Дорогая моя, скажи, ты несчастна? — Ладо, переставая смеяться, опустился на колени перед дочерью.

— Папа, почему ты спрашиваешь?

— Прощу, прости своего глупого отца, я постараюсь, чтобы ты была счастливой. Прости за то, что я не могу дать тебе счастливую жизнь, — его голос вздрогнул. — Прости меня. Я такой глупый, такой нелепый человек. Ты сможешь меня простить?

— Папа, я не понимаю, о чем ты говоришь? — на глазах Софико навернулись слезы. — За что тебя простить?

— Нам снова нужно будет уехать. Сегодня же.

Она посмотрела на него не по-детски серьезными глазами.

— Хорошо, папа, если так надо... Я все равно не нашла здесь подруг. И я совсем не несчастлива. Я очень рада, что ты у меня есть, и мама, и Тито с Тиной, и Мамука, хоть он сопливый и только и делает, что кричит. Нет, папа, я счастлива рядом с вами. И не говори, что ты глупый и нелепый, ты самый хороший человек.

Когда Софико ушла, я сказал Ладо, что отдаю им лошадь и телегу, чтобы они могли уехать, потому что это из-за меня у них возникли все проблемы. Ладо со слезами на глазах поблагодарил меня и сказал:

— Мы будем уезжать ночью, если Тито успеет вернуться. Он поехал вчера отвозить Вариду. Только бы он успел приехать...

Я ахнул: я совсем забыл поблагодарить эту женщину, согласившуюся помочь мне.

— Ей было плохо. В доме что-то случилось с ней. Она просила передать тебе, чтобы ты был осторожен, говорила всякие пугающие вещи. От твоей благодарности она тоже отказалась, сказала, что ей ничего не нужно от сироты, — продолжил Ладо.

— Куда же вы теперь поедете? — спросил я.

— Не знаю, не думал, что нам снова придется переезжать. До Холмов мы жили не так далеко отсюда. Мы там прижились, думали, что обрели, наконец, дом. Но я, Иларий, как ветер в поле, цепляет меня по жизни за что-то, и я втягиваю во все это и свою семью. Нелепость я сплошная, а не человек. Милон был прав, в том, что во мне течет цыганская кровь, моя мать была цыганкой. И так получается, что куда бы мы ни приехали, везде нам нет места. В том селе я работал у одного старого одинокого человека. У него была дочь, но

ей не было дела до отца. Я построил ему сарай, отремонтировал крышу. Старик привязался к моим детям. И он подарил мне свою дряхлую лошадь. Она, конечно, помогала в хозяйстве, но поверь, эта лошадь была стара, как сам мир. Старик неожиданно помер, и его дочь приехала за наследством. И тогда ей наговорили добрые люди, что я украл лошадь. Конечно, чтобы я ни сказал, никто и не слушал меня. Я ведь цыган, безбожник, вор и антихрист. На мне стоит клеймо с рождения. Лошадь, в итоге, я вернул дочке старика, но она сказала, что я обманщик, поменял хорошую лошадь на старую и больную. Целая толпа людей собралась посмотреть, как мы будем с котомками и с детьми покидать село. И я благодарен им, что они хоть не плевали и не кидали в нас камни. А теперь жизнь преподносит все новые сюрпризы.

— Вам нужно уехать настолько далеко отсюда, насколько это возможно. Вы другие. Вы отличаетесь ото всех. Вы добрые, а здесь, в этих местах, плохо живется добрым.

— Спасибо, мой дорогой друг. Верю, что мы найдем хорошее пристанище. Я не одинок, у меня есть семья. Но, а что будешь делать ты? Как ты справишься со всем этим?

— Не беспокойся обо мне. Это я вас всех втянул в это. Скоро наступят морозы, и вам придется нелегко, прежде чем вы найдете новый дом, а я как-нибудь справлюсь. Что-нибудь придумаю.

— Иларий, знаешь, что я подумал? — воскликнул Ладо. — А не сбежать ли тебе вместе с нами?

На минуту эта мысль захватила меня, но тут же я покачал головой.

— Спасибо тебе, но я не могу бросить овец. У меня слишком много дел здесь. Я должен узнать, что случилось с братом. И я не хочу быть вам обузой...

— Ты не будешь нам обузой, подумай, до ночи еще есть время, — он похлопал меня по плечу. — Но даже, если ты решишь остаться, приходи попрощаться. И я хочу, чтобы ты пообещал кое-что, — глаза Ладо загорелись. — Пообещай, что приедешь в гости. Как только у тебя получится, как только сможешь, пусть хоть десять лет пройдет, хоть двадцать, пообещай, что наведишь меня. Надеюсь, что я буду еще жив. Обещаешь?

— Обещаю, конечно, обещаю! Но как я узнаю, где ты живешь? Куда ехать-то?

— К морю. Есть такое море, Каральское. На его берегу стоит город Сарал. Там родина моего отца. Мы отправимся туда. Моя фамилия Сури. Когда ты приедешь туда, то, думаю, кто-нибудь да будет знать нас. Эта фамилия достаточно редкая. Я напишу тебе на бумаге это, чтобы ты не забыл.

Мы условились, что Ладо будет ждать меня до двенадцати ночи, если я передумаю и захочу с ним уехать. Но я обещал, что, если даже не надумаю уезжать, приду раньше, чтобы попрощаться.

Печально и страшно было возвращаться домой. На обратном пути у меня все чаще мелькала мысль — а что, если уехать? Бросить овец и уехать к морю с доброй, заботливой семьей Ладо. Овцы бы не пропали, их быстро разобрали бы по домам. Я даже воспрянул духом, представляя, как покину навсегда Холмы. Но я понимал, что это невозможно. Ладо, добрый Ладо, снова из-за меня имел бы проблемы. «Это опасно. Мне нельзя с ними ехать. Я принесу им горе», — размышлял я, подходя к сырому и печальному дому Бахмена.

Вдруг я снова вернулся в реальность: дверь была нараспашку, хотя я точно знал, что закрывал ее. Холодный ветер хозяйничал в доме, нагоняя в него пожухлой листвы. Гадать не нужно было, чтобы понять — в мое отсутствие в дом кто-то приходил, и кто-то хотел, чтобы я знал об этом.

Овцы все были на месте и настойчиво, призывно сообщали, что они недовольны сложившейся обстановкой в последнее время. Обессилено пошатываясь, я наносил им остатки сена, налил воды и, зайдя в дом, упал на койку. Я чувствовал, что во мне зарождалась болезнь, она уже пробралась в мою голову, отчего та стала похожа на большой чугунный котелок. Сердце, словно сельский полоумный звонарь, бездумно стучащий по колоколу железной ложкой, отбивало удары во лбу и висках. Болезнь. Она была сейчас так некстати. Но я ничего не мог поделать. Мое уставшее тело от недосыпа, перенагрузок и недоедания требовало покоя и отказывалось служить. Ноги и руки не подчинялись больше. Моя измученная душа больше не в силах была выдерживать навалившиеся на меня испытания. Тогда я подумал, что все же очень сильно хочу уехать с Ладом. «Я уеду, уеду, — бормотал я, — надо не заснуть. Надо встать, надо встать...». Стараясь сохранить как можно больше тепла, я неловко свернулся в клубок, закрыл глаза и умер.

14.

Я встал с кровати и обернулся — на грубо сколоченных досках, застеленных тонким затхлым одеялом, лежало мое тело. Оно было странным, будто поломанным. И я тогда подумал, как же жалко оно выглядит, такое худое, нелепое, уставшее и замерзшее. Мои посиневшие руки, чтобы согреться, стягивали у горла воротник моего прохудившегося серого пальто, которое все нещадно было облеплено колючками. Моему телу было холодно. Но не мне. Удивительно, но мне было очень спокойно. Я вышел на улицу, и на меня подул теплый, по-настоящему весенний ветер, тянувшийся с холмов ароматным цветочным запахом. Я поднял голову и посмотрел на ночное небо, усыпанное миллионами маленьких ярких огоньков. «Неужели это все? Так и закончилась моя невразумительная и бесполезная жизнь? Она закончилась так же глупо, какой была и сама. Я просто заболел, лег и умер. А как же Ладом? Он будет ждать меня. А я ведь почти решил уехать. И он теперь будет жить всю жизнь, ожидая меня, когда я приеду в гости, и не зная, что я умер уже давно, в тот самый день... А девочка Мария? Я так хотел бы ее еще раз увидеть».

За забором, в темноте, поплыл по воздуху светильник. Там кто-то стоял. Мне стало страшно, но я рассердился: «Ты уже умер, Иларий, разве тебе есть что бояться? Что может быть страшнее, чем сама смерть? Может быть ад, о котором говорил отец Виттий? Нет, ад на земле, это я точно понял».

Подойдя ближе, я крикнул:

— Кто ты?

Светильник качнулся. Тишина.

— Я тебя не боюсь. Выходи, поговорим.

Светильник еще раз качнулся, и очень знакомый голос, который я так часто ненавидел при жизни, произнес:

— Давай поговорим.

Держа в руке светильник, из темноты вышел Богдан. Он был обычным, каким я привык его видеть — юношеское, молодое, безбородое лицо, без морщин и впавших глаз, одетый в свое добротное школьное пальто. Это был мой настоящий брат.

— Богдан, я так рад тебя видеть! — воскликнул я. — Боже, как я рад! Я так скучаю по тебе!

Он улыбнулся своей знакомой ироничной улыбкой.

— Не думал, что я когда-нибудь скажу это, но я тоже скучаю по тебе. Я скучаю по тебе,

ты, скучная и глупая задница барана Прошки.

— Да, брат, ты прав, я просто задница Прошки! — я счастливо улыбался этим словам, которые когда-то казались мне настоящим оскорблением, и из-за которых я так часто мечтал хорошенько начистить ему лицо, а теперь эти слова были для меня самыми трогательными и родными. — Брат, ты простишь меня когда-нибудь? За все это, что я натворил, ты простишь меня?

— Мне не за что тебя прощать, Иларий, — вздохнул он. — Давай присядем здесь, — он показал на старое поваленное дерево, которое много лет служило Бахмену лавкой. — Все, что случилось, должно было случиться. Ведь вся наша жизнь была неправильной. Все неправильное пошло отсюда, из Холмов. Отец воспитывал нас, разъединяя и давая понять, что мы разные. А в чем наше отличие? В том, что я родился первым? Чувь какая! Я всегда так высокомерно к тебе относился, ябедничал, подговаривал к проделкам, а ты глупый верил мне, все считал, что старший брат плохого не посоветует. Эх, Иларий, я ведь сам заноза в заднице. Ты думаешь, я читал все эти книжки, которые мне покупал отец? Хах, я только делал вид, что мне это все интересно, да насмехался над тобой, считая, что я лучше тебя. И все это только из-за того, что отец так решил... Глупая и бестолковая жизнь у меня была, а у меня ведь и друга никогда не было. Я был таким заносчивым, что всем тошно было только от одной моей чванливой физиономии. Я был просто ничтожен как человек... Это ты меня прости, если сможешь, за то как я относился к тебе.

Он погрустнул, печально посмотрел мне в глаза и сказал:

— Брат, я ведь еще жив. Моя душа еще жива. Она находится в теле, которое *он* захватил. Мои мысли, мое сердце и тело — все принадлежит ему, и только маленькая часть меня еще жива. Я могу вырваться от него только в этом мире. Ненадолго, но могу. Этот мир — это не рай и не ад. Этот мир такой же, как и на земле, но только здесь пусто и одиноко. Здесь никого нет, кроме тебя самого. Это хорошо, что ты заболел и умер. Так я могу тебе рассказать, что со мной происходит. Понимаешь, Иларий, мне очень плохо, — на его глазах навернулись слезы. — Это так трудно, когда ты не можешь управлять своим телом. И самое страшное, что я сейчас из себя представляю. Сейчас я — зло, которое стремится жить и размножаться, это зло, как паразит поселилось во мне, а я беспомощен, чтобы остановить его. И я предупреждаю тебя, в тебе тоже оно есть. Будь осторожен, — его холодная, липкая рука с силой сжала мою. — В тебе часть него, — он замолчал и резко повернул в голову, напряженно всматриваясь в пустоту. — Он скоро придет, мне пора. Слушай быстрее. Он нашел уже глубоко несчастную, страдающую душу. И эта душа уже дала согласие на дар. Я ничего не могу поделать. Но мне больно, больно от этого. Он будет пожирать души и их тела, также как случилось с нами, со мной и родителями. Иларий, ты должен помочь этой несчастной душе не стать злом. А она может им стать. Слишком она несчастна.

— Богдан, скажи, это девочка? Ее зовут Мария?

— Я не знаю, как ее зовут, и кто она. Для меня нет больше имен и пола. Это просто душа. Я чувствую ее страдания, и он чувствует. Он питается ими. Все, мне пора. Он не должен знать, что я разговаривал с тобой. Храни это в тайне. Знай, я могу с тобой разговаривать только тогда, когда ты умираешь.

— Умираю? Но я уже умер!

— Да ты умер, но ты будешь жить, — Богдан схватил светильник, вскочил и направился в темноту.

— Постой, как мне тебя спасти, как помочь? Кто *он* такой?

— Увы, я не знаю. Он не пускает меня к себе. Если я не умру полностью, я попытаюсь узнать ответы на твои вопросы, но на это потребуется время. Может, много времени. Когда я найду ответы, я дам тебе знать, но тебе нужно будет снова умереть. Это опасно, есть вероятность, что ты никогда уже не вернешься, но другой возможности встретиться у нас нет. Я не говорю тебе «прощай», брат...

Он бросил на меня последний взгляд, полный страдания, нырнул в темноту, и светильник погас.

Вдруг листья деревьев зашумели, словно на них подул сильный ветер, и я полностью погрузился в темноту. Посмотрел на небо, но там не было звезд. Чернота, как жидкая смола, облепила меня, и я, теряя опору под ногами, полетел в пустоту. Бурлящий и свистящий звук клочкотал в моих ушах, чудовищный водоворот трепал меня из стороны в сторону. Вода, черная и густая вертела меня, как барана на вертеле. И я почему-то вспомнил последнюю встряску отца.

«Хорошо, что умер, иначе мне снова пришлось бы умереть, — подумал я. — Брат сказал мне, что я оживу, значит, нечего бояться, нужно как-то выбираться отсюда».

Взмахнув руками, как птица, я двинулся вперед, еще раз взмахнул и через некоторое время вынырнул на поверхность. Повсюду была вода, и снова на небе появились звезды.

— Помогите, помогите! — закричал детский голос. Он был очень тонким и практически безжизненным.

Где-то тонул ребенок. Это была девочка.

Я поплыл на крик, разгребая руками черную, невероятно холодную воду. Странно, что я знал, как плыть, ведь я не умел плавать.

— Где ты? — крикнул я.

— Здесь, — в темноте мелькнула белая ладошка, — я здесь, помогите!

Подплывая туда, я с ужасом увидел, что над головой ребенка возникло что-то большое, похожее на огромное весло, и оно со всей мощью опустилось на ее голову. Девочка хрипнула и погрузилась в воду. Потом опять удар, весло опускалось на ее голову с беспощадностью, вызывая всплески и водоворот, пока девочка не затихла, исчезнув в черной толще воды.

Недолго пребывая в оцепенении от ужаса, я почувствовал, как кто-то схватил мою ногу и потянул вниз. И в который раз я порадовался, что умер: Мертвая девочка в белом праздничном платье, с раздробленной головой, держалась за мою ногу и тащила на дно. Она улыбалась окровавленной улыбкой и шептала: «Тебе понравится там. Мы будем играть вместе». Но тут какая-то могучая рука схватила меня за шиворот и как хлипкого котенка, вырвав из цепких рук девочки, вытащила на поверхность.

— Вставай Иларий, вставай, пора, — открыв глаза, я увидел, что снова был в доме. Освещенный лунным светом на кровати, рядом со мной, сидел Бахмен.

— Бахмен, это ты?

— Да, это я. Все хорошо. Ты побродил неплохо. Пора возвращаться.

— Но где я был? Что это все значит?

— Это тебе придется узнать. Мне пришлось вернуть тебя обратно, иначе было бы поздно.

— Бахмен, ты спас меня.

— Нет, пока еще не спас. Я не могу тебя спасти. Только ты сам. Держись, мой мальчик.

Яркий луч солнца вонзался в мои глаза раскаленным острием. Мне понадобилась невероятная сила, чтобы разлепить веки. Передо мной было окно, в котором всю разгоралось солнце, деревянная лавка, старая каменная печь, обсыпавшаяся в некоторых местах, грубо сколоченная дверь. По всей видимости, я был жив, но чтобы это осознать, мне пришлось несколько минут, не моргая, смотреть вперед. Любое движение глаз причиняло мне боль. Тело тряслось так сильно, словно я был в тяжелом эпилептическом припадке. И я снова чувствовал холод, я замерз, но с кровати подняться не мог: руки и ноги не слушались меня, будто они больше мне не принадлежали. Дернулась рука — двигается. Худые ноги прилипли одна к другой и онемели. Мне казалось, что я дернусь и, наконец, встану, но я все никак не мог. Иногда тяжелые веки снова закрывались, и я засыпал, не осознавая того. Мне казалось, что я бродил, топил печь, пил воду с большим наслаждением. Сначала одну кружку, потом вторую, я все пил и никак не мог напиться. Надел теплый бушлат Бахмена, и мне стало очень тепло.

— Тут-тук-тук, солнце давно стоит, а хозяин все еще спит. Вставай! — гаркнул мерзкий голос. — Тебя что, не учили гостей встречать?

Я вернулся к осознанию того, что все это время я еще спал.

— Ну и бедлам здесь. Да и холодина какая! Где Бахмен, а? Прибили лопатой и закопали беднягу? Ну, чего ты молчишь и смотришь на меня одним глазом? Вставай! Я сюда не шутки пришел шутить, — Милон подскочил ко мне и с силой отлепил от лавки, как прилипшую ко льду дохлую тушу барана. — Ого! Да ты выглядишь так же отвратительно, как и моя бабка перед смертью! Да и жаром от тебя веет сильнее, чем от котла с грешниками в аду. Знатно же ты захирел. Что? Ты что-то хочешь? Не могу понять...

— Воды, — мне удалось разлепить слипшиеся, запеченные губы.

— Эй, Малый, зачерпни-ка в колодце воды, — приказал он высоченному детине, с интересом заглядывающему в дом.

Когда Милон поднес к моим губам кружку с ледяной водой, я жадностью глотнул, и вода обожгла мои воспаленные гланды.

— Еще воды?

Я кивнул.

— Ну, вот. Так должно быть лучше. Видишь, дорогой мальчик, что случается, когда убиваешь своих родных? И кружку воды некому подать. Хочешь сказать, что ты не убивал их? Понимаешь, Иларий, я, допустим, тебе верю, — он водрузил свое грузное тело на хлипкий табурет, — например, тут к гадалке не ходи, старик Бахмен мог умереть от старости в любой день и в любой час. Он мог сгинуть в холмах, когда пошел туда за своими корешками, его могли загрызть волки. Его никто бы и не хватился, потому что он был просто старым сумасшедшим стариком, собирающим всякую траву. Дальше. Твои родные могли схватить какую-нибудь опасную болезнь. Мало ли людей помирает сейчас от всяких хворей? А дом мог случайно загореться, например, твоя мать по неосторожности, из-за болезни, не уследила за печкой. Боже, да то угодно могло случиться! Но, понимаешь, в чем вся соль. Если я захочу, то смогу убедить всех как в этой теории, так и в обратном. Ах, да, — Милон театрально хлопнул себя по лбу, — ты же безграмотный пастух и не знаешь, что такое теория. Но, это не важно. Важно то, что я здесь главный. И будет все так, как я захочу. Моим словам все поверят. Твоим — никто. Ну, может быть наш местный дурачок звонарь или сварливая собака Петруська примут твою сторону. Но кто их будет слушать? Звонарь — чокнутый, а Петруська — просто глупая шавка. Все решат, что ты замешан в этом деле. И

одним из доказательств будет спешный отъезд цыгана с семейством на твоей лошади. Да-да, я все знаю. Наведывался сегодня к нему с утра. Он поступил так, как я и предполагал, сбежал, как подлая крыса. Понимаешь, между всеми произошедшими событиями есть определенная связь. Между тобой и цыганом... Черт, как же ты погано выглядишь! Вот-вот и дуба дашь. Так, что смотри, хочешь жить, тебе лучше со мной дружить, — Милон вдруг умилился и рассмеялся. — Как же складно я сегодня говорю-то! День определенно выдастся удачным. Ну, вернемся к нашим баранам. Да что ж такое, опять метко сказал! Малый ты слышишь, как я складно говорю? Что ни слово, то прямо картофелина в лунку! Кстати, — он опять обратился ко мне, понизив голос, — видишь там Малого?

Детина стоял, опершись могучей спиной на шаткую деревянную стену дома, которая и так была завалена на сторону, и с наслаждением жевал сухую ветку травы. Он время от времени втягивал из носа воздух и смачно харкал вперед, словно тренировался, насколько далеко может улететь плевок.

— Вид производит отвратительный, — продолжил Милон, — но он делает все так, как я скажу. Незаменим в работе, можно сказать, мой раб и слуга. И знаешь, ему неплохо живется у меня. Потому что, если бы не я, он был давно уже вздернут. Это он, тот самый мальчик, который когда-то убил своих родителей, братьев и сестер. Зарубил их топором. Вот так вот, взял топор, который он, к слову сказать, точил несколько дней, чтобы он был настолько острым, что мог разрезать волосинку поперек. И в одну из ночей всех и прикончил. Кровищи было тьма. И все доказывало, что это он сделал. Но я подстроил так, чтобы Малый был невиновен. Так все и затихло, все решили, что бедная семья стала жертвами бродяг.

— Вы не боитесь, что он однажды вас порубит на кусочки? — прошептал я.

— О, это исключено, я все предусмотрел, но сейчас мы о другом. Видишь, ты болен, и судя по всему, очень болен. Ты, возможно, даже умрешь без помощи. Родных рядом с тобой нет, Бахмен сгинул, цыган сбежал, ты теперь один. Тебе нужен лекарь. А если и выживешь, то тебя будут судить. Со всякой стороны незавидное положение.

— Я знаю, чего вы хотите. Вам нужно стадо.

— Да, дорогой, мне нужно стадо. И не только, мне еще нужен ты. Понимаешь, Малый есть Малый. Он не особо сообразителен и умен. А вот ты, мне нужен, такой как ты. Я одинок, у меня нет детей, моя старуха померла уже лет, как пять, но я еще полон сил и идей. Милон не сдастся старости. В самом деле, не могу же я передать все дела остолопу Малому? — Милон обернулся: детина находился на безопасном расстоянии, чтобы слышать разговор. Он стоял возле старого деревянного колодца и от всей души туда смачно харкал. — Ты только посмотри, этот оболтус плюется в колодец и даже не знает пословицы — не плюй в колодец, пригодится воды напиться. И к тому же он уколошил всю свою семейку. Как же такому нехристу довериться-то? Понимаешь, — Милон зашептал мне прямо в ухо, — ты у меня на крючке, тебе некуда деваться. Соглашайся на мои условия или ты умрешь здесь в одиночестве, вместе со своими овцами, или если выживешь, то все равно сделаю так, что ты умрешь, или на виселице, или просто пропадешь. Здесь выбор у тебя маленький. Ну что, согласен?

— Да... — прошептал я, и с этим словом меня покинули все силы. Моя шея будто надломилась, и раскаленная голова упала на грудь.

— Малый! — рявкнул Милон. — Забирай!

В дом, бухая сапожищами, вошел детина, ловко поднял мое тело в воздух и словно младенца вынес на улицу.

— После придешь овец перегонять, — приказал Милон. — Клади его в коляску, так, хорошо. Поехали. Ну, здесь и помойка.

16.

Несколько дней я провел в бреду. Слышал, как кто-то приходил, прикладывал ко лбу тряпки, смоченные в холодной воде, протирал мое тело раствором, пахнувшим омерзительным резким запахом, схожим с тухлятиной замоченной в уксусе. Каждый день в рот мне вливали различные жидкости: горькие, сладкие, воняющие ягодными клопами, укропом и нафталином. Потом я забывался. Как-то я открыл глаза и увидел склоненную надо мной девушку, она приподняла меня и напоила наваристым отваром пряных трав.

— Ничего, ты поправишься, — приговаривала она, — доктор сказал, что ты крепкий. Справишься. Надо только держаться, — она мурлыкала какую-то приятную мелодию, а я снова засыпал. Надолго засыпал.

Мне снился мой дом и холмы. Я снова пасу овец, и Орик залиvisto лает, снуется между ног и ждет своей порции сырной лепешки. Я бегу с ним наперегонки по полю, усыпанному ромашками и голубыми нежными васильками. «Орик, вперед, догоняй меня, Орик!» И он, высунув свой длинный розовый язык, стремительно бежит, как косматый, дикий зверь, и как всегда меня настигает. А потом мы падаем на траву и катимся с холма, как сумасшедшие. А неподалеку, облокотившись на палку, стоит улыбающийся Бахмен, его косматые брови приподнимаются домиком, он снимает с головы свой драный, старый картуз и задорно машет им и кричит: «Эх, сорванцы! Куда покатались!».

В моих снах был мой добрый мир, который я так любил, и в котором не было место чужим. И каждый раз, когда меня вырывали из него, я внутренне негодовал: «Нет-нет, оставьте меня в покое, я хочу вернуться».

Однажды, я открыл глаза и больше не захотел их закрывать. Сознание прояснилось. Я огляделся вокруг. Слева было большое окно, практически на всю стену, ярко светило солнце, на деревьях еще виднелись небольшие ярко-желтые островки листьев. «Значит, еще осень», — подумал я. Рядом с моей кроватью стоял столик из красного дерева, и я с удивлением увидел, что на нем стоят отцовские часы. Я никогда не бывал раньше в таких дорого обставленных комнатах, и снова удивился, силясь понять, где я нахожусь. И только созерцая минут пятнадцать обстановку, я вспомнил последние случившиеся со мной события.

Я встал с постели и увидел, что на мне надета длинная сорочка, напоминающая женскую. Пошатываясь и придерживаясь за стены, я медленно начал передвигаться к дверному проему, подсказывающему, что там должен быть выход из дома.

— О, боже, ты встал! — воскликнула рыжеволосая девушка, увидев меня в дверях. Она откинула в сторону щетку, которой мела пол, и с обеспокоенной, но радостной улыбкой подбежала ко мне. — Тебе рано еще подниматься. Ты еще слишком слаб. Доктор сказал, что еще неделю тебе нужно лежать в постели.

— Почему на мне женская рубаша? — спросил я первое пришедшее на ум.

— Ох, какое это имеет значение? — всплеснула она руками. — Самое главное ты живой! Это чудо! Все думали, что ты не справишься, но только не я. Я знала, что ты выкарабкаешься. На рубашу не обращай внимания. Хозяин слишком толстый, у него все слишком большие оказались, подошла только сорочка хозяйки. Она была такой же тощей, как и ты. Да померла пять лет назад. Да ты не переживай, рубаша эта ни разу не надетая.

От нее целый шкаф остался новых вещей, не любила она прихорашиваться. Наденет одно платье да год не снимает. Ох, мне бы столько одежды! Ну, пойдем обратно, на кровать, — она подхватила меня под руку.

— Мне нужно сходить в одно место.

— Ты хочешь в туалет? Пойдем, там у тебя горшок стоит.

— Но я так не могу.

— Глупости не неси. Тебе нечего стесняться. Я уже все видела.

— Ты?..

— Ну, а кто же еще? Неужто, думаешь, хозяин за тобой горшки выносил? Я поила тебя и мыла, и горшки выносила, практически три недели! — с гордостью сказала девушка и повела обратно меня в спальню.

— Как тебя зовут? — спросил я после, укладываясь в постель.

— Меня зовут Сойка.

— Сойка?

— Ну, вообще-то меня крестили Зойкой, Зоей. Но мой пьяный папаша, когда я все детство пряталась от него, любил выходить на улицу и орать во всю глотку: «Зойка, ты где?». А ему, когда он дебоширил, мужики повыбивали передние зубы, поэтому он все время шепелявил и орал «Сойка». Так и прижилось это имя. Ну, а что? Мне нравится. Я как птица Ты видал когда-нибудь сойку? Нет? Тогда ты должен увидеть ее. Она очень похожа на меня, и я такая же красивая, как и она, — девушка довольно засмеялась.

— Здесь стоят мои часы...

— Да, я нашла их в кармане твоего пальто. Ты не представляешь, сколько дней я потратила на то, чтобы вычистить весь репейник с него. Это было непросто, скажу тебе.

— Спасибо тебе огромное, Сойка, я в долгу у тебя.

— Будешь моим хорошим другом, так и расплатишься, а то знаешь, скучно тут и пообщаться не с кем. Здесь только в доме я, да Ясинька. Но она вредная, вечно куда-то спешит, торопится, все у нее дела да дела. Вечно ворчит и кудахчет, как старая курица, словно яйца свои потеряла. Есть еще у хозяина сторожевой пес. Он притащил тебя. Видал его? Как вцепится в меня своими тупыми жабыми глазами, что мурашки от него по коже прыгают. Но он живет не в главном доме, а там, поодаль, ближе к лесу. Хозяин с ним осторожен, в дом не пускает, видать сам его побаивается.

— Сойка, а что со мной было? — спросил я. — Ведь три недели — это так много...

— Доктор сказал, что воспаление мозга. Он предупредил нас, что в таких случаях обычно умирают. Но я почему-то знала, что ты выживешь и, ни минуты в этом не сомневалась, — я снова начал благодарить ее за заботу, но она махнула рукой: — Да брось ты! Я не для тебя старалась, а для себя, чтобы было с кем болтать. Ты же надолго останешься у хозяина? Он сказал, что все твои родные умерли. Это так?

— Да, это так. Но я здесь ненадолго. Я сбегу.

— Сбежишь? Но зачем? Разве тебе плохо будет жить здесь?

— Мне нужно увидеть одного человека. Нужно помочь ему.

— Это девушка? — Сойка посмотрела на меня мягкими, уютными глазами.

— Да, это девушка... девочка.

— Сколько ей лет?

— Думаю, что тринадцать исполнилось.

— Ну, ее уже можно назвать девушкой. А тебе сколько лет?

— Мне тоже тринадцать.

— Да, брось ты! Не поверю! Я думала, тебе не меньше шестнадцати. Хм, ты хоть и худой, как щепка, но высокий, и если тебя хорошенько откормить, то будешь выглядеть как взрослый мужчина. Тем более там, ты вполне... Ой, — Сойка схватилась руками за рот и пристыжено вытаращила глаза, — что я такое болтаю! — пробормотала она. — Мне нужно закончить работу.

Она ловко перекинула через плечо свою тяжелую длинную косу и, шелестя юбкой, плавно выскочила из комнаты.

Мои мысли понемногу начали приходить в порядок. Я вспомнил отъезд Ладо и потом странный сон. «Неужели это всего лишь был сон? Не мог же я на самом деле умереть, а потом ожить? Наверное, мне из-за болезни привиделось все это. Но, а как же Мария? Почему я думаю, что ей нужно помочь? Богдан говорил о страдающей душе... Нет, это все слишком реально было».

Вечером ко мне зашел Милон. Он был одет в домашний халат с пестрыми извилистыми узорами и курил трубку.

— Птичка на хвостике принесла мне, что наш славный малец очнулся! А я-то думал, что уж все, деревяшки заказывать придется. А ты молодец, боец! Только где же тебя угораздило так захворать? — он пододвинул стул к моей кровати и сел, достал из кармана свернутый листок, поставил на тумбочку металлическую чернильницу и металлическое резное перо. — Вот, подпиши эту бумагу. Здесь сказано, что ты уведомлен, что теперь я явлюсь твоим опекуном до совершеннолетия, и ты не имеешь возражений и прочее...

— Но я не умею читать. Откуда мне знать, что там написано?

— Аха-ха! Да ты шутник, право, шутник! А я такой же шутник, как и ты, — он был в добром расположении духа. — Мальчик мой, а что, по-твоему, там может быть написано? Что я отправляю тебя на плаху или, что ты даешь согласие на забивание тебя камнями? Ты хоть знаешь, сколько мне обошлось твое лечение? Лекаря вызывали аж из самого города! Ты хоть знаешь, что такое город, где он находится, и сколько стоят эти проклятые городские доктора? Если бы я хотел причинить тебе что-то плохое, поверь, мне проще было оставить тебя там, в развалюхе Бахмена, умирать в холоде. Если бы не я, тебе на том свете уже давно пели бы херувимы, а может, как баранью ногу поджаривали бы в преисподней. Ну что уставился, будто читать умеешь? Вот здесь ставь подпись, — он сунул мне в руку перо.

— А я не умею расписываться.

— Этим вопросом мы скоро займемся. А пока просто поставь какую-нибудь закорючку. Это чисто формальность.

Слабыми пальцами, никогда не державшими пера, я нарисовал что-то похожее на птичку.

— Что это? — спросил Милон.

— Это сойка.

— Сойка? Хм, похоже на сойку. Ха-ха, ну ты молодец! Понравилась тебе наша Сойка? Да, хорошая девушка, — Милон задумался, попыхивая трубкой. — Только болтливая. Надо бы ей быть осторожнее. Малый на нее поглядывает. Как бы дурного ничего не случилось. А она же такая, может еще и подхлестнуть этого увальня... Ну ладно, пока на этом закончим. Как только окончательно поправишься, будет приезжать учитель. Начнем тебя образовывать и вводить в курс дела, — он потрепал меня по голове, как добрый дядюшка, и вышел.

17.

Через неделю пришел учитель. Это был худой, маленького роста мужчина лет пятидесяти, с залысинами и бледным лицом, не выражающим никаких эмоций. Мы приступили к изучению азбуки и счета. Я, чтобы не выдать себя, что умею читать, глупил, плохо запоминал буквы и порой даже дурачился, отчего учитель пыхтел, но продолжал методично вдальбивать в голову сельского лопуха, как он меня называл, знания. Иногда мне надоедало притворяться, и я принимался тараторить текст, чем приводил его в изумление и даже в какую-то стадию мистического ужаса. Да что говорить, я сам от себя ужасался. Милон следил за моими успехами и был очень доволен, что не ошибся во мне. Сойка тоже частенько вертелась во время уроков, заглядывала в кабинет, якобы ей нужно там подмести или помыть полы, чем раздражала учителя и смешила меня. Но внутри себя я не чувствовал радости, хоть иногда и смеялся. Ведь я знал, какие страшные события скрывались за всем моими способностями.

Милон часто принимал у себя гостей, в той самой приемной, где произошел наш первый разговор. Люди начинали приезжать с самого утра, до позднего вечера. На вид это были в основном бедняки, но иногда заезжали и богато одетые. И в основном их всех объединяло одно: они заходили с печальными лицами, а выходили чаще со счастливыми, хотя бывало и даже с более поникшими. Часто там же мелькал и угрюмый Малый, который вызывал у меня содрогание и какое-то холодящее чувство страха.

Только в двадцатых числах декабря выпал первый снег. К тому моменту мы с Сойкой уже стали не разлей вода. И я даже не мог представить, как я раньше мог жить без такого друга.

Как ребенок, радуясь первым хлопьям снега, она выбежала из дома и задорно побежала по снежному двору, который с каждой минутой заваливало снегом. Я выбежал с ней, и мы начали кидаться снежками. Снег еще плохо лепился и, не долетая до цели, разлетался как порошок во все стороны, обсыпая нас маленькими колючими искринками. Ее длинная коса летала по воздуху, как рыжая бестия, а белые комки снега то и дело летели мне в лицо. Я догонял ее и в свою очередь пытался натереть снежком ее веснушчатые щеки докрасна, но она все время ускользала. «А, не догонишь, не догонишь!» — кричала она, дразнясь.

— Ну, держись! — пригрозил я и изо всех сил рванул вперед, пытаясь ухватить ее за косу. В тот момент, когда это мне удалось, она неожиданно споткнулась, и я с размаху налетел на нее, и мы оба повалились на землю. Сойка оказалась подо мной, уткнутая лицом в снег.

— Ты не ушиблась? — с испугом спросил я. Но она беззвучно смеялась, а ее волосы, глаза, нос и губы были все в пушистом снегу.

— Это так смешно! — захохотала она.

— Ах, ну если смешно, то значит сейчас я, как и обещал, натру тебе щеки! Будешь еще дразниться? — закричал я, руками растирая снег на ее лице.

— Охо-хо, ну ладно, прекращай! Все, все, аха-ха, я больше не буду!

— Точно не будешь?

— Точно, — она хитро улыбнулась, и резко шлепнула мне в лицо охапку снега, успевая протолкнуть его под мой воротник. — Вот так вот лучше!

— Ну, ты сейчас получишь! — я начал загребать снег и также запихивать его за ее воротник. — Вот тебе, вот, получай! — ну тут я заметил, что она уже давно не сопротивлялась и загадочным взглядом изучала мое лицо.

— Что с тобой? — недоуменно спросил я.

— Ничего. У тебя необычного цвета глаза.

Я смутился.

— Да? И что?

— Ты будешь красивым.

— Зачем ты это говоришь? — она окончательно сбила меня с толку.

— Не знаю, — улыбнулась она, но я знал, что она знает, и я сам знал. Какая-то странная волна пробежала по моему телу, промелькнула и быстро исчезла, как только я почувствовал на себе тяжелую и грузную тень. Я поднял голову и увидел, что слева, за забором, стоял Малый и сверлил нас, беспечно и радостно валяющихся на снегу, напряженным, мрачным взглядом.

— Пойдем отсюда, — глухо сказал я, подавая Сойке руку.

Как только мы зашли в дом, Малый ушел.

— Он все это время пялился на нас? — выдохнула она, отряхиваясь от снега.

— Наверное. Тебе нужно быть осторожной. Этот человек очень опасен.

— Да? А что он сделал?

— Ты разве не знаешь?

— Нет. Никогда не интересовалась. Мне он все время казался просто придурковатым, вроде нашего звонаря в церкви. Так, что он сделал?

— Тебе лучше не знать. Звонарь придурковатый, но добрый, а этот...

— Что этот?

— Все, нечего об этом разговаривать. Просто будь осторожна, с ним не разговаривай лишний раз. И не попадайся на глаза, когда одна, только, если рядом с тобой кто-нибудь еще.

— Например, ты?

— Ну, допустим и я.

— А ты сильный? Ты меня защитишь? — она опять странно улыбнулась, сверкая светло-зелеными глазами.

— Вряд ли я смогу устоять в драке против него, — усмехнулся я. — Он сломает мою спину пополам, как куриную косточку.

— Я не дам ему сломать тебе спину. Пусть только попробует, и он встретится с этим! — она угрожающе выставила вперед свой костлявый кулак, обсыпанный рыжими веснушками.

— Что это? — я схватил ее за запястье. — Мышиный хвост или гриб сморчок? А может веснушчатый кузнечик? Выглядит также устрашающе, как и пятка таракана.

— Хм! Ну и ладно, — она вырвала руку, — можешь, что хочешь думать о моем кулаке. Зато я знаю, какой он сильный. Горшки за тобой выносила сколько. А ты-то наваливал в них, как бык!

Я охнул от неожиданности: это был уж очень большой удар под дых. Я так покраснел, что мне показалось, мои уши прижги раскаленными щипцами.

— Ты, ты... болтуня! Языком своим болтаешь, как грязной метлой!

— Ой, говори, что хочешь! Я сейчас такоооооо могу сказать, что твои уши от стыда вообще отвалятся!

— Не смей! — заорал я. — Только попробуй! Я тебе покажу!

— Что покажешь? Я уже все видела! Там...

— Не смей больше ничего говорить! — я ринулся на нее, закрывая уши, а она проворно

нырнула в другую комнату и захлопнула дверь.

— А вот и скажу, а вот и скажу! — кривлялась она за дверью. — У тебя там...

И она сказала: моя голова загудела и закружилась от позора.

— Все, я больше с тобой не разговариваю, и не дружу, — со всей серьезностью сказал я. — Это конец. Даже не подходи ко мне.

Это было слишком обидно. Я считал ее своим другом, я доверял ей. Она видела меня в беспомощном состоянии, но она подорвала мое доверие и нарушила несокрушимое правило дружбы — никогда не говорить о том, что слишком сокровенно и неприятно.

— Иларий, прости меня! — она быстро выскочила из комнаты и побежала за мной. — Иларий, я не хотела, — она коснулась моего локтя, но я отбросил ее руку.

— Не прикасайся ко мне! Ты больше мне не друг! Ты предательница! — я побежал к воротам, выводящим из двора.

— Иларий, ну, пожалуйста, прости, — она уже всхлипывала и плакала. — Я глупая болтунья, мой язык — грязная метла! Иларий, куда ты уходишь?

Не слушая ее, я быстрым шагом вышел из двора и пошел вперед, попутно задевая рукой ветки деревьев, которые обсыпали меня снегом. Я не задумывался куда иду, ноги сами несли меня к тому месту, где осталось незавершенное дело. Я пришел дому Ладо. Со странным чувством я смотрел на пустой, заброшенный дом, в котором еще недавно кипела жизнь, а теперь в нем поселилась пустота, холодная, обжигающая душу пустота.

Зайдя внутрь, я огляделся. Все комнаты были безжизненными: не было мебели или чего-то напоминающего о том, что здесь жили люди. Вряд ли Ладо удалось погрузить всю утварь на небольшую телегу. Скорее всего, все оставшееся растащили односельчане. Единственно никому не нужным оказался валявшийся в углу стул, так как он был настолько хлипким, что никому не показался интересным.

Шаг за шагом я начал обыскивать дом, ощупывать стены, пол, окна в поисках записки Ладо. Ведь я знал, что он не мог уехать просто так, он должен был написать адрес. С трудом удерживая равновесие, я забрался на стул и начал осматривать и обшаривать стропила крыши. Ничего не было. Ни малейшего клочка бумаги. «Нет, Ладо умный, он не мог оставить записку в доме, — решил я, — ведь ее кто-нибудь мог найти. Надо смотреть на улице».

Сначала я зашел в мастерскую. Там не было даже старого, изрезанного во многих местах стола, на котором работали Ладо с Тито. Стены были утыканы большими кривыми и ржавыми гвоздями: раньше на них висели различные инструменты. Снова осмотрев все помещение, я ничего не обнаружил. Потом я осмотрел сарай и вышел во двор. Снег все летел и летел большими хлопьями. Мой взгляд остановился на покосившейся лестнице, с двумя отсутствующими ступеньками, прислоненной к маленькой деревянной будке, где раньше хранились садовые инструменты. Эту будку можно было не заметить, настолько неприметной она была. Под треугольной крышей я заметил маленькое окошко, намекавшее на то, что там есть пространство. Оно очень напоминало крошечный чердак, словно построенный для кошки. «Чердак!» — воскликнул я. Осторожно ступая на дряхлые, расшатанные ступеньки, я поднялся, открыл окошко и возликовал: там, прикрытая охапкой сена, лежала книга с изображением рычащего тигра. Она уже успела чуть намокнуть по углам от протекающей крыши. Я спустился и с трепетом открыл обложку. На первой странице, печатными буквами было написано послание:

Иларий! Я до последнего ждал тебя, надеялся, что ты передумаешь и поедешь с нами. Я уехал с тяжелым сердцем, не зная, почему ты не пришел. Всей душой верю, что у тебя все будет хорошо, что перед тобой откроется твоя большая, крепкая дорога.

Я буду ждать тебя в течение всей своей жизни в городе Сарал, что стоит на берегу Каральского моря. Сколько бы времени не прошло, жду нашей встречи.

Береги себя. Твой друг, Ладо Сури.

Не сдерживая подступивших слез, я засунул книгу под пальто и побрел на восток по дороге, полностью опутанной воспоминаниями.

«Вот это место», — тихим дребезжащим звоном отдалось в моей голове, когда я подошел к пустынному подножию холмов. Мой дом действительно сгорел дотла, лишь только черные, обгоревшие столбы торчали вверх, будто пики, безмолвно предупреждающие путников, что это место дурное и нехорошее. Я подошел ближе и с удивлением отметил, что мой сгоревший дом, укутанный в снег, выглядит хоть и пугающе, но красиво: необычайно страшное и черное пепелище переплеталось с таким мягким и наивно-детским снегом. Я ожидал, что тут на меня нахлынут горькие воспоминания, но странное чувство удовлетворения затмило все мысли: «Кем бы он ни был, но он тоже сгорел. Я отомстил ему. Значит, его можно убить». И я начал с каким-то невероятным наслаждением представлять всевозможные способы убийства старика. Я представлял, как вонзаю в его грудь копье, а его старческое, обезображенное лицо с изумлением смотрит на меня: «Как этот глупый мальчишка смог раскусить меня?». Я стоял и ухмылялся, воображая все более и более жестокие сцены расправы: отрубал ему голову, руки, ноги, насаживал на колья, обливал кипятком. Я не знал, сколько времени я стоял там, уставившись на обгоревшие доски, и хищно скалил зубы, чувствуя, как пожирающая ненависть захватывала меня с каждой секундой.

— Кар-кар! — большой черный ворон, усевшийся на обгорелую жердь, вырвал меня из потока зверских, кровавых сцен.

Я встряхнул головой и будто проснулся. «Надо уходить отсюда, — велел я себе. — Все эти чудовищные мысли не мои, они чужие».

Не оглядываясь, я побежал прочь от дома.

Следующим я посетил дом Бахмена. Два единственных дряхлых окна уже были разбиты. В крошечной комнате стоял беспорядок. Не было бушлата, старых одеял, жалкой посуды и скудных запасов еды в погребе. «Удивительно, — подумал я, — когда живет человек, никому и дела до него нет, а как только он умирает, сразу прилетают жадные вороны: грабят, рушат и разбивают».

Вернулся я в дом Милона под вечер с твердым намерением: мне непременно нужно узнать, верны ли мои догадки насчет брата.

18.

Подходило время Рождества, и я по-прежнему не разговаривал с Сойкой, хотя она предпринимала попытки помириться, но я не хотел и знать ее: уж слишком сильна была моя обида.

Я узнал, чем занимался Милон. Он давал нуждающимся деньги под проценты, а когда подходило время, и заемщик не отдавал долг, в дело вступал Малый: выезжал к должнику и там уже был особый разговор. Малый был кем-то вроде бешеного пса, которого спускали по

особым случаям. И судя по тому, как часто он разъезжал, случаев предоставлялось немало.

Незадолго до праздника я случайно подслушал, что в Птичьей долине собралось несколько злостных неплательщиков, и Малый должен был вскоре туда выехать. Это был мой шанс, который я просто не мог упустить, но я и понятия не имел, как обратиться с моей просьбой к жестокому убийце, от взгляда которого покрываешься ледяными мурашками.

Когда наступил вечер, я написал письмо, обреченно вздохнул и крадучись выбежал из дома. Дом Малого стоял в самом тупике, где обрывалась дорога и начиналась роща. Его дом был настолько маленьким, что я удивился, как такой великан мог там помещаться. В окнах горел свет, и я с замиранием сердца постучал в дверь.

Он открыл дверь, и его массивная фигура заслонила лампу, подвешенную на потолке. В тот миг мне показалось, что свет померк не только в моих глазах, но и вообще померк навсегда в моей жизни. Изумленно уставившись на меня, он тяжелым, угрюмым басом спросил:

— Чего тебе нужно?

— Хорошего тебе вечера, Малый, — неуверенно и как-то по-нищенски начал я, совершенно не представляя с чего начать разговор. — Я так, решил зайти в гости, попросить об одном одолжении.

— В гости? — недоверчиво рыкнул он. — А ты что, не боишься, что я тебе шею сверну?

— Вообще-то боюсь, но я думаю, тебе сейчас не выгодно сворачивать мне шею. Да? Все же будут знать, что это ты сделал, — сказал я, подумав, что мой аргумент звучит совсем неубедительно, но Малый отчего-то согласился:

— Это верно. Ну, проходи, раз пришел.

Он посторонился, давая мне протиснуться в узкий дверной проем. Я засомневался, стоит ли входить, но все же прошел, ожидая увидеть мрачную, грязную берлогу, но совсем растерялся, когда зашел в небольшую, но удивительно светлую и уютную комнату с довольно высокими потолками. На маленьких окошках были развешены белые, легкие занавески, а возле стены стоял круглый, лакированный стол, на котором кокетливо лежала голубая вязаная салфетка. Все вещи были аккуратно разложены по своим местам, и было так чисто, будто в доме прибиралась рука женщины. В довершении ко всему в пространстве кружил ароматный запах свежееиспеченного хлеба.

— Ты здесь один живешь? — спросил я.

— Да, один.

— И еду себе сам готовишь?

— Да. А кто еще?

— И ты сам убираешься в доме?

— Слушай, ты чего прицепился?

— Извини, ты...

— Да, можешь не продолжать, я знаю, что я тупой, отвратительный, мерзкий урод.

— Нет, ты не так подумал... — начал я, но запнулся от его тяжелого взгляда и понял, что лучше не продолжать.

— Садись, — он подтолкнул мне табурет. — Чай будешь? Закипел только.

— Хорошо, давай, — неуверенно согласился я.

— Ты тут помешал мне, — недовольно буркнул он. — Я это... булки пеку.

Он отодвинул в сторону тяжелую металлическую заслонку, закрывавшую духовку внизу печи, и вытащил поддон с румяной, уложенной ровными рядами, выпечкой.

— Готовы. Не подгорели, — довольно проговорил он и, поставив на стол плоскую тарелку, выложил несколько булок. — Попробуй. Они с вареньем. Ну, что смотришь? Пробуй, не отравлены, я для себя их спек.

— А если не для себя? — спросил я, откусывая кусочек: я решил, что лучше уважить хозяина. — Тогда они были бы отравлены?

— О-тож, — ухмыльнулся он, — сомневаешься что ли?

Он разлил по кружкам чай и сел напротив меня. А я продолжал жевать булку и удивляться: до чего же было вкусное и мягкое тесто. Нашей кухарке Ясиньке следовало бы поучиться. И чуть не sprыснул со смеху, представляя, как огромный Малый учит нашу крикливую, маленькую Ясиньку замешивать тесто.

— Очень вкусно! — похвалил я. — У тебя талант в выпечке.

— Спасибо, — буркнул он, — ты первый мне это сказал.

— Неужели раньше никто не хвалил?

— Нет. Ты первый человек, который ест мою стряпню. И ты первый человек, который пришел ко мне в дом, — он съежился, как огромная гора, поросшая колючими, сухими деревьями. — Так зачем ты пришел?

— У меня есть к тебе просьба, — начал я, сомневаясь в своей затее. — Я понимаю, с моей стороны это наглость просить тебя об этом. Ты можешь даже выкинуть меня из дома, если хочешь. Но я не могу не попытаться. Мне просто не к кому больше обратиться...

— Короче, — подтолкнул Малый, пристально уставившись на меня.

— Да, конечно... В общем, я слышал ты едешь завтра в Птичью долину, и мне нужно, чтобы ты передал письмо одной женщине. Ее зовут Варида. А она, когда прочтет письмо, должна передать тебе ответ. Вот, в этом моя просьба, — закончил я, и Малый тяжело исподлобья посмотрел на меня, словно на таракана, которого нужно было в ту же минуту прихлопнуть. — У меня есть немного денег, — испугавшись, затараторил я, — если нужно найду еще, вот, смотри, — я вытряхнул из кармана вместе с шелухой пару монет, — если этого мало, то я найду, обязательно найду, только... — я осекся и сжался в комок: тонкие губы Малого сжались, а ноздри раздулись, как у разгневанного быка, готового броситься на наглого слизняка, посмелевшего махнуть перед ним красной тряпкой.

«Может, он сейчас достанет топор?» — промелькнула страшная мысль. И он, размахнувшись, будто подсекая дерево, с мощью обрушил кулак на стол, отчего блюда с кружками жалобно звякнули, как котята.

— Хорошо! Давай письмо.

— Что? Письмо? И ты не убьешь меня? — запричитал я, секунду назад уже попрощавшись с жизнью.

— Это я так, представление для устрашения. Помнишь тогда, я и в колодец твой плевался для устрашения. Стою, жую соломину, когда Милон с тобой толковал, думаю, дай-ка начну харкать в воду, чтобы никто не забывал, что я тупой и загадочный. Кто знает, что мне в голову сбредет в следующую минуту. Правильно?

— Правильно, — выдавил я.

— Ну, так давай письмо, и я буду спать укладываться. Завтра подниматься в самую рань. Я быстро положил письмо на стол, несуразно поблагодарил и с огромным недоумением чуть ли не выкатился из его дома.

В тот же день, вечером, после отъезда Малого, испортилась погода. Сначала усилился ветер, застучал голыми ветвями деревьев по окнам и крыше, потом начал гудеть в печной

трубе, как стая голодных волков, а после, когда повалил снег, будто сумасшедший зверь принялся раскидывать в разные стороны охапки снега.

— Давно такой бури не было, — пропыхтел трубкой Милон, выглядывая в окно. — Будем надеяться, что к Рождеству погода прояснится.

Но погода не улучшилась и на следующий день. Снег все также заметал все вокруг, будто там, на небе, за много лет скопилось неприлично много лишнего, и именно сейчас нужно было все свалить на головы людей. Малый, если он благополучно добрался до Птичьей долины, похоже, застрял там надолго. И мое нетерпение все усиливалось и усиливалось.

Сойка уже не пыталась со мной примириться, будто смирилась навсегда, и мне время от времени становилось ее жалко: она ходила мрачная и поникшая. Честно признаться, я уже и сам остыл, и мне было скучно без наших игр и ее веселого смеха. Перед Рождеством, от нечего делать, я забрел на кухню. Завтра с утра намечалось празднование в доме, должны были прибыть гости Милона, какие-то знатные люди, и кухарка Ясинька, с грубым лицом, словно высеченным из камня, в поте лица готовила праздничный обед. И даже с каким-то удовольствием чертыхалась и ругалась. Подле нее невозмутимо сидела Сойка и чистила овощи.

— Можно я помогу? — спросил я.

— А ты разве что-нибудь можешь? — кухарка недоверчиво скривила лицо.

— Да, я многое умею. Могу чистить и резать.

— Ну, раз можешь, бери нож и садись, помогай крале нашей, а то она и до второго пришествия Христа не управится.

Я подставил табурет и сел напротив Сойки, склонившейся над ведром, куда тонкой змейкой сползала срезанная картофельная кожура.

— Сойка, — шепнул я, — давай помиримся? Мне надоело уже на тебя обижаться.

Она даже не посмотрела на меня, а только сильнее склонила голову, повязанную ситцевым платком.

— Сойка, ну ладно, я переборщил с обидой. Давай помиримся, а?

Уголки ее губ дернулись и чуть поползли вверх.

— Ну же, давай уже будем дружить? Мне скучно без тебя.

Она уже всю улыбалась, но все также не поднимала голову и толстым слоем срезала кожуру.

— Ну, что скажешь, мир? — она не поддавалась, скалила зубы и молчала. — Ну, да я знаю, ты сто раз просила прощение, а я не хотел с тобой разговаривать. Да, я говорил, что никогда больше с тобой не буду дружить. Ну, ладно, давай уже забудем эту глупую ссору, завтра же Рождество. Что ты хочешь в качестве подарка?

Наконец она подняла голову, задорно посмотрела на меня и без тени смущения произнесла:

— Я хочу поцелуй.

— Ээ, что это за подарок такой?

— Это обычный хороший подарок.

— Ну, давай я сейчас тебя чмокну, пока Ясинька не видит, подставляй щеку.

— Нет, я хочу поцелуй в губы. И точка.

— Но мы же с тобой друзья. Друзья не целуются в губы! — отчаянно попытался я вразумить ее.

— Ты спросил, чего я хочу? Я сказала. Поцелуй и все. Не хочешь дарить подарок, значит, никакой дружбы.

— Чего вы там болтаете и ничего не делаете, а? — прикрикнула на нас кухарка, заглянула в кастрюлю и завопила: — Это кто так почистил картошку? — она достала обкорнанную картофелину с островками кожуры. — Вы хотите, чтобы меня удар хватил? Тут дел до самого утра, мне уже пирог нужно ставить, а они милуются и шушукаются! Ты посмотри на нее, вся покраснелась, друг сердешный пришел! Так, а ну, давай иди отсюда! — махнула она рукой, прогоняя меня. — Хватит, напомогался уже! Иди-иди, чего стал?

На следующий день снег, наконец, закончил валить, и к дому, перекатываясь с трудом, как большие снежные шары, начали прибывать гости. Некоторые из-за сильного снегопада не смогли приехать, так что еды потребовалось меньше, чем было приготовлено, что страшно разозлило кухарку. Я надел заранее пошитый по мне костюм, и предстал в самом лучшем свете как подопечный Милона. Сойка разносила и подвала еду на стол, и она была чрезвычайно хороша в своем белоснежном переднике и праздничном платье. Она то и дело бросала на меня многозначительные взгляды, улыбалась и, проходя мимо, исподтишка щипала.

Вечером, когда гости разбрелись, а не некоторые, оставшиеся на ночлег, улеглись дремать после обильного ужина, я направился в дальнюю пристройку дома, где находились комнаты прислуги. Я помнил про «подарок» и обреченно, на ватных ногах, двинулся к комнате Сойки. Постучал в дверь, и она тут же распахнулась, будто от ветра. Передо мной, в вышитой ночной сорочке, с длинными распущенными волосами, похожая на русалку, стояла, горделиво задрав подбородок и изогнув тонкие брови, Сойка. Она смотрела на меня с лукавым прищуром, словно вопрошала: «Чего изволите?»

— Ой, я не знал, что ты уже спать собираешься. Думал, ты еще одета. Я тогда потом зайду.

— Когда потом? — грозно спросила она. — Потом будет поздно. Рождество сегодня заканчивается.

— А, ну тогда да.

— Проходи.

— А тебе ничего не будет, что я здесь? Ну, может, поругают...

— Глупости не носи. Никому дела нет. Ясинька наябедничать может, но она уже давно от усталости дрыхнет в своей комнате. Ну, зачем пришел?

— Ну я это... то самое.

— Что, то самое?

— Ну, подарок.

— Ну, давай свой подарок, — она невозмутимо уставилась на меня своими коварными, зелеными глазами. — Я жду.

В тот момент мое сердце устроило бешеную пляску сродни пьяному мужику в кабаке. Мои ладони так вспотели, что мне казалось, из них льется вода, как из дырявого корыта. Я все стоял и не двигался, и только змеиные Сойкины глаза плыли в тумане передо мной и шептали, как эхо в горах: «Я ждуууу... ждууу...»

Не выдержав нахлынувшего на меня ужаса, я резко схватил ее голову, раскрыл рот, словно хотел откусить большой кусок, и, успев заметить ее распахнутые от ужаса глаза, впился губами в лицо. Мой рот, помимо ее губ, захватил еще и нос, и она, с отвращением

отпихнув меня, возмущенно завизжала:

— Это омерзительно! Ты что, никогда не видел, как целуются люди?

Я сокрушенно покачал головой.

— Эх, ты! Вот, как это надо делать! — она притянула меня за рубашку, и ее сомкнутые губы мягко коснулись моих, она на секунду задержалась и отстранилась. — Вот так вот надо. Ох, уж и подарочек получился. Мне теперь кошмары будут сниться, — она вытолкала меня прочь и недовольно захлопнула дверь.

В тот момент я понял: поцелуи — это не мое. И клятвенно пообещал себе, никогда, ни при каких обстоятельствах не ввязываться больше в это гиблое дело.

Малый приехал только через сутки. Занимаясь арифметикой, я заметил в окне его суровую медвежью фигуру, закутанную в огромный овечий тулуп, выходящую из кабинета Милона. Он увидел меня и устало кивнул. С нетерпением дождавшись вечера, я побежал к его дому.

— Письма нет, — сказал он, разводя руками.

— Как нет?

— Вот так вот и нет. Садись, расскажу. Женщина, которую ты ищешь, Варида эта, умерла еще в ноябре, в прошлом году. Говорят, приехала она с какой-то поездки и вскоре заболела. Да только померла она не своей смертью, убил ее кто-то. Топором зарубил на кусочки. Я сам ездил сам на кладбище, видел ее могилу.

Я потрясенно смотрел в пол, не зная, что и сказать: такую новость я никак не ожидал. Я уже хотел поблагодарить Малого и уходить, как он продолжил:

— Но я твое письмо прочитал-то, раз некому было на него отвечать. Подумал, может, чем другим помогу. Ты там соседской девчонкой интересуешься, Марией. Так вот, с ней тоже беда приключилась. Люди говорят, что отец и мачеха этой девочки в ноябре также заболели: начали стареть, с ума выживать, а потом они пропали, вышли из дома и не вернулись. А в доме малышня осталась да Мария. Девочку эту видели часто: побираться ходила, еду искала. Да вот недавно пропала она, вместе с малышкой. Говорят, видели дорогую коляску, проезжавшую через Птичью долину. Коляска укатила в неизвестном направлении, и дети тогда же пропали.

Я до слез благодарен был Малому за его неоценимую помощь, ведь он выполнил ту работу, о которой я даже и не просил. С трудом передвигая ногами, будто налившимися свинцом, я вышел из дома, и мысли нахлынули безумной волной: все оказалось не просто так, как я предчувствовал, но все было намного хуже. С болью в сердце я подумал о Вариде, я так и не смог отблагодарить эту женщину, я даже забыл сказать ей спасибо. А Мария? Где же может быть эта несчастная, одинокая девочка? Я задрал голову вверх, выбрал самую яркую звезду, сверкавшую на морозном небе, и прошептал: «Береги себя, Мария».

Часть II

1.

Пять лет в Холмах прошли незаметно. Я ни в чем не нуждался и получил достойное образование, такое, о котором не мечтал ни один школьник из всех ближайших селений. Мне были предоставлены любые книги и все газеты, которые можно было достать в нашей округе. Газеты, правда, поступали нечасто, и с большим запозданием по числу, бывало, проходило месяца два или три с момента выпуска, и только тогда они попадали в мои руки. Но это было не так важно, главное, что у меня имелся доступ ко всем важным событиям, происходившим в мире. Из газет я узнал, что есть чудо-машинки, способные печатать на бумаге, и я даже посмел представить в мечтах, что когда-нибудь обрету такую невероятную вещь. Да что там машинки, писали, что лошадей скоро заменят автомобили, работающие на топливе. И когда я, страшно удивляясь, показывал Милону напечатанные рисунки будущего транспорта, он смеялся и говорил: «Ерунда! Разве сможет такая образина проехать по нашим дорогам? Встанет где-нибудь посреди безлюдной местности, да и сиди, чеши себе голову, кумекай, как выбраться оттуда. Нет, ничего лучше надежных лошадей не будет!».

Газеты и книги давали мне выход в мир, так как мой мир был ограничен стенами дома. Несмотря на то, что Милон часто говорил, что я стал ему как сын, да и я сам, безусловно, понимал, что он спас меня, и был искренне ему благодарен, несмотря на все это, я чувствовал себя запертым в клетке. Целыми днями я погружался в расчеты, счета, векселя, ценные бумаги, приходные и расходные, оформлял закладные, перекладные и отказные, уведомительные и предупредительные, и еще бог только знает какие бумаги, от которых кругом шла голова. Я понимал, что за добро, которое хоть я и не просил, мне придется расплачиваться. Я должен был стать незаменимым помощником и правой рукой Милона, хотел я этого или нет.

Милон нередко выезжал по делам, но никогда с собой меня не брал, возможно, он не доверял мне, или, может, боялся, что мне взбредет в голову что-нибудь дурное. Кто знает. И долгие годы я не выезжал никуда дальше холмов. Весь мой мир был ограничен учителями, подворьем и домашними людьми: кучером Яном, дворничихой Мартой, кухаркой Ясинькой, парой мужиков, работающих в поле и, конечно же, Малым и Сойкой.

К Малому, после того как он неожиданно помог мне, оказав незаменимую помощь, я стал понемногу присматриваться. Я стал замечать, что он, напуская на себя угрюмость, суровость и некую внешнюю жестокость, на самом деле не совсем такой, каким стремился показаться. Какая-то затаившаяся боль мелькала в его больших карих глазах, которые Сойка назвала «жабьими». Иногда сталкиваясь с ним в подворье, мы перекидывались парой ничего не значащих фраз. Я спрашивал как дорога, погода и обстановка в том или ином селении, куда он ездил по поручениям. А он отвечал охотно и живо, будто был рад, что я интересуюсь, что им вообще хоть кто-то интересуется, так как остальные избегали его и скрывались с места, едва завидев, будто он был прокаженный. И я охотно понимал их: ведь все знали, что Малый был жестоким убийцей, зарубившим свою семью. Но почему я его не избегал? Тогда я не мог дать себе на это ответ. Может быть, я просто чувствовал себя одиноким и знал, что он такой же одинокий. Конечно, иногда я от мальчишечьего

любопытства хотел спросить его о том страшном прошлом, но никак решался, полагая, что он сам бы рассказал, если бы хотел.

Милон однажды узнал, что я сдружился с Малым, и категорически запретил мне общаться с ним, но я, несмотря на запрет, изредка прибегал к Малому домой, чтобы поболтать на всякие интересные жизненные темы. Как-то сидя у него дома и наблюдая, как он штопал себе штаны, я спросил, почему он не женится. Малый сначала нахмурился, но потом невозмутимо подставил свою голову ближе к свету, чтобы я мог хорошенько разглядеть его, и сказал:

— Ты видел мою рожу? Думаешь, хоть кто-нибудь захочет за меня пойти? Я знаю, что я урод, каких поискать еще нужно. Да и неужто Милон не рассказал, что я сделал?

— Рассказал, — сказал я, и мне почему-то стало стыдно.

— То-то, — буркнул он, — я все думаю, как ты со мной разговаривать-то не боишься.

— Поначалу боялся, а теперь нет. Знаешь почему? Когда я пас овец, как-то потерялась одна овца, и я пошел искать ее. Тогда я набрел на болото. И Бахмен, мой друг, сказал мне, что болото — оно как люди. Часто под ним скрывается река, а под рекой — болото. Все дело в том, что нужно заглядывать внутрь, а многие люди не глядят, они просто видят и верят тому, что видят.

— Хочешь сказать, что не боишься меня, потому что я выгляжу как болото, но ты разглядел что-то другое? — скептически поинтересовался он.

— Именно так.

— Хм... соглашусь в том, что моя жизнь похожа на болото, только вот я давно в нем утонул. В детстве еще утонул, когда все это случилось... Так что теперь, как ни старайся, ничего не увидишь, — он оторвался от штопки и испытующе посмотрел на меня: — Хочешь знать, как это все произошло? Как я зарубил свою семью?

Я съезжился от страха и кивнул.

— Хм, — усмехнулся он, — знаю, язык у тебя уже давно чесался спросить. Я все думал, когда же ты не выдержишь? Ну, слушай... Когда все это случилось мне было десять лет, и уже тогда все замечали, насколько я рос крепким и сильным. Я был третьим ребенком в семье, так что моя жизнь была вполне обычной, как и у многих тут, за одним исключением, — моя семья жила богато, богаче, чем все остальные в округе. И вот с раннего детства я начал интересоваться железом. Все вертелся возле ног нашего кузнеца, а тот, да и стал меня обучать, как точить ножи, косы, тяпки и топоры... А что, силы у меня достаточно было, все было в не тягость. Ну так я и проводил целые дни за полировкой, помогал кузнецу. Мне начали приносить работу и даже платили кое-какие деньги, которые я оставлял себе. Отец поощрял меня и хвалил. Все были довольны, и я был доволен. Можно сказать, что я был счастливым ребенком. И сейчас, наверное, ты просто сгораешь от нетерпения, чтобы узнать, какого черта мне понадобилось укокошивать мою семью, если меня все устраивало? Так вот, ответа на этот вопрос у меня нет. Я не знаю... В то утро, это было начало весны, я проснулся. Помню, как открыл глаза и первое, что увидел, это была моя рука. Она была вся в крови и сжимала рядом лежащий на кровати топор, будто игрушку. И он был таким блестящим, будто его обмакнули в растопленное масло, только красного цвета. Я в ужасе отшвырнул его, а потом увидел в кровати тело моего брата и заорал так, будто изнутри меня разъедали пчелы. Побежал в комнату родителей, но там тоже повсюду были кровь и тела. Они будто спали, но так странно, словно их поломали. В таком же состоянии я увидел и сестер. Потом прибежали люди. Я ничего не понимал. Они кричали, вопили и бегали. Потом

пришел Милон и спас меня. Я сначала жил с ним в доме, он стал моим опекуном, но когда я стал подрастать, он решил, что меня нужно переселить отдельно. В этом доме раньше жил наш кузнец, а теперь я.

— Подожди, я не понял: дом, в котором я живу сейчас, раньше был твоим домом?

Он, нахмурившись, кивнул.

— Вот это да... — протянул я, озадачившись совсем. — Твоя история мутнее, чем само болото. Мне кажется, ты не убивал свою семью.

— Ты думаешь?

— Думаю, тебя подставили. Зачем бы ты их убивал, если тебе хорошо жилось?

— Вот и я не знаю. Сколько живу, вместо молитвы перед сном задаю себе этот вопрос, зачем я это сделал? И я хочу найти хоть какой-нибудь ответ, похожий на правду, но никак: в моей башке пусто, как у дятла в дупле.

— Скажи, не было ли людей, кому выгодно было убить твою семью?

— Да насколько я могу судить, многим это могло быть выгодно, — пожал плечами Малый и как-то странно на меня посмотрел, будто он знал ответ, но не хотел говорить.

— А что насчет Милона?

— А что?

— Ему выгодно было?

— Нет, ему не выгодно было, — он нетерпеливо встал и засуетился, стараясь не смотреть мне в глаза, и резко сказал: — Все, хватит об этом.

— Ладно, мне пора, — сказал я. — Малый, знаешь что? А ты совсем не глупый. Ты умнее большинства. И я думаю, ты добрый. А раз ты добрый, то единственное не могу понять, как тебе удастся вытряхивать деньги с должников?

— А я хватаю их заворот, таращу глаза, рычу, и из них, как из свиной шкатулки сыплются деньги.

— И даже с женщинами так поступаешь?

— И с ними тоже.

— А с бедняками как? Вдруг у них денег нет?

— Если он и вправду бедняк, и взять с него нечего. Я вычеркиваю его из списка должников и предупреждаю, чтобы никогда больше, под страхом смерти, не брал заем у Милона.

— И неужели Милон соглашается с этим?

— А он ничего не знает. За этого бедняка я отдаю ему свои деньги, а он думает, что заемщик рассчитался.

Я посмотрел на него с нескрываемым изумлением, кивнул на прощанье и вышел. Прав был Бахмен, что многое скрыто в болоте.

2.

Отношения с Сойкой были схожи на катание со снежной горы: то мы плавно скатывались, хохотали и дурачились, то катились кубарем, падали вверх тормашками, ругались и ненавидели друг друга, а потом поднимались, мирились и снова катились с горы. И каждый раз неизвестно было, чем все это закончится.

В Сойке все время жила тысяча чертей, и я никогда не знал, какой черт выскочит из нее в следующую минуту: она могла быть ласковой, кроткой и рассудительной, но временами превращалась в фурию, готовую растерзать меня в клочья. А я в силу своей юношеской

беспечности не понимал, что с ней творится и почему ей непременно нужно быть занозой в заднице, а не просто моим хорошим другом.

Когда мне исполнилось семнадцать, тогда, время от времени, до меня начали доноситься перешептывания дворовых о том, что меня и Сойку все давно считают парой.

— Перья летят, как у влюбленных голубков. Жениться бы им надо, — шушукалась Ясинька с дворничихой Мартой, заходя на кухню. А я стоял, спрятавшись за занавеской, так как пробрался на кухню, чтобы стащить пирожок. — Сойке-то, двадцать привалило уже, в девках давно засиделась. Я ей все говорю, — откровенничала Ясинька, — хватит бегать за своим лопухом. Он еще молод и зелен, одни газетенки в его мозгах шелестят. А ты свое время-то проморгаешь, все дожидаясь, когда же твой милый лопух созреет-то, а потом поздно будет, женихи молодух найдут, а на тебя и пень старый не посмотрит. Бабий век-то короче, чем огрызок морковки. Печаль да тоска все это, ну а куда деваться? Бабами мы родились и законы не придумывали. Я ей все это говорю, а она все твердит: «Люблю его и только за него пойду!». И что с ней делать, с дурой этой? Реветь-то потом будет, ох как реветь! Ладно, этот, початок запечатанный, ветер в голове, а Милон? Неужто он-то согласится, что его приемьш на девке дворовой женится? Не бывать этому, вот посмотришь, Марта. Не для Сойки нашей Милошка облагораживает Иларку, не для Сойки. Он вот...

На этом моменте я неловко шевельнулся, и с полки с грохотом полетела чугунная сковорода, едва не отбив мне пальцы на ноге. Я вылетел из-за занавески, женщины охнули от неожиданности, и я ринулся бежать из кухни, а следом в меня понеслись ругательства Ясиньки: «Ах, ты ж, черт косолапый, слышал все! Ну, я тебе устрою супчик вечерний! В туалете просидишь безвылазно!».

С того нечаянно подслушанного разговора для меня все изменилось: я задумался и погрустнел. Теперь я намного лучше понимал все, что происходило с Сойкой, и невольно чувствовал ответственность за ее судьбу. И чем ближе подходил мой восемнадцатый год, тем сильнее я задумывался: «А почему бы и не жениться на ней? Мы с ней хоть и ссоримся часто, но также и миримся. У нас и дня не проходит друг без друга». Я пытался представить, как неплохо мы будем жить, как муж и жена, но почему-то это все было в каком-то далеком тумане, а мои мысли, то и дело, улетали прочь, как стая диких лебедей, стремившихся на юг, подальше от сырых холмов.

Однажды Милон, собрав небольшой чемодан, куда-то уехал, а на лице Сойки в тот же день залегала темная, мрачная тень, похожая на тучу, готовую вот-вот разразиться дождем. Вечером мы вышли на нашу обыкновенную, вечернюю прогулку. Она шла рядом со мной в скромном, голубом платье, а на плечах у нее был раскинут расписной бордовый платок с алыми розами. По дороге до нашего любимого небольшого пруда, где мы всегда кормили рябых уток, она молчала и хмурилась.

— Я знаю, куда уехал Милон, — сказала она, со злостью отрывая маленькие кусочки хлеба и кидая в пруд, где уже нетерпеливо дожидалась стая.

— И куда же?

— Договариваться поехал. Женить тебя хочет на барышне городской!

— С чего ты это взяла?

— А с того! Письмо прочитала. Он уже давно задумал это. Все невесту подбирал тебе, а сейчас как раз и сошлось. С папашей невесты переписку вел.

— Сойка, ты читаешь письма Милона? Если он узнает...

— Мне все равно! — выкрикнула она, швырнув большой ломоть хлеба в уток, а те с

неистовым криканьем ринулись на добычу. — Еще скажи, что ты сам недоволен, что тебе городскую невесту подыскали.

— Слушай, если Милону надо, ту пусть сам и женится. Мне только через месяц восемнадцать будет. Я не собираюсь ни на ком жениться. Я еще... — я испугался, увидев, как почернели глаза Сойки. Она сжала губы, покраснела и выпалила:

— Ты хочешь сказать, что никогда не думал на мне жениться?

— Нет, то есть да. Подожди, я запутался... Я думал об этом, но не сейчас, а вообще когда-нибудь.

— И когда же ты думал? Через год, два, пять лет? Когда я окончательно превращусь в старуху? — взвизгнула она, готовая расплакаться.

— Ну, через год, — что-то подсказало мне. — Да, я думал, через год мы... ну, мы поженимся.

— Правда? — она просветлела. — И ты не согласишься на сватовство к городской девке?

— Нет, конечно, не соглашусь. Я даже скажу Милону, что у меня уже есть невеста, и это ты.

Сойка всплеснула руками, отчего ее платок раскрылся, и она стала похожа не то, что на сойку, а на райскую птицу. Она прильнула ко мне, обвила руками мою шею и громко поцеловала в щеку.

— Боже, как я рада! — прошептала она. — Я так переживала все это время, ты не представляешь. Мне ведь уже двадцать один. А здесь это значит, что если ты не замужем, то ложись в могилу и слезами умывайся.

— Все это не от ума так считается, а от темноты и невежества, — попытался я успокоить ее и почувствовал, что она на самом деле успокоилась. Она сидела со мной на пригорке, шурилась на заходящее солнце и улыбалась: впервые за долгое время она по-настоящему была безмятежна и счастлива. Ее внутренние демоны затихли. А я смотрел на нее и тоже был счастлив. Я был рад, что этот непростой разговор, назревавший так долго, наконец, состоялся. Я уже думал, что не такая уж это и плохая затея жениться да всю жизнь прожить здесь, в холмах. Все-таки мне очень нравилась Сойка, я даже ее любил.

Через неделю вернулся Милон. Он позвал меня на разговор, и сообщил, что в сентябре у нас состоится поездка в город. Я поинтересовался, что мы там будем делать, на что он ответил:

— Это ты узнаешь, как мы приедем. А пока сюрприз, хороший сюрприз! — он выпускал из трубки кольца дыма и лукаво шурил глаза. — Теперь иди, и больше никаких вопросов.

Весь месяц Сойка допытывалась у меня, когда я скажу Милону про нас, а я все обещал, но никак не мог подгадать хорошее время. Так незаметно наступил день отъезда, и она вечером, когда я укладывал чемодан, встревоженная заглянула ко мне.

— Ты так и не сказал ему? — спросила она, заранее зная по моим глазам ответ.

— Он не сказал, зачем мы едем в город. Может, не все так, как ты думаешь?

— А как же еще? — хмыкнула она.

— Сойка, я тебе сказал свое решение, так оно и будет, чтобы там Милон не задумал. Знай это и будь спокойна.

Она мрачно посмотрела на меня, несколько минут молчала, нервно грызя ноготь и наблюдая, как я безуспешно пытался запихнуть в чемодан костюм, а потом досадно отодвинула меня.

— Какая же ты неумеха! — сказала она, принявшись аккуратно укладывать мои вещи. С легкостью упаковав чемодан, она улыбнулась бледными губами. — Я тебе подарок приготовила на день рождения. Вот думаю, когда лучше подарить, заранее или после. Ты же там будешь... Ладно, подарю сразу, а то вдруг потом поздно будет, — вздохнула она и вытащила из передника маленький сверток, который оказался небольшим белым платком с вышитыми красными буквами «И» и «С» и металлической брошкой в виде грубо вырезанной птицы. — Тебе нравится? Птица, правда, неудачно получилась, кузнец за хорошую работу потребовал больше денег, чем у меня было. Я хотела, чтобы птица была похожа на сойку, но она такая неуклюжая получилась, прямо как я, — на ее глазах заблестели слезы.

— Ну что ты? Мне очень нравится, — поспешил заверить я, — и птица красивая получилась, правда, очень красивая! Спасибо тебе!

Сойка растрогалась и еще сильнее расплакалась. Я обнял ее, и она тихо прошептала, будто навсегда прощалась:

— Не забывай меня.

3.

Следующим утром во двор торжественно выкатилась большая карета, запряженная двумя лошадьми. На облучке горделиво сидел маленький, похожий на жука, кучер Ян в своей праздничной фуражке и ждал нас. Я и Милон, одетые в дорожные костюмы, погрузили чемоданы. Ясинька пихнула мне в руки большую плетеную корзинку с горячей едой, и мы, под нестройные пожелания хорошей дороги уселись по местам. Сойка не вышла попрощаться. Я видел, как она с задумчиво печальным лицом наблюдала за нами из окна.

Ян потянулся, глянул на небо, еще полностью не растворившее ночную синеву, и сказал:

— Доберемся-то хорошо, а обратно — не знаю.

— Чего это ты не знаешь? — фыркнул Милон. — Погода отличная, только начало осени. Жара стоит.

— Таки жара, — согласился Ян, — но обратная дорога обычно хуже бывает.

Он дернул поводья, и карета легко, будто скользила по маслу, двинулась вперед. В тот момент я увидел, как Сойка все же выскочила из дома и растерянно махнула мне платком, а потом она резко осунулась, и Ясинька сочувственно приобняла ее. Проезжая мимо подворья, я заметил высокую и безмолвную, будто высеченную из камня, фигуру Малого, стоявшего за забором: он тоже нас провожал.

До наступления темноты мы доехали до постоянного двора, в котором Милона все давно знали и принимали как почетного гостя. Мне предоставили собственную комнату и через час позвали на ужин в трактир, выкрашенный в ярко-зеленый цвет, расположенный в том же дворе.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

В помещении горел тусклый, рассеивающийся в крепком табачном тумане, свет. В воздухе, помимо застарелого, прогорклого запаха табака, витал запах кислого, мужского пота, сродни прокисшей капусте. За длинной стойкой, напротив стенки с пивом и вином, сидело несколько мужиков, одного из них я узнал, это был наш кучер. Справа от двери, за столом, накрытым скатертью, сидел Милон.

— Ну, как тебе это злчное местечко? — поинтересовался довольный Милон. — Всей душой люблю такие дьявольские места, я будто возвращаюсь в молодость. Да-да, я в свое время немало проводил времени в таких заведениях, — пояснил он, заметив мой удивленный взгляд. — Это я сейчас толстый и лысый, а тогда... — он мечтательно повел

носом, — эх, этот запах, когда ты бесстрашный, верящий в то, что молодость бесконечна, и можешь смело надрать задницу смерти. Аха-ха! Ну, что, приступим к поглощению зелья из дьявольского котла? — подмигнул он полной хозяйке, поднесшей нам горячее — суп и жареную баранину с рисом.

— Ох, Милон, шутник ты! Сам император, расплакался бы от счастья, если попробовал мое зелье! Да добавки еще бы попросил, — покочетничала хозяйка с высокой, похожей на разрушенную башню, прической.

Рядом за стол уселись два мужика в рабочей одежде, попросили мяса и начали жадно чавкать, наспех проглатывая большие куски, и столь шумно же отхлебывать пиво с огромных жестяных кружек.

— Слышал, что творится в Берсехе? — начал один мужик в синей рубахе. — У меня свояк там живет, так он говорит, что уже две семьи заболели чертовщиной какой-то. И самое главное, бог пойми, как лечить-то. Свояк говорит, что дальше от Берсехи люди также заболели и пропадали потом. Как бы до нас эта напасть не дошла.

— Не приведи господь! — воскликнул второй, в грязно-серой рубахе, мужик. — Мало нам проблем в этой жизни. Надеюсь, не чума это какая-нибудь? — он перекрестился.

— А черт знает, может и чума. Но если это так, то нам ничего не поможет: ни молитвы, ни бог, все равно пойдем все к чертям в ад. А то может и лучше там будет, чем здесь, — мужики загоготали. — Давай хоть пива наедемся, а то вдруг в последний раз. На небесах нам пивка-то не подадут: чертяки кипятком заливать будут. Эх, хозяйка, еще налей!

Дальше мужики начали обсуждать работу, а я переключился на свои нехорошие мысли, до тех пор, пока в трактир не забежал запыхавшийся чумазый мальчишка. Он остановился напротив мужика в синей рубахе и захныкал:

— Папка, я так и знал, что ты здесь! Ты же обещал!

— Ну да, обещал и что? — нехотя признался мужик.

— Ну, папка! Ты же обещал, обещал! — заныл он сильнее.

— Вот чертяка, не даст отдохнуть. Следил за мной что ль? Думал, хоть время для души найду, — мужик пригорюнился, обхватив голову грубыми, со ссадинами, руками.

— Ну ты же обещал, что оставишь монету на мой подарок! Ты в прошлом году тоже обещал да пропил! И сейчас пропьешь, — мальчишка начал растирать слезы с одного глаза, а другим внимательно следил за отцом, успевая легонько подергивать его за рукав рубахи, — папка, а папка, ну отдай монету, ну что тебе жалко сыну на день рождения?

— Ты что отцу не доверяешь, считаешь, что я обманщик? — неубедительно рявкнул мужик.

— Нет, папка, ты хороший, ты очень хороший папка, только дай монету сейчас.

Мужик тяжело вздохнул, порылся в кармане и, словно отрывая от сердца, нехотя протянул монету сыну.

— Спасибо папка, ты самый лучший папка на свете! Завтра еще дедуля обещал подарок, и я буду самым богатым!

— Что еще за подарок дедули? — крикнул ему вдогонку мужик, досадливо махнул рукой и тоскливо посмотрел на мужика в серой рубахе. — Эх, на пиво не подкинешь, братец? А то сам понимаешь, дети...

Подслушав с замиранием сердца разговор, я почувствовал, как тяжелое прошлое, которое я так тщательно пытался скрыть в задворках своего мозга, тяжелым сапогом выбило хлипкую дверь, и я оказался в гуще воспоминаний. Что-то пробормотав Милону насчет

уборной, я вышел степенным шагом, а потом ринулся в сторону, куда побежал мальчишка. Он выскочил со двора и направился на другую улицу, насвистывая задорную мелодию. Вскоре он завернул за угол, и я увидел, как остановившись возле лавки, он начал разговаривать со стариком.

Все вдруг закричало внутри меня, что этот старик вовсе никакой не старик. Дикая злоба вырвалась из меня, как густое варево, плюющееся лопающимися пузырями, вырывается из котла. Я, схватив первый попавшийся на глаза увесистый булыжник, выпрыгнул из-за угла словно зверь, прыжком пересек расстояние до старика, резко схватил его за воротник пиджака и рванул к себе, замахнувшись булыжником, готовым в секунду раздробить ему череп.

— Что вы делаете? — закричал мальчик, повиснув у меня на руке. — Отпустите моего дедушку! Не смейте его бить!

— Дедушку? Это монстр! Ты не понимаешь, его нужно уничтожить, пока он... — в тот момент, словно проснувшись, я посмотрел на лицо старика: это был обычный пожилой человек, с ужасом взирающий на меня полными отчаянья и непонимания глазами, что же такого плохого он мог сделать молодому юноше, желающему ему смерти.

Как во сне я отбросил булыжник, осторожно посадил обратно обмякшего старика, несвязно и, запинаясь, попросил прощения за то, что напугал, несколько раз поклонился и ринулся бежать со всех ног, унося с собой позор и ужас того, что мог натворить.

По дороге я расплакался: лицо этого старика было так похоже на лицо Бахмена. Около часа, а может и больше, я сидел на заднем дворе, за трактиром, на старой деревянной бочке, воняющей рыбой, и глядел на ночное небо. После всех событий, произошедших со мной в детстве, я боялся оставаться наедине со своими мыслями, обкладывая себя газетами и книгами. И даже дар чтения я объяснял себе как то, что получил сам, благодаря урокам и моим стараниям. Я боялся, что если не буду себе это внушать, то возненавижу книги, а я никак не мог этого допустить: книги спасали меня от размышлений о моем прошлом. Я старался ступить на новую дорогу, чтобы жить заново, как советовал Ладо, но сегодня прошлое, обжигающей волной, неожиданно хлынуло, подмяв под себя все мои старания скрыться от него.

Мимо меня, в спешке, пробежал рабочий трактира, но вдруг обернулся, подбежал ко мне и крикнул:

— Ты, Иларий?

Я кивнул, и он разразился громом ругательств. Оказалось, что весь постоянный двор уже около часа был поднят на уши, так как кто-то на соседней улице напал на беззащитного старика, а Милон тоже поднял тревогу: я ушел в уборную и пропал.

— Вот окаянный, мы его ищем, ищем, а он здесь прохлаждается! — возмущался рабочий. — Да ты хоть знаешь, что он заставил беднягу Казима в выгребную яму спускаться, даже нырять заставил-то? Говорит, поскользнулся и утонул ты! А Казим все искал да искал тебя там. А твой батька, все пугал, что ежели тебя не найдем, то снесет наш трактир. Эх ты, куда потащился без спросу?

В большой прихожей зале, сидя на диване, попыхивая трубкой и нервно качая ногой, сидел Милон. Только завидев меня, он подскочил и отвесил такую оплеуху, что хозяин и рабочий радостно подпрыгнули. И я был уверен, что они с удовольствием еще бы отвесили мне напоследок пару подзатыльников.

Мне пришлось собрать все красноречие, чтобы убедить Милона, что мне стало дурно,

возможно, я чем-то отравился, и у меня так кружилась голова, что мне просто необходим был свежий воздух.

— Ему стало дурно из-за вашей чертовой стряпни! — заорал Милон. — Так что платить — черта с два вам! А ты, — он ткнул пальцем в мой лоб, — будешь отлучаться только по моей команде. Еще раз такое учудишь, пожалеешь, что родился!

Когда я уходил, хозяин постоянного двора с ненавистью показал мне кулак.

4.

Рано утром мы снова выехали на ухабистую дорогу. Целый день за окном было одно и то же: деревья с начинавшей едва желтеть листвой, засыхающая трава пожухлого болотного цвета, бесконечные поля, раскинувшиеся по холмам, которые с каждой верстой разглаживались и превращались в равнину, и, конечно же, люди, собиравшие последний урожай с полей. На полях особенно много было детей, одетых в старую, замызганную одежду. Они подбегали к обочине дороги, едва заметив пыль, поднимающуюся от нашей коляски, и с любопытством пытались заглянуть внутрь, чтобы узнать, что же за господина едут в таком дорогом экипаже. Кое-кто из полевых мальчишек махал нам грязной рукой и с озорством скалил зубы. Полевые девочки были стеснительнее: они мило улыбались, робко, как подсолнухи, покачивали ладошкой со стороны в сторону и опускали глаза, когда я горячо махал им в ответ.

По пути нам встретился угрюмый мужик на телеге и сказал, что в той стороне, куда мы направляемся, рухнул речной мост, и нам придется поехать по другой дороге, ведущей через «умирающую» деревню. Когда мы туда въехали, сразу стало понятно, почему ее так называли: покосившиеся, полуразваленные лачуги казались, вот-вот не выдержат и превратятся в труху, как истлевшая солома. Из этих лачуг внезапно высыпались, как горох, чумазые, одетые в чудное тряпье, дети, словно все это время поджидавшие нас, и побежали за коляской.

С позволения Милона я попросил остановить кучера, и, взяв корзинку с едой, где лежало несколько десятков пирожков, испеченных Ясинькой, вышел из кареты и начал раздавать их стайке голосящих детей. Сначала я обрадовался, что пирожков точно хватит на всех, но сразу же началось нечто невообразимое, что испортило мое настроение на весь оставшийся день. Дети постарше, похватав по своему пирожку, начали отталкивать и оттаскивать малышня за волосы, перехватывая на лету, как голодные псы, пирожки, предназначавшиеся для остальных. Тем маленьким, кому мне все-таки мне удалось всучить пирожок, пришлось бежать, но старшие тут же их нагоняли, лупили и отбирали. Некоторые успевали запихнуть пирожок в рот, но их снова настигали, выбивали изо рта, куски теста разлетались, кто-то давился, все кричали и визжали. В итоге, практически все пирожки оказались распределены между четверью взрослыми мальчишками, а побитая малышня выла в стороне. Отъезжая, я выглянул в окно и увидел, что драка уже разгоралась между главарями, а на шум сбежались голодные подвывающие псы.

— А ты что-то другое ожидал? — философски спросил Милон, заметив мое ошеломленное лицо. — Думал, они выстроятся в линейку в ожидании пирожка, как благородные девицы? Ты думал, они будут тебя скромно благодарить и улыбаться, аки ангелочки, а ты почувствуешь себя благодетелем всех сырых и убогих? Эти дети — животные, у них нет манер, воспитания, нет совести, понимания простых вещей. Они просто голодные животные. Вот это и отличает тебя от них. Ты был безграмотен, беден, все детство

работал, но в тебе была сила и воля, порода, так сказать, благородство. Ты был умен, Иларий, ты был более воспитан, чем дети богачей, вот поэтому ты сейчас здесь и со мной, а не там, в какой-нибудь лачуге.

Только через три дня мы въехали в город, встретивший нас гулом и шумом. Я из газет примерно представлял, как выглядит он, но все же был изумлен высокими каменными зданиями в несколько этажей, огромными окнами, нависающими балконами, обвитыми зелеными растениями, и нелепыми страшными головами то ли людей, то ли зверей, пугающе выглядывающих из разных стен зданий.

— Архитектура... — многозначно протянул Милон, — в наших Холмах такое не увидишь.

Неожиданно я вскрикнул и потянул Милона к моему окну.

— Смотрите! Вот он тот самый автомобиль!

— Ай-яй-яй, — восторженно поцокал он. — Хорош, ох хорош! Небось, хозяин фабрики какой-нибудь поехал. Ну, Иларка, когда-нибудь и мы с тобой такой купим. Милон не Милон будет, если не купит! Вот хорошо справим дела и раскрутимся, тогда и посмотрим. А, ну как? Хочешь на таком поездить? — он игриво толкнул меня в бок и захохотал: — Будем мы с тобой ничем не хуже господ! Вот посмотришь!

Ян притормозил у обочины широкой каменной мостовой: нужно было посоветоваться и узнать, куда дальше править. А пока было время, я отпросился у Милона зайти в расположенную сбоку от нас загадочную «Булочную», которая манила своей вывеской с изображением аппетитно нарисованного кренделя.

Я открыл дверь и «Булочная» встретила меня ароматным запахом и улыбкой милой девушки в белом чепце.

— Вам что-нибудь предложить? — спросила она, когда я долго и с интересом осматривал корзинки с выпечкой.

— Да, я хотел что-нибудь у вас купить, — я улыбнулся во весь рот: впервые в жизни я буду покупать что-то не базаре в Низкогорье, а в настоящей городской «Булочной».

— Выбирайте, что вы хотите.

— Можно все, что я здесь вижу выбрать?

Она улыбнулась.

— Да, вы можете выбрать любую продукцию, которую видите. Может, вы хотите, что-то определенное? Вот эти с маком, эти с изюмом, те с курагой, там сырны лепешки, эти...

— Мне сырны лепешки! — выпалил я.

— Хорошо, сколько вам?

— Три... нет, четыре... семь, давайте десять! Я очень люблю сырны лепешки. Знаете, мне мама в детстве часто их готовила. Они были с таким нежным, сливочным вкусом, ммм... будто во рту таяли, а все потому, что у нас были овцы и молоко. Я сам пас овец, а потом мама заболела и в последний раз она приготовила их ужасными, они были с плесенью, но папа их ел все равно. А потом они все умерли...

— Эмм... это хорошо, точнее, печально... с вас тридцать монет, — буркнула девушка, с подозрением поглядывая на меня.

— Ах да, сейчас, — я полез в карман, нашел крупную купюру, мелочи у меня не нашлось, и отдал девушке. — Сдачу оставьте себе, — поспешил я сказать, — я все равно больше никуда деньги не трачу.

Девушка снова лучезарно улыбнулась, как и в первый раз, и я довольный, прижимая к

грудь пакет с лепешками, вышел на улицу.

Когда Милон спросил меня, сколько стоят лепешки, он осерчал, заорав, что это грабеж, но когда я обмолвился, что не взял сдачу, он просто рассвирепел.

— Ты, дурень! Я какого лешего тебя бухгалтерии учу? Вот только стоило похвалить, как сразу отупел. Кто так делает? Деньгами нельзя разбрасываться, иначе всю жизнь в нищете проживешь! Девка хоть смазливая была? А то и понятно, расцвел лопух как в середине мая! А ну, пойдём, я тебя сейчас жизни учить буду. Выкатывайся!

Милон вытолкнул меня из кареты и, как бык на парах, потащил в булочную.

— Милая девушка, вы видите этого олуха? — не церемонясь, прошипел он. — Он только что из деревни прибыл, одурел от городского воздуха, совсем мозги потерял, пока по колдобинам добирался. Будьте добры отдать этому деревенскому простофиле сдачу с лепешек.

Девушка побледнела, молча, отсчитала сдачу, и мы, красные — Милон от гнева, а я от стыда, вышли на улицу.

5.

Мы прибыли, остановившись возле одного двухэтажного большого дома из белого камня, с колоннами, аккуратными балкончиками, огороженными плетённой металлической оградой, и широкой парадной лестницей. Пока мы добрались до места назначения, которое оказалось пригородной усадьбой, пришлось проехать вдоль всего города, и мы уже порядком были уставшими, измотанными и несколько голодными: по пути Милон решил не останавливаться для завтрака, решив, что незачем попусту тратить время, так как хозяева наверняка нас и так заждались. Надежда на лепешки тоже не оправдалась: в них оказалось совсем мало сыра, да и тесто было невкусное.

Милон пыхтя, вылез из коляски, надел шляпу, поправил пиджак, прокашлялся и неуверенным шагом поднялся по ступенькам, ведущим к высокой деревянной двери. Он нажал на кнопку дверного звонка и стал ждать. Дверь нескоро распахнулась, и недоверчивая служанка несколько раз переспросила, кто мы будем.

«Похоже, нас тут не особо и ждут», — подумал я, когда увидел, как Милон неуютно сжался в своём тесном пиджаке. Но из дверей быстро выглянул тонкий и статный мужчина, и Милон снова распрямился от того, как тот горячо начал приветствовать его.

Все это время я учтиво стоял возле кареты и подошел представиться только тогда, когда Милон подал мне знак. Статным мужчиной оказался сам хозяин дома — Эрнест Корвас. Он был очень моложавого вида, с пышной кудрявой шевелюрой, гладкими и невероятно подвижными чертами лица. Окинув меня оценивающим взглядом, будто собираясь купить лошадь для скачек, он дружески хлопнул меня по плечу, словно удовлетворившись увиденным.

Нам показали наши комнаты, и когда я уже привел себя в порядок, причёсался и надел костюм, услужливо выглаженный служанкой, в комнату зашел, не стучась, Милон.

— Как заморская, диковинная птица! — всплеснул он руками, увидев меня. — Превосходно выглядишь, то, что надо! — он сложил щепоткой кисть и, поднеся ее к губам, смачно причмокнул.

— Дядя Милон, я, как и обещал, не задавал никаких вопросов раньше времени, но а сейчас, может, уже расскажите, зачем мы сюда приехали? — спросил я.

— А что же не рассказать, — он довольно усмехнулся, — расскажу. Мы приехали, чтобы ты познакомился с чудесной девушкой, своей будущей женой. Все уже решено, так что

осталось только дело за тобой. Ты ее очаруешь, без сомнения!

— Подождите, о какой жене идет речь? — воскликнул я. — Разве для этого не нужно спрашивать согласия, моего или девушки? Что, если мы не понравимся друг другу?

— А какое это имеет значение? — фыркнул он. — Ты молод, красив, умен, и она — молода, красива, умна. Чего еще нужно? Ты испугался, что я тебе старуху с бородавочным носом отыскал? Не переживай, я долго искал подходящую партию, самую лучшую нашел! — он явно ожидал, что я его похвалю за старания.

— Скажите, а зачем нужно именно было ее искать? Разве сейчас стоит надобность в моей женитьбе?

— Сейчас не стоит, а в ноябре уже будет стоять.

— В ноябре? — возмутился я. — А моего согласия вы, дорогой дядя, не хотите ли спросить? Мы что, живем в Средневековье? По улицам уже автомобили ездят, а вы говорите о насильной женитьбе! У меня вообще-то есть свои чувства и предпочтения. И я обещал Сойке...

— Слушай меня! — Милон неожиданно схватил меня за ухо и, потянув мою голову к себе, зашипел: — Ты сейчас спустишься вниз и познакомишься с прекрасной девушкой, ради которой мы сюда и приехали. Ты будешь улыбаться, будешь добрым и милым, потому что этого хочу я. И ты все будешь делать так, как хочу я, а не ты. Понял? Я слишком много в тебя вложил сил и денег, чтобы ты брыкался как овца. Ты находишься в моем стаде, и я твой пастух. А насчет Сойки, за нее не беспокойся, я вмиг найду ей жениха, и она улетит с ним далеко-далеко, чтобы и духу ее не было возле тебя. Кивни, если понял. Так вот лучше. Если бы ты знал, сколько я сил потратил, чтобы устроить тебе богатую и сытую жизнь, ты придержал бы свой язык, — он отпустил мое ухо, оправился и предупредил: — И не смей меня позорить. Сейчас ты интеллигентный, образованный, начитанный и обеспеченный юноша, мой племянник. Если я увижу или услышу, что ты болтаешь какую-нибудь чушь, рассказывая о своих овцах, трудном детстве или о том, как с цыганами шляется, тебе не поздоровится. Понял? А теперь застегни пуговицу, сооруди улыбку и выходи.

Ситуация была крайне плохой для меня. Я был заложником Милона, не смевшим противопоставить ему ни слова. Собрав мысли, я решил, что буду действовать по мере развития событий. Спустя пару минут я спустился в большой просторный зал, с высокими широкими окнами и громоздким каменным камином, над которым висели портреты людей. Посреди зала стоял белоснежный столик на низких ножках, а вокруг него — мягкие кресла, стулья и диван, обитый светлой тканью с золотыми и голубыми цветами. Возле окна, занавешенного прозрачной гардиной, стоял еще более прихорошенный Эрнест в сильно облегающем светлом пиджаке и живо о чем-то беседовал с Милоном. Я сел на кресло, и скоро в дверях показались две женщины с серьезными и строгими лицами. Одна из них была еще молодой, стройной, с каштановыми волосами заколотыми гребнем на макушке, одетая в синее платье, застегнутое на мелкие золотые пуговицы до самой шеи. Вторая была старше и чуть крупнее, одетая в темно-зеленое блестящее платье с открытой горловиной и рюшами, и с такой же прической, как и у первой женщины.

Я быстро встал и поклонился. Женщины, не скрывая любопытства, посмотрели на меня, кивнули в знак приветствия, переглянулись, будто чего-то выжидали, и потом, шелестя платьями, присели на диван. Я смутился, вспомнив, что по этикету я вроде как должен был поцеловать их руки, но время было упущено, и я нерешительно остался стоять, ожидая, когда они заговорят.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — вежливо сказала молодая женщина. — Меня зовут Катрина, я мама Ланы, а это, — она показала на женщину рядом с ней, — бабушка Ланы, Аида Альбертовна. Пока мы ждем дочку, расскажите нам, молодой человек, чем вы занимаетесь, там, в своей деревне? — ее вопрос прозвучал с легким, но достаточно заметным уколom.

— Наше селение называется Холмы, — поправил я ее. — Оно расположено рядом с горами. Жителей там не так много, как в городе, но достаточно, чтобы не сталкиваться каждый раз с одними и теми же лицами. Дядя Милон и я занимаемся счетами и бухгалтерией. У нас довольно много посетителей, и столько работы, что порой засыпаешь, зарывшись в бумаги.

Женщины натянуто улыбнулись.

— А где ваши родители? — поинтересовалась Катрина.

— Они погибли при пожаре.

Изобразив сочувствие, Катрина продолжила задавать вопросы, а я старался отвечать коротко, но с долей легкого юмора, отчего женщины каждый раз любезно улыбались.

— Что скажете? — воскликнул счастливый Эрнест, присоединяясь к нашему разговору и положив руку на плечо жены. — Каков юноша, а? Совсем не скажешь, что он родился в дремучих горах да степях! Породистый блондин с голубыми глазами! Где сейчас такого отыщешь? Вокруг все чернявые сейчас бегают, мелкого роста, одинаково одетые, а тут индивидуальность! Все-таки не зря я всегда говорю: неважно где ты родился, если в человеке есть та самая порода и внутреннее достоинство, их никуда не денешь, — он выставил вперед свой бледный маленький кулак, словно показывал свою мощь и породу. — А так, хоть в столице родись, если породы нет, то никакой город ее и не прибавит. Вот у нас с Катриной случилось так, что родился хилый мальчик. Болел так, что половину состояния нам пришлось пусть на его лечение: доктора, заграницы, воды, грязи-мази и все бесполезно! Мальчик чахлый и все, еле ноги волочит да и спит обыкновенно. А сейчас вымахал здоровенный, с крепкими, сильными ручищами, настоящий породистый Корвас! Вот, что значит внутренний стержень, с ним и болезни не страшны. Ну, вы сегодня увидите Германа, сами удивитесь... Ах, вот и моя красавица вышла, — всплеснул руками Эрнест и подошел приобнять вошедшую девушку. — Познакомься, это Иларий. Иларий — это Лана, моя несравненная дочурка.

«Несравненной дочуркой» оказалась высокая девушка со светлыми глазами и каштановыми вьющимися волосами чуть ниже плеч, одетая в платье нежно-голубого цвета.

Я на этот раз постарался не допустить оплошности и потянулся поцеловать руку девушки, но она спрятала ее за спиной и усмехнулась. Повисло неловкое молчание. Еще немного обсудив дорожные проблемы и торговлю зарубежом, все засуетились и покинули зал, оставив меня и девушку наедине.

— Ты учишься? — спросил я, не зная с чего начать разговор.

— Учусь, — надменно ответила она, вальяжно рассевшись на диване и выставив вперед ноги в лакированных туфлях.

— И на кого учишься?

— Я девушка и я просто учусь, — ответила она с каким-то презрением. — Мне положено получить образование, чтобы я была умна и смогла развлекать своего мужа, чтобы он не завел любовниц, а иначе это будет позор. Не ему позор, а мне, так как это я не справилась со своей обязанностью, а значит, я как женщина ничего не стою. Еще вопросы

будут?

— Ээ... а можешь рассказать о вашем доме? — попросил я, совершенно смутившись.

— Хорошо, — девушка поднялась и подошла к камину, — начнем с гостиной. Это самая большая комната в доме. Это камин, а это портреты моих предков. Это моя бабушка с дедушкой, а это моя прабабушка с прадедушкой. А там — прапрабабушка и прапрадедушка. Как видите, моя семья раньше была очень богатой и все женились на своей ровне, а сейчас мой отец, как фокусник, достающий кролика из шляпы, привозит мне жениха из самой глуши, и знаете почему? Потому что мой папочка — транжира, бестолковый человек и любитель пышногрудых женщин. Он забавный, веселый, но бестолковый. И сейчас я должна выйти замуж по его хотению за какого-нибудь богатея, чтобы спасти не только моего несчастного брата, но и всю семью. Наш дом, который должен отойти моему брату после совершеннолетия, вот-вот заберут за долги. И такая же участь скоро будет ждать и этот дом. Ну вот, экскурсия и завершена. Еще вопросы остались?

— Лана, послушайте, если я вам показался глупым, то я таким не являюсь, — осторожно начал я. — Я понимаю, вы совсем не горите желанием общаться со мной, но мы оба заложники своих ситуаций. Я приехал сюда, даже не зная, что задумал мой дядя. Это его желание женить меня на вас, как и у вашего отца. В связи с тем, что вы рассказали, это многое объясняет. Поверьте, я ни в коем случае не желаю участвовать во всем этом, но у меня нет выбора: мой опекун страшно разозлится, если я не буду все это время с вами мило и галантно общаться. И пока я не найду выхода из этой ситуации, я буду уделять вам внимание, буду вежлив и любезен, хотите вы этого или нет, — увидев, как брови девушки удивленно поползли в верх, я решил сделать еще один ход конем: — И вообще, в моей глуши, как вы выразились, есть девушка, с которой нас связывают взаимные чувства, и которой я уже обещал.

Ход конем оказался верен: Лана дрогнула и сразу превратилась в добрую, сочувствующую девушку.

— Это ужасно, что вам приходится терпеть такое! — воскликнула она. Срочно пройдемте в сад, чтобы нас никто не мог подслушать.

Она вывела меня на лестницу, выходящую в осенний сад, большой и просторный, уходящий далеко вглубь. Рядом с лестницей расположился цветник, в котором на длинных зеленых ножках стояли пышные красные розы. Мы сели на деревянную скамью с удобной спинкой, расположенную под большой, чуть наклоненной в сторону, ивой, и слово за словом начали рассказывать все друг о друге. Лана с какой-то болью в сердце восприняла мою историю с Сойкой, и рассказала свою. Оказывается, она уже как год страстно была влюблена в одного простого журналиста по имени Давид, с которым случайно познакомилась у друзей.

— Мир меняется, Иларий, — взволнованно говорила она, — мы не можем жертвовать своим счастьем в угоду моего отца или твоего дяди. Почему я должна спасти свою семью, жертвую своими чувствами, когда именно мой отец виноват в нашем разорении? Только потому, что мне всегда внушали, что я родилась женщиной, и я должна быть жертвенной? Но это неправильно! Мой брат справится, он сильный, мне жаль маму с бабушкой, но я не могу даже ради них так поступить с собой, — она затихла, нервно перебирая в руках платок, и выпалила: — Я сбегу... Мы уже проговаривали это с Давидом. Мы сбежим в столицу. А пока мы с тобой просто весело проведем время, и пусть мой отец думает, что все идет по его плану.

6.

Уже прошло больше часа, как мы с Ланой болтали и смеялись, сидя под ивой, а я начал ощущать, подступающий к горлу, сильный приступ голода.

Вдруг Лана кивнула головой в сторону лестницы и сказала:

— А вот и братец идет. Хорош он, правда? Ты вот скажешь, что ему всего четырнадцать?

К нам подходил уверенной, статной походкой юноша с кудрявыми, красиво уложенными, волосами, плотного телосложения, одетый в модные брюки, белую рубашку и жилетку.

— Добрый день, я Герман, — представился он, пожав мне руку. Он поцеловал сестру и с интересом начал осматривать меня. Я почувствовал себя немного неловко: хоть я и был выше его на полголовы, по сравнению с ним я был тощей щепкой. Его расстегнутый воротник как бы нарочно подчеркивал внушительную крупную шею, а рукава рубашки, казалось, готовы были лопнуть по швам от малейшего напряжения рук.

— Ты занимаешься спортом? — решил я развеять затянувшееся молчание.

— Да, немного, — ответил он, — хочу пойти работать в цирк. Вряд ли мне отец разрешит, но, как внушает мне моя сестра, — мир меняется. Ладно, пойдёмте на обед, Нина сказала, что стол накрыт.

В большой светлой столовой, выходящей окнами в сад, нас все ждали, но каждый по — своему: Эрнест и Милон улыбались и были довольны тем, как мы быстро сдружились, а Катрина и Аида Альбертовна с подозрением поглядывали на Лану, словно не узнавали ее.

Когда все расселись, я заметил, что между Ланой и Германом стоит еще один свободный стул, и, подумав, что, наверное, к обеду еще кто-нибудь придет, переключил свое внимание на суп, который разносила служанка. Отметив сразу, что он подается в слишком плоских тарелках, тогда как Ясинька всегда разливала горячее в глубокие, объемные миски.

Эрнест, наконец, закончив долгую дискуссию с Милоном, взял в руку столовый прибор и тем самым подал знак, что можно приступать к трапезе. В этот момент мой желудок издал неприличное урчание, и сидящая рядом со мной Лана тихо хихикнула.

Медленно и аккуратно, словно крошечная ложка была сделана из хрусталя, а суп был приготовлен из драгоценного эликсира, я старался бесшумно втягивать прозрачную жижу, с тоской вспоминая о больших деревянных ложках и о наваристом жирном бульоне, где плавал сочный кусок мяса. Мельком бросая взгляд на остальных, я старался растянуть поедание супа, чтобы он закончился не раньше, чем у других, или хотя бы одновременно с кем-то. Но, как назло, Милон практически не ел, снова принявшись обсуждать с Эрнестом политику. Женщины ели так аккуратно, словно откусывали ножки у кузнечиков. Лана пребывала в каком-то своем мире, задумчиво помешивая ложкой в тарелке, а Герман, с ним творилось что-то странное — он беспокойно ерзал, оглядывался по сторонам, нервно покусывал губы и все время косился на свободный стул.

Когда принесли второе, Лана тихо спросила: нравится ли мне обед. Я сказал, что все отлично, но не возражал бы, если бы порции были больше.

— После таких обедов я всегда иду на кухню и ем все, что хочу и сколько хочу, — прошептала она. — В обществе принято считать, что женщины должны есть мало, а еще лучше вообще не есть, ведь мы должны быть всегда стройными и звонкими, чтобы нравиться мужчинам. Мы не можем с удовольствием грызть жирную ножку курицы, вгрызться в нее

зубами и чавкать, как делают обычно мужчины, и, о ужас, отрыгивать!

— Да уж, вам не повезло, хорошо, что у нас в Холмах нет таких правил.

— А мне начинает нравиться ваша деревня! Может, туда и стоит переехать, — засмеялась она.

— Переезжай, тебе там понравится, там... — я поднял голову, и у меня в глазах все поплыло, руки задрожали и чтобы не упасть, я вцепился в край стола.

В коричневом пиджаке и в черной помятой шляпе с лентой в столовую заходил мой ночной кошмар: два лебедя с перекрещенными шеями, застывшими в вышитой эмблеме слева от воротника; темные, практически черные волосы по плечи, безбородое лицо и глаза... Глаза впивающиеся в мое лицо злорадной усмешкой.

Он сел на тот самый свободный стул, и я, будто во сне, вскочил, отчего мой стул с шумом опрокинулся на пол. Все вздрогнули, издав возглас удивления, и недоуменно уставились на меня.

— Боже, что с тобой? — прошептал Милон, хватая меня за рукав. — Ты что черта увидел?

— Кто это?! — завопил я, выставив вперед дрожащую руку, вооруженную серебряной вилкой.

Головы присутствующих повернулись как по команде в сторону восьмого стула.

— Ты испугался нашего дедушку? — прыснул Эрнест. — Вот уж не думал, что старики, так могут пугать молодежь. Что же будет с нами, когда мы постареем? Мои внуки будут в ужасе разбежаться и прятаться от меня! Представляете, каким смешным я буду? — он скривил лицо, изображая беззубого старика, и начал шамкать, отчего все расхохотались, кроме Германа, который с таким же ужасом смотрел на меня, как и я — на старика.

— Нет, я серьезно, кто это? — перебил я их веселье. — Это никакой не дедушка, это чудовище! Его нужно убить, пока оно не убило всех вас!

Старик, притворяясь, будто ничего не понимал, любезно улыбался и внимательно слушал меня.

Все затихли, испуганно озираясь друг на друга. Эрнест нахмурился и сухо сказал:

— Дорогой мой, может, ты переутомился с дороги и тебе нужно попить воды?

Весь пунцовый Милон подскочил, подхватил меня под руку и нежно пролепетал:

— Простите нас, все верно, он утомился. Сейчас попьет водички и будет как новенький. Ну, пойдем, дружок, — он выволок меня из столовой, оттащил в ванную комнату, где нас никто не мог слышать, запер дверь и, плюясь слюнями, заорал: — Ты что творишь, скотина? Что тебя укусило, сукин сын? Клянусь, вечером я пересчитаю все твои ребра! У тебя есть какие-то проблемы с головой? Может ты обожрался каких-нибудь грибов, пока я не видел? А ну, говори!

— Дядя Милон, этот старик, на самом деле не старик, — начал я, слишком ошеломленный, чтобы понять, что мне лучше молчать. — Понимаете, это он убил мою семью, он убил Бахмена, Вариду и еще других людей. Это из-за него я поджег свой дом, он должен был там сгореть, но... но он жив. Он убьет и эту семью. Их нужно предупредить! Он наверняка знал, что я буду здесь...

Не успев договорить, я неожиданно отлетел в сторону, стукнувшись головой об стену, и острая боль разлилась по моему животу, словно изнутри его рассекали тысячи ножей. Я согнулся пополам и начал задыхаться, хватая ртом воздух, но не в силах был вздохнуть из-за пронизывающей все, до самых костей, боли.

— Это только начало, — прошипел Милон, удовлетворенно рассматривая меня, — если ты не остановишь потоки своего бреда, то тебя ждет и продолжение. Хочешь продолжения?

Я замотал головой, но Милон усмехнулся:

— А я думаю, что еще одна пилюля тебе не помещает, — и на мой живот пришелся еще один удар, и я плавно соскользнул по стенке на пол.

— Ну вот, теперь ты должен выздороветь. Через пять минут ты возвратишься и извинишься перед всеми. Сядешь и будешь вести себя как благочестивая сиротка, — он удовлетворенно кивнул и вышел.

Трясущимися руками я умылся холодной водой. Боль все еще пронизывала мои внутренности. В голове стоял ледяной туман, а я просто не знал, что делать. Нужно было возвращаться. И тут же огромная глыба сомнений обрушилась на меня: что если я болен? Что если все это лишь плод моего больного воображения? Что если этот старик, правда, родственник семьи Корвас? Ведь, если бы это был он, кто-то должен был его пригласить на тринадцать лет... Но кто? И разве не должны были они все уже заболеть? Что-то здесь не так...

Я еще раз хлестанул лицо водой и медленно, заплетаясь в ногах, двинулся обратно в столовую. Когда я вошел, все повернули головы на меня, в том числе и старик.

— Я... я прошу прощения за свое... за свое странное поведение, — сказал я, стараясь не смотреть в сторону восьмого стула. — Я, наверно, немного приболел, но сейчас мне уже лучше.

— Хорошо, что все прояснилось, — дружелюбно сказал Эрнест, — а то мы уже испугались, вдруг что серьезное.

— Мы, наверное, сразу должны были представить вам нашего родственника, — добавила Катрина мягким и успокаивающим голосом. — Иларий, познакомься, — она показала рукой на восьмой стул, — это двоюродный дедушка Эрнеста, дедушка Кир. Он скромный, поэтому редко выходит к гостям.

Моя шея со скрипом, как несмазанное колесо у телеги, повернулась по направлению ее руки, и мои глаза встретились с его глазами. Да-да, это были те самые глаза, которые я увидел тогда в поле. Старик сидел за столом, не снимая свою ветхую шляпу, и это похоже никого не смущало.

— Очень рад познакомиться, Иларий. Мне жаль, что я так напугал тебя. Право, я совсем безобидный, — улыбнулся он, приподнимаясь и протягивая мне руку.

В моей голове вихрем пронеслась картина, как я хватаю его руку и вонзаю в нее нож.

— Что же, ты боишься пожать старческую руку?

Все снова пялились на меня, как на недоумка, а Милон красными выпученными глазами обещал мне незабываемых ударов под дых.

— Иларий, — прошептала Лана, озадаченно смотря на меня, — что с тобой?

— Что ж, не будем приставать к мальчику, — сказал старик и опустил на стул.

Внезапно я протянул руку и сказал:

— Нет-нет, все в порядке, давайте пожмем руки. Мы же раньше никогда не встречались, так? Это наше первое рукопожатие? — я ослабил и крепко сжал его руку так, чтобы почувствовать, как затрепчат его косточки: я хотел знать, чувствует ли он боль. Сжимая руку, я со всей внимательностью следил за его впавшими темными глазами — косточки не хрустнули, его рука, словно была из теста.

— Дядюшка Кир, ну что вы там застыли? — воскликнул Эрнест. — Я хочу сказать тост!

Тост за наших прекрасных детей, из-за которых мы все сегодня собрались в этот чудесный вечер! За мою великолепную Лану, на которую я возлагаю большие надежды! И за Илария, такого чуткого, скромного и немного чудаковатого юношу! Я думаю, все согласятся со мной, что вы великолепно выглядите вместе. И я от всей души желаю, чтобы в скорейшем времени мы отпраздновали сочетание наших прекрасных голубков. За Лану и Илария, за любовь!

Раздался звон бокалов. Лана, изображая радость от тоста, подмигнула отцу, а тот послал ей воздушный поцелуй. Я посмотрел на Германа. Он дрожал, как осиновый лист, с ужасом смотря то на меня, то на старика.

— Раз мы познакомились, Иларий, — вежливо обратился ко мне старик, — не расскажешь ли, как ты поживаешь? Мне очень интересно, говорят, ты приехал из деревни, чтобы познакомиться с нашей малышкой Ланой?

— Да, из деревни, точнее из Холмов. Слышали о таких? — спросил я.

— Слышал, слышал, давненько дело было, — он загадочно улыбнулся, будто припомнив что-то хорошее. — И как жизнь там?

— В деревне живется неплохо. Можете приехать и убедиться.

— Благодарю, благодарю! Это очень любезно с твоей стороны, что ты снова меня приглашаешь. Но ты же помнишь, что пригласить можно всего раз? А ты, как я помню, уже это сделал, — его блестящие вороны глаза смеялись.

— Все верно, — ответил я сквозь стиснутые зубы. Я оглянулся: никто кроме Германа на мой разговор со стариком не обращал внимания. Даже Лана, сидевшая рядом, не подавала знака, что она слушала, она была словно под гипнозом.

— И как тебе подарок, который я сделал? Ты счастлив? — он облокотился на стол, пожирая меня глазами.

— Кто ты? — прошептал я. — Что тебе от меня нужно? Ты уже убил всю мою семью, ты разрушил мою жизнь, и что тебе еще от меня нужно?

— Разве я разрушил твою жизнь? — удивился старик. — Герман, ты слышал? Я разрушил его жизнь! Аха-ха! Весельчак ты, Иларий. Разве ты сейчас находился бы здесь, если бы не я? Не лукавь, прекрати этот цирк и признайся сам себе, что благодаря мне, твоя жизнь стала той, о которой ты и мечтал. Признайся, что ты рад тому, что случилось. Где бы ты сейчас был? Хочешь, я расскажу, каким было бы твое будущее? И можешь не сомневаться, я знаю его. Итак, ты продолжаешь пасти овец изо дня в день, живешь на своем затхлом, сыром чердаке и наблюдаешь за счастливой жизнью брата. Вроде все идет неплохо, да только твоя мать умирает через год от чахотки. В твоём отце кипит злоба, и как только барьер виде твоей печальной матери исчезает, вся его жестокость усиливается и без остатка выплескивается на тебя. Надо ли говорить, что он тебя ненавидел? В этом нет ничего удивительного, так бывает. Многие родители, дети, братья и сестры ненавидят друг друга... Продолжим, ты остаешься с отцом и братом, который, кстати, тоже не пылает к тебе любовью, и он, стащив деньги у отца, покидает ваш тоскливый угол. Он сбегает, потому что ему осточертела его жизнь в холмах. И ты остаешься один на один с отцом, обезумевшим от предательства любимого сына. Ты остаешься с монстром. Да, да, твой отец был монстром. Жизнь только совсем чуть-чуть его подтолкнула, чтобы его спрятанная сущность выползла наружу, как подземное гигантское существо, пожирающее все вокруг. Тебе уже страшно? Я думаю, да. Только вообрази свою безысходность и отчаяние. Твой отец в приступах неконтролируемого гнева начинает избивать тебя. Ты все чаще убегаешь к Бахмену, но однажды отец забивает несчастного старика, стремившегося защитить тебя. Ты ищешь

помощи у грузина, но у него столько своих забот и детей, что ему не до тебя, тем более, твой отец грозит ему, что переломает ноги его детям, если он вздумает вмешаться. Что остается ему? Правильно, он бежит. Бежит в очередной раз с плохого места, где вся его семья в очередной раз не находит себе счастливого приюта. И несчастный грузин догадывается, но боится себе признаться, что в этом виноват только он. Ведь на нем лежит страшный груз вины. Вернемся к тебе. Твой отец будет избивать тебя до тех пор, пока однажды ты в возрасте пятнадцати лет, не выбежишь в холмы, пытаясь спастись от него. И там, в холмах, лежа на траве, ты начнешь выплевывать свои отбитые легкие и захлебнешься от крови... Вот такая тебе предназначалась жизнь, Иларий. Не радужная, да?

Он, не отрываясь, наблюдал за моим лицом, а я еле сдерживал себя, чтобы не убежать прочь: слишком ярко я представил картину, описанную им, и самым страшным было то, что я верил ему: он не лгал. Какой-то холодный ветер пробрался под мою одежду, и меня охватила мелкая дрожь. К горлу подступила тошнота.

— Кстати, ты помнишь ту девочку, Марию? — он выжидающе посмотрел на меня. — Наверное, тебе будет интересно узнать, что же ее ожидало? У нее все проще, чем у тебя: она не доживает и до пятнадцати, и даже до Рождества того года. Ее в пьяном бешенстве забивают до смерти отец с мачехой за то, что она так и не смогла успокоить своих братишек, которые, зная, как достанется сестре, специально разбудили родителей. Забавно, да? До чего жестокими бывают люди. Но, — он поднял свой крючковатый палец вверх, — как ты знаешь, ее спас твой брат, — он замолчал, добродушно улыбаясь, будто только что рассказал забавную историю. — Так и подумай, Иларий, неужели, зная все это, ты считаешь, что я злее и хуже, чем люди? — он встал из-за стола. — Мне пора, я уже и так засиделся. Скоро у меня будет работа, обожаю ее, — он подмигнул мне и вышел из столовой, которая вновь будто ожила, наполнившись шумом столовых приборов, звоном бокалов, запахом еды, движением жующих челюстей и шуршанием салфеток.

Какое-то время я пребывал в оцепенении.

— Иларий, что с тобой? Ты плачешь? — спросила Лана, трогая меня за руку.

— А? Плачу? — я коснулся онемевшей щеки, и она была мокрая: по моим щекам стекали слезы. — Ерунда, что-то взгрустнулось... Он ушел?

— Кто ушел?

— Дядюшка Кир.

— Дядюшка Кир? О чем ты говоришь? — она непонимающе посмотрела на меня.

— Ваш родственник, дядюшка Кир, он только что сидел рядом с тобой.

Лана посмотрела на пустой стул, потом на брата.

— Герман здесь рядом с нами кто-то сидел?

Он отрицательно покачал головой.

— Что? Ты же видел его? — воскликнул я.

— Нет, я никого не видел, — он вспыхнул и спешно вышел из столовой.

— Да, что с тобой, Иларий? Ты бредишь? Ты такой странный! — возмутилась Лана.

— Да, наверное, я странный, — внезапно на меня обрушилось вселенское безразличие.

Все вокруг стало бессмысленным и глупым. — Мне нужно выйти, я страшно хочу есть.

— Это видно, — хмыкнула она и, сообщив всем, что мы хотим покинуть обед, чтобы побеседовать наедине, легонько подхватила меня под локоть, и мы вышли из столовой.

По пути на кухню мы увидели Германа, выходящего из комнаты. Он тоже нас заметил и попытался скрыться, но я окрикнул его:

— Герман, подожди! Мне нужно с тобой поговорить, это серьезно!

Несмотря на обманчиво взрослый внешний вид, он оказался еще совсем ребенком: заупрямился и заладил, что не хочет со мной разговаривать.

— Мне все равно, хочешь ты разговаривать или нет! — выкрикнул я, разозлившись и вплотную приблизившись к нему, чтобы Лана не могла слышать, тихо предупредил: — Я могу вообще не вмешиваться во все это, но тогда тебе придется отвечать за всю свою семью. А если ты сейчас же не прекратишь вести себя, как упрямый осел, то, поверь мне, этой ночью случится страшное. И ты знаешь, о ком я говорю. Если ты не хочешь беды, то тебе лучше поговорить со мной.

Герман ошалело посмотрел на меня и робко кивнул.

— Лана тоже должна будет слышать наш разговор, — сказал я. — Только сначала я хочу поесть, иначе умру от голода.

На кухне мы оказались одни. Лана довольно потерла руки и, подняв крышку сковороды, стоявшей на столе, заглянула внутрь:

— Ммм... тушеная крольчатина. Если бы маменька узнала, что я совсем не придерживаюсь диеты, которую она прописала мне, она упала бы в обморок, а то, как же, кому я нужна буду бедной и толстой? — она взяла руками один кусочек мяса и, облизывая пальцы, с наслаждением съела его. — Ну что смотрите, давайте приступайте, — она уступила место и начала заглядывать в другие кастрюли и сковородки. — Так, тут овощи, тут у нас салат... О, вот, что мне нужно! Рулетики с сыром, обожаю их...

На некоторое время мы все затихли. Я набросился на мясо так, будто уже много лет не ел. Мясо было восхитительным, нежным, мягким и сочным, сдобренным ароматными приправами.

— Так о чем ты хотел со мной поговорить? — вдруг Герман сам задал вопрос, с каким-то испугом поглядывая на меня.

— А, поговорить... — промямлил я, прожевывая кусок. — Да, надо бы поговорить. Для начала не хочешь признаться, что ты слышал мой разговор с ним?

Герман смутился, наклонил голову, спрятав глаза, и носком туфли начал ковырять паркет.

— Да, я слышал, — наконец признался он.

— О, я так рад, что ты слышал, — внезапно на меня нашло смешливое настроение. — Это облегчает дело... Лана, рулетиками со мной не поделишься?

Лана захихикала и, взяв блюдо, жеманничая, поднесла ко мне, сделав реверанс.

— Как прикажите, сударь.

— Сударыня, вы так любезны! — воскликнул я, театрально расшаркиваясь перед ней. — Дивные рулетики от прекрасной девы, самой красивой и необычайно умной!

— Я обязательно передам ваше восхищение моей кухарке! — она еще сильнее захихикала.

— Передайте ей еще мой горячий поцелуй! — я попытался притянуть ее, чтобы поцеловать в щеку, но она ловко увернулась и захохотала:

— Нет-нет, что вы! Такие горячие поцелуи вы должны непременно сами передать ей!

— Боже, вы отвратительны, — фыркнул Герман, с отвращением наблюдая за нашими чудачествами.

Лана захотела покривляться над братом, но зацепилась блюдом за занавеску, и оно, соскользнув с ее руки, грохнулось на пол: все рулеты шмякнулись, выпотрошив свою начинку. Нас поразила приступ хохота.

— Какой чудный день! — воскликнула она, когда мы, наконец, успокоились. — Иларий, я заранее тебя так ненавидела, а ты оказался таким замечательным! Как хорошо, что все так случилось.

— Подожди, нас еще ждет проблема, большая проблема, — нервно ответил я, продолжив закидывать в рот еду.

— Что за проблема?

— Герман должен все рассказать. Он же теперь силач, пусть докажет свою силу: объяснит откуда она у него взялась. Ведь это непросто признаться, да, Герман?

— О чем ты говоришь? — Лана вскинула брови и с непониманием смотрела то на меня, то на брата.

— О том, что у Германа в рукаве прячется очень увлекательная история, которой он не спешит делиться.

— Нет, все не так! — выкрикнул он, и его лицо скривилось, как у ребенка. — Я хотел все рассказать, да только кто мне поверил бы? Думаешь, я не пытался? Лана, — обратился он к сестре, — помнишь, я прошлым году начал рассказывать тебе про старика, поселившегося у нас в доме? Что ты мне сказала?

— Помню, я сказала, что у тебя отличная фантазия, — озадаченно ответила она.

— Вот видишь? Я пытался, но моя сестра даже не захотела мне поверить!

Пока брат с сестрой препирались, я поедая кусок мяса за куском, по-прежнему испытывая невыносимый голод, который был сродни чувству, что я вот-вот должен был умереть, и от того, сколько я впихну в себя еды, зависело, буду я жить или нет. А может, отрывая зубами мясо, ощущая его вкус и глотая, я пытался осознать, что я еще живой, а не умер в пятнадцать лет, забитый собственным отцом, что я не призрак, и вся эта жизнь мне не снится.

«Что если это все там, в загробной жизни? — думал я. — Что если *старик* — всего лишь орудие, вырывающее меня из забвения и дающее понять, что реальной жизни нет. Что если я умер, когда заболел в холодном доме Бахмена? Тогда я тоже считал, что все, что происходило со мной, было реальностью. Что если мое тело уже давно погребено, а моя душа ходит по земле неприкаянной, страдающей, что так и не заполучила той жизни, которой хотела? Но разве я мог бы тогда ощущать вкус этой еды... может, он мне кажется?».

— Иларий, остановись! — Лана перехватила мою руку, тянущуюся за очередным куском мяса. — Ты ешь как сумасшедший. Тебе будет плохо. Посмотри на себя, ты весь перепачкался в соусе.

Вырвав меня из оцепенения, я глянул в зеркало, висевшее возле двери, и увидел, насколько мой вид был отвратителен: безумные глаза, мокрые волосы, торчавшие в разные стороны и рот, измазанный в красно-коричневой подливке до самого подбородка. Внезапно, моя голова закружилась, в глазах потемнело, я затрясся мелкой дрожью и какая-то сила, похожая на руку демона или кулак Милона, схватила мои внутренности, намотала на пальцы кишки и толкнула вверх, к горлу.

Первое попавшееся мне на глаза ведро приняло обратно все, что в течение часа было запихано в мой желудок.

— Простите, простите, — шептал я в перерывах, когда из меня исторгалось мясо. Меня

всего трясло. Отчего-то промелькнула мысль, что старик видит это зрелище и забавляется им.

После, мы вышли в сад, сели на скамью под ивой, и я попросил Германа еще раз рассказать историю, в которую не поверила Лана, а ее попросил слушать со всей серьезностью.

— Еще полтора года назад я сильно болел, — начал Герман, — настолько сильно, что шансов выжить у меня не было. Нет, не надо отрицать, Лана. Мама с бабушкой так хотели меня спасти, что верили всякому говорившему, что меня можно вылечить. Но я не жилец был, вы все это знали, и я знал...

Старик пришел ко мне в прошлом году, в конце мая, когда мы как всегда выехали на дачу. Я уже совсем себя чувствовал плохо: ослаб, постоянно мерз и не переставал кашлять, все время проводил в кресле и кутался в одеяло. Нина каждое утро вывозила меня на озеро. Мне нравилось там сидеть и наблюдать за лебедями.

В тот день я особенно был болен. Я не вставал с кресла и едва мог смотреть на птиц. Он подошел ко мне, когда Нина ушла, и заговорил что-то об озере, о жизни, в общем, о чепухе какой-то. Потом он вдруг предложил мне встать, чтобы поближе подойти к берегу и рассмотреть подплывающих лебедей. Я сказал, что не могу этого сделать, так как мои ноги больны, и я упаду, если встану, а он ответил, что смогу, если сильно пожелаю. Мне просто нужно было пожелать, и я, конечно, ему не поверил, но я сделал так, как он настаивал — я пожелал ходить. И я встал. Сказать, что я был изумлен и поражен, это ничего не сказать, — Герман усмехнулся, печально посмотреть вдаль и продолжил: — В тот день я даже бегал. Лана, ты помнишь, когда я в последний раз бегал? Нет, и я не помню, потому что я никогда до того момента не бегал! Это было такое чудо, как если бы на Рождество ожили наши игрушки. Ха, мы с тобой, когда-то так и мечтали увидеть, как они заговорят. Помнишь, как мы спрятались за диваном в полночь и все ждали, пока не заснули, а утром ты меня обманула, сказала, что видела, как мой солдатик сбежал с твоей балериной, а я все проспал. — Лана засмеялась и со слезами на глазах сказала, что помнит. — Да, хорошо, что ты потом призналась, когда я нашел под твоей подушкой солдатика и балерину, что ты их спрятала там сама, а то я был ужасно зол, что ты меня не разбудила.

Так, когда все это случилось со мной, я решил, что старик волшебник какой-нибудь и, конечно, я без сомнений согласился на все его условия. Он был моим спасением, и я просто пригласил его в дом на свой день рождения, как он и просил. После я и начал резко поправляться. Уже перед осенью, я впервые поехал на велосипеде.

В сентябре мы вернулись домой, и вот тогда начали случаться все странные и непонятные вещи. Мне начали казаться какие-то лица, прятавшиеся за зеркалами, под диванами. Однажды я отчетливо увидел фигуру старика стоявшего на лестнице. Иногда я видел его очертания в зеркале. Я тогда думал, что схожу с ума, но самое страшное случилось в ноябре. Однажды, когда мы ужинали все в столовой, он пришел туда и сел за стол. Я точно так же, как Иларий сегодня, заорал, а вы все, мама, бабушка, отец и ты, Лана, начали с ним разговаривать, будто он был нашим родственником. Он представился дядюшкой Киrom. И вы так любезно беседовали с ним, а потом, когда он ушел, вы и не вспомнили, кто такой этот дядюшка Кир.

Вот это я пытался тебе рассказать. Я говорил, что к нам на обеды приходит старик, который незаметно живет в нашем доме, и только я его могу видеть и помнить, а вы все забываете, как только он исчезает. Я тогда думал, что это какой-то бред, разве может так

быть? Я облазил весь дом, пытаюсь понять, где он прячется, я не мог поверить, что он может раствориться в воздухе. Но я, конечно же, ничего не нашел, ни единой зацепки.

Он потом приходил еще несколько раз, сидел с нами за столом, а вы, снова, как ни в чем не бывало, общались с ним, а потом вашу память будто стирало. Каждый раз, когда он должен был появиться, за столом появлялся лишний стул, Нина его ставила. Я как-то убрал все лишние стулья в столовой, спрятал их в чулане, и старик долго не появлялся. Я уже было обрадовался, что он исчез навсегда, но однажды я ночью проснулся оттого, что кто-то сел на мою кровать и потянул одеяло. Я открыл глаза и чуть не закричал от ужаса: рядом со мной сидел он. Он приложил палец к губам и сказал, что я лишил его единственной радости проводить изредка время с моей семьей. Он спросил, неужели это такая большая плата за мое здоровье и за мою жизнь? И он предупредил, что если я хочу, чтобы с вами ничего плохого не случилось, я должен вернуть стулья. И я их вернул.

На Рождество, когда пришел фотограф, чтобы сделать нашу семейную фотографию, старик тоже пришел и встал вместе с нами для снимка. Тогда я обрадовался, что наконец-то у меня появятся доказательства его существования, но, когда проявили фотографию, вместо старика было пустое место, будто вырезали одного человека. Помнишь, тогда мама была недовольна работой фотографа, ее расстроила эта пустота, будто фотограф специально неудачно поставил нас возле камина. Она еще тогда пообещала ему плохие рекомендации, хотя он ни в чем не был виноват, просто он сам не помнил старика.

Когда Герман закончил рассказ, повисла тишина, и если бы не настойчивый стрекот сверчка, затаившегося где-то в траве, я бы решил, что потерял слух. Лана смотрела в пустоту и жевала губы.

— Иларий, а почему ты во все это веришь? — спросила она.

— Я тоже повстречал его, — ответил я и рассказал им печальную историю моей семьи. — Поэтому вам нельзя сегодня ночевать в доме. Под любым предлогом вы должны покинуть дом, потому что, я боюсь, именно сегодня он начнет делать то, что я сделал с моей семьей. Я не знаю, почему он так долго ждал. Может, все это какая-то часть его плана, а может, у него и нет плана, а просто он так развлекается. Единственно кто может быть в доме — это я и Герман. Нас он не тронет.

— Вы будто его дети, которых он спас от смерти... — проговорила Лана, горько усмехнувшись, и ее глаза наполнились слезами. — Мы все думали, что выздоровление Германа — это чудо, не иначе. Ведь ты так быстро стал поправляться и сейчас выглядишь, как древнегреческий атлет, словно тебя сам Зевс откормил божественной амброзией. Все твердили — чудо, чудо, а разве в этом мире бывают чудеса? Все это сказки взрослых...

— Мы сейчас должны решить, как спасти вашу семью, — сказал я. — Вам придется покинуть этот дом навсегда, потом он будет опасен для любого человека.

— Навсегда? — воскликнула Лана. — Но это невозможно! Здесь вся наша жизнь!

Она беспомощно переглянулась с братом и тот сказал:

— У нас же есть Калининский дом.

— Да, но ты знаешь, что его скоро заберут за долги? И как ты предлагаешь все это объяснить родителям и бабушке? Никто нам не поверит.

Несколько минут мы сидели в тишине, с каждой минутой окунаясь в синеву сумерек. Зажглись фонари. На лестнице показалась Нина и позвала нас в дом, так как все уже заждались. Герман крикнул, что мы скоро придем, и мы снова начали перебирать все варианты. Лана хмурилась все сильнее и сильнее, потом встала со скамьи и решительно

сказала:

— Я знаю, что делать. Прости меня брат, но я задумала то, из-за чего ты можешь меня осудишь. Я уже говорила Иларию, что думала сбежать в столицу вместе с одним человеком, и я решилась. Это все равно скоро должно было случиться, так пусть это случится сегодня.

Она рассказала свой план, что пойдет в свою комнату, соберет вещи и спустится через черную лестницу на задний двор. Уговорит кучера отвезти ее к Давиду. В своей комнате она оставит записки: одну для отца, а другую для бабушки и матери. Мы должны будем выждать около часа в гостиной, и потом Герман должен будет подняться в ее комнату и отдать записки, только чтобы отец не знал о существовании второй.

— Если все случится так, как я задумала, то бабушка с мамой в этот же вечер уедут в Калининский, они будут думать, что я нахожусь там, а отец уедет меня искать. Он страшно разозлится. Я даже жалею, что не смогу увидеть его лицо, представляю, как он выпрыгнет из своих штанов: еще бы его план по обогащению с помощью дочери развалился, такой позор перед гостями! Но ему так и надо, он заслужил, — она нервно засмеялась.

8.

В гостиной нас все уже ждали. Лана, сказав, что она хочет переодеть платье, направилась в свою комнату, а мы с Германом посмотрели на часы, которые медленно начали отсчитывать секунды.

Я попросил Эрнеста рассказать о фотографиях, висевших над камином. Он обрадовался моему интересу к истории их семьи, и завязался долгий и содержательный разговор, в который вовлечены были все присутствующие. Речь пошла о былых славных временах, о прекрасных и благородных людях, о добрых нравах, царивших в обществе, в общем, все раньше по признанию старшего поколения было лучше, чем сейчас.

— Какая интересная фотография, — сказал я, взяв в руки рамку с фотографией, стоявшую на каминной полке.

— Правда? — недоверчиво поинтересовалась Катрина. — Эта фотография с Рождества. Я ужасно не люблю ее. От ее вида мне становится не по себе. Там будто пятно или тень между Ланой и Германом.

— Там не пятно, — возразила бабушка Ланы, — если присмотреться, то там видны очертания, будто клякса, похожая на лебедя, повисла в воздухе.

Я присмотрелся: действительно, клякса была очень схожа с лебедем, но что-то не так было с его шеей. Я заметил какое-то движение, будто что-то сместилось в фотографии. Потом снова движение. Клякса двигалась: она медленно росла и вытягивалась в сторону Ланы, а затем начала обвиваться удавкой вокруг ее шеи и резко дернула. Я вздрогнул от ужаса: мне показалось, что я даже услышал хруст сломанных позвонков.

— Что-то Ланы долго нет, — задумчиво сказала Катрина.

— Может, она так хочет понравиться нашим дорогим гостям, что не знает какое платье выбрать? — Эрнест как-то похабно подмигнул мне, что мне сильно захотелось его ударить.

— Я пойду проверю, — сказала Катрина. — Может, облегчу ей выбор.

Герман спешно поднялся с дивана.

— Нет-нет, я сам поднимусь и потороплю ее, — пробормотал он и быстро вышел из гостиной.

Я посмотрел на часы: еще рано, она могла не успеть.

Темы для разговоров иссякли, и повисло неловкое, напряженное молчание, которое,

впрочем, быстро было нарушено Милоном: он широко и звучно начал зевать и, не стесняясь, почесывать красную шею, натертую плотным воротником рубашки.

— Ах, что мы, в самом деле! — воскликнул Эрнест. — Давайте включим музыку, а то так, право, мы все и уснем, — он бросил многозначительный взгляд на Аиду Альбертовну, которая, думая, что ее никто не видит, позволила себе прикрыть глаза и один раз клюнуть носом.

Эрнест поставил пластинку и граммофон, пожужжав и проскрипев пару секунд, издал хрипловатую мелодию, которая, набирая оборот, заставила всех взбодриться и повеселеть.

— Вот это другое дело! Я не прочь и потанцевать, а, милая Катрина? Не соизволишь составить мне партию? — Эрнест, заигрывая с женой, такой же бодрый и юркий, как и в начале дня, в своем тесном, облегающем костюме смешно вилял худыми бедрами и изображал танцевальные па.

Катрина, снисходительно улыбаясь, приняла предложение мужа, и Эрнест задорно повел ее в танец.

— Дорогой Милон, хватайте дражайшую Аиду Альбертовну, пока она не напустила на нас сонное царство, и танцуем, танцуем! Сегодня замечательный день!

Аида Альбертовна, шутливо отмахиваясь от красного, вспотевшего Милона, все же согласилась, и она с былой грациозностью принялась танцевать со смешным и нелепо притоптывающим Милоном, который смущаясь своей неуклюжести, краснел и потел еще сильнее.

Я снова поглядел на часы: время пришло, скоро должен был вернуться Герман, и мне даже стало грустно, что скоро это показное счастье должно было треснуть, как хрупкий хрустальный бокал

В гостиную зашел Герман, подошел к отцу, дотронулся до его плеча и протянул письмо. Эрнест обернулся, широко сверкая улыбкой, и ничего не понимая, развернул письмо и начал читать. На его лице дернулся лишь один мускул, и чуть побледнела и так бледная кожа. Он крепко схватил за руку жену и потащил ее из гостиной. Потом Герман шепнул что-то на ухо обеспокоенной Аиде Альбертовне, отозвал в сторону и передал ей второе письмо. Сменилась мелодия, бабушка Ланы прочитала письмо, ахнула и тоже выбежала из гостиной.

— Что-то случилось? — спросил Милон, наливая себе бокал вина.

Герман ничего не ответил и пожал плечами.

Музыка. Крик. Раздался женский крик. В гостиную бежала Катрина, а за ней взлохмаченный Эрнест.

— Не смей ничего говорить, слышишь меня? — закричал Эрнест, хватая жену за руку.

— Это ты не смей мне приказывать, что мне говорить или нет! Я поддалась твоей аванюре с замужеством! А все почему? Потому что это ты довел нашу семью до такого состояния, что мы детьми торгуем! И я не собираюсь молчать, пусть все слышат! — она подбежала к Герману. — Ты знаешь, куда она сбежала? Не лги мне, я знаю, ты с ней лучше всех общаешься, она должна была тебе сказать.

Герман стоял как истукан и только качал головой.

— Вот, вот твое воспитание! — заорал Эрнест. — Одна сбегает, а второй покрывает эту свою сестрицу, эту подлую, лживую... вертихвостку, финтифлюшку, свиристелку! Его вообще не волнуют проблемы семьи. Вот вырастили на свою голову, в цирк он хочет уйти. Я тебе устрою цирк!

Вбежала Аида Альбертовна и что-то зашептала на ухо дочери.

— Смотрите, заговор против меня уже устраивают, — зашипел Эрнест, накручивая круги по комнате, как майский жук на веревке. — Ну ничего, я ее найду и оправлю в ссылку! В деревню, она будет доить коров и чистить навоз, как последняя дворовая девка! Это все твоё воспитание! Ты позволяла ей слишком много, а ещё и вы! — он подскочил к Аиде Альбертовне и выставил свою худую руку вперед, будто целился из пушки. — Вы сюда приехали и стали внушать всякие дерзкие мысли! Я знаю, вы ненавидите мужчин и хотите, чтобы всем заправляли бабы! Но этому не бывать никогда! Вы завтра же уезжаете из моего дома и никогда больше не привозите себя!

— Ты не смеешь так говорить! Это мой дом, и мое приданое! — закричала Катрина. — Это дом моей матери!

— Этот дом перешел ко мне по праву, когда я женился на тебе. У твоей мамы был свой дом! Куда она его дела? Пропила, в карты проиграла?

— Это только ты можешь пить и в карты проигрывать! — злобно затрясла кулаком Аида Альбертовна. — Я продала свой дом, чтобы спасти моего внука, твоего сына! Когда ты только и делал, что проматывал деньги! Я продала все свои драгоценности, потратила все свои сбережения, и мне пришлось сюда приехать, приходится терпеть твою гнусную физиономию!

— Ну и катитесь к чертям в Калининский! — взорвался Эрнест, плюясь слюной. — Я вас не просил никого спасать, все, что вы делали, это было только ваше побуждение! Вы только меня обвиняете, думаете, я все растратил на свои прихоти, а то, что я также спасал Германа, оплачивая ваши ежегодные поездки с ним за границы и курорты, грязевые ванны, сиделки, утолял ваш безмерный аппетит, вы хоть раз спросили, откуда появляются эти деньги? С неба? А я ведь сразу говорил, таким больным детям лучше умереть, чем их выхаживать, чтобы на них еще дома целые тратить! Мы бы сейчас не были в таком бедственном положении, если бы он сразу умер!

Катрина и Аида Альбертовна побледнели и ахнули так сильно, что даже музыка не заглушила их возгласа.

— Да выключите кто-нибудь эту чертову музыку! — заорал Эрнест. Он подпрыгнул к граммофону и, сорвав пластинку, швырнул ее в сторону. — Боже, я не хотел этого сказать... — он схватился за голову, с силой сжав ее руками. — Герман, я не хотел этого говорить.

Он подошел к сыну, но тот стоял бледный, как призрак, и его глаза с каждой секундой наполнялись влагой. Ни слова не говоря, Герман выбежал из комнаты.

— Ты чудовище! — с ненавистью прошептала Катрина. — Ты был бы счастлив, чтобы наш сын умер, и у тебя было бы больше денег тратить на уличных девок, а наша дочь тебе нужна, чтобы продать ее как скотину этим, — она выставила свой изящный палец, направляя на меня и Милона, — этим грязным, неотесанным деревенщинам! Разве для этого мы ее растили? Все, я больше не могу! Мы уезжаем в Калининский.

Шумя платьями, как ветер, гоняющий осенние листья, женщины торопясь покинули гостиную вслед за Германом.

Эрнест, шумно дыша, несмотря на обескураженного Милона, выпивающего уже четвертый бокал вина, сказал:

— Я думаю уже и так понятно, никакой свадьбы не состоится: наша сделка аннулирована. Я сошел с ума, когда все это задумал. Вы можете оставаться здесь до утра, а рано утром я попрошу вас удалиться. А сейчас, — он подошел к столику, плесканул вина в

бокал и залпом выпил, — сейчас я должен найти дочь.

Когда в гостиной остались только мы, Милон треснул кулаком по стене и выругался:

— Черт бы побрал эту девку! Столько времени потрачено, и все пошло драному коту под хвост! Нет, это хорошо, хорошо, что эта сумасшедшая семейка разорится. У них был шанс выплыть, но теперь они все пойдут на улицу. Дворы пойдут мести, и их драгоценная дочурка первой же пойдет в уличные девки! И так им и надо, — Милон хлестанул еще вина, и грузно завалился на диван. — Иларий, скажи мне, какого черта здесь произошло? Я ничего не понимаю... Все было уже в моих руках, я так долго сцапывал этого глупого петуха Эрнеста, а он вырвался, и сейчас в моем кулаке торчат только перья из его тощей задницы! Черт побери, мой гениальный план по облапошиванию тупых аристократов провалился из-за какой-то вертлявой девицы. Кто, скажи мне, кто разрешил сосункам думать? Кто дал вам право на свои мысли? — на его лице, перекатываясь как валуны, заходили желваки, а зубы заскрипели, будто он готов был их стереть в порошок. — Это все этот чертов мир... эпоха, время меняется, вы говорите... нет, все останется как прежде, пока есть Милон, — он, наливая в очередной раз вино, пролил его на голубую салфетку, и пятно растеклось. — Ну, ничего, ничего, мы с тобой еще покажем им, что значат грязные и тупые деревенщины! Мы придумаем новый план. У меня их еще много в запасе... Чтобы Милон жил без плана? Нет такого не может быть. Я всегда смотрю в будущее, мои мысли опережают мысли других на несколько шагов вперед, — он принялся за следующую бутылку и снова пролил на салфетку, которая вся уже была багровой. — Понимаешь, какая штука, Иларий, пока один что-то думает, я уже подстроил все так, чтобы его мысли были результатом моего плана. Понимаешь? — он, пошатываясь со стороны в сторону, и, проливая вино из бокала на пол, будто окропляя святой водой, продолжал, налитыми кровью глазами, говорить: — Человек думает, что это он думает и решает, а на самом деле это все я! Я, Милон, за него придумал и вложил ему в голову! Вот так вот: все что я хочу, я получаю, и никто, никто не остановит Милона. Потому что я, знаешь кто? — он выпучил глаза. — Я вершитель судеб! Я тебя спас, я дал тебе жизнь! Помнишь своего цыгана? Это я заставил его уехать. Я знал, что ты побежишь ему рассказывать... Он думал, что ему грозит опасность, а мне нужно было всего лишь, чтобы он сбежал, как подлый пес. Мне нужно было, чтобы ты остался один... Я сразу тебя заприметил, как только увидел... И что получилось? Ты мой, весь мой! — он вдруг замолчал, остановился, пристально на меня посмотрел, и, пьяно прищурившись, погрозил мне толстым пальцем. — Ты меня не проведешь... я знаю, что ты задумал, ты хочешь сбежать от Милона, но у тебя это не получится. Не получится... от Милона не сбежишь. Ты думаешь, я плохой человек? Нет, я не плохой, я борюсь за свою жизнь. Я всегда боролся за свою жизнь! Я родился таким, как и ты... Мой чертов папаша продал меня на рудник. Я скажу тебе, что черти так в аду не работают, как я там работал... Мне пришлось пробивать себе дорогу... Знаешь, какой я урок на всю жизнь усвоил? Хочешь добиться чего-нибудь в жизни — иди! Иди прямо по черепушкам, даже, если они и трещат, и пищат, как котята! Никакой жалости, никакого милосердия, только так ты выплывешь! И если бы ни я сам, никогда из этого адского рудника мне не выбраться было. Только сам, — он завалился на диван и опрокинул бокал на белый пушистый ковер, — сам... мне пришлось убить их... семью Малого... я должен был... девчонка так брыкалась...

Милон захрапел. Мне стало ужасно холодно, я посмотрел на часы: оставалось полчаса до полуночи.

— Иларий, ты меня слышишь? — крикнул вдруг заплетающимся языком Милон.

— Да, — тихо отозвался я.

— Ты видишь морду того старика? Вон, вон смотри, он там в углу, возле камина смотрит, — Милон тыкал в сторону камина, едва приподнимая руку, которая тут же падала.

— Нет, я никого не вижу, — сказал я, потому что действительно никого не видел.

— Улыбается морда его... Черт меня побери, он смеется. Смеется надо мной. Ну пусть смеется, я ему покажу, кто такой Милон, — прохрипел он, и его голова обессилена запрокинулась.

— Ларий, — пробормотала во сне голова Милона, — я же тебе как отец, да?

— Да, Милон, ты мне как отец, — сказал я и вышел из гостиной, закрыв за собой двери. — Приятных снов, папа.

9.

Следующий день встретил меня мучительной болью в животе: если не считать того, что оказалось в ведре для отходов, вчера я так и не поел. Нужно было срочно хоть что-то закинуть внутрь.

Я вышел на балкон, выходящий на задний двор: там стояла наша коляска, сидя в которой, закутавшись в одеяло, дремал кучер Ян. Он сделал так, как я вчера его и попросил, хотя мне стоило немало труда убедить его переночевать не в теплой кровати, а на улице.

Мои ноги понесли меня на кухню, и там задумчиво сидел перед распахнутым окном Герман и пил чай.

— Можно что-нибудь перекусить? — спросил я, — а то я, боюсь, не доеду.

— Конечно, — кивнул он, налил мне чай и подал хлеб с ветчиной. — Наша кухарка и Нина уехали вчера с мамой и бабушкой. Мы одни в доме, — он посмотрел на меня как-то странно. — Твой дядя, он...

— Да, он в доме ночевал, — ответил я и Герман смутился.

— Значит он...

— Да, значит, старик его надкусил, как гнилое яблоко, — я откусил бутерброд, глотнул горячий чай и почувствовал, как мой желудок успокаивается. — Какие странные обстоятельства у нашего знакомства...

— Да, уж, — усмехнулся Герман, — страннее не придумаешь.

— Передай Лане от меня привет, скажи ей, что она замечательная девушка, и я очень надеюсь, что она, куда бы ни поехала и где бы ни была, будет счастлива.

Он кивнул.

— Обязательно передам. Кстати, с днем рождения тебя.

— У меня сегодня день рождения? — изумился я, а потом хлопнул себя по лбу: — Точно, я и забыл! Но откуда ты знаешь?

— Ты сам вчера говорил, — засмеялся Герман. — Забыл?

— Точно, забыл.

— Знаешь, я хочу подарить тебе подарок. Подожди меня здесь, — он вышел и вскоре вернулся с маленькой оловянной фигуркой мускулистого усатого мужчины в полосатых штанах и подтяжках, держащего на весу две огромные гири. — Это силач Джонни. Моя любимая детская игрушка. Она всегда помогала мне, когда я был болен. Я не выпускал ее из рук, засыпал и ел с ней. Я смотрел на этого силача и мечтал, что когда-нибудь буду таким же... Я хочу, чтобы ты ее взял. Это самое лучшее, что я могу подарить тебе.

Я был растроган, и мы обнялись.

— Береги себя Герман, — сказал я. — Хорошо?

— Хорошо. И ты себя береги. Может, когда-нибудь свидимся еще.

Спустившись в гостиную, я увидел по-прежнему спящего Милона, который развалившись на диване, всюду храпел, а из его рта, на невинно девичью подушку, тонкой струйкой стекала слюна. Рядом с ним валялся опрокинутый бокал с засохшими каплями вина. На удивление, он быстро проснулся, как только я начал его тормошить.

— А? Что? — он заспанно затрепыхался и поднялся с дивана, оглядывая вокруг себя обстановку. — Ну и дела, — пробормотал он, одергивая помятый пиджак, и, взирая на меня обрюзгшим, начисто лишенным былого превосходства, взглядом, спросил: — Пора ехать?

Я кивнул. Мы загрузили багаж и сели в карету, покидая дом мечты, который сулил Милону столько возможностей, и которым не суждено было сбыться. По дороге домой он все чаще молчал, чем говорил, и если и говорил, то чаще ворчал на дорогу, на кучера, на снующих людей, лошадей и вообще все, что попадалось ему на глаза. В Холмы мы въехали только через шесть дней, так как Милон все время задерживал нас в дороге: то не хотел рано покидать постоянные дворы, то ему мешал дневной свет, то он чувствовал себя разбитым и усталым. Ян удивлялся ему, а я — нет. Я молчал, зная, что с ним происходит, и несколько раз пытался задать себе вопрос: «Почему я его не спас? Ведь можно было мне с Яном вытащить его пьяного в карету, или даже отвезти в гостиную». Но я каждый раз, когда этот вопрос всплывал, отмахивался от него как от назойливой мухи.

К дому я подъезжал с беспокойным сердцем: там все было уныло, серо и скучно. Все было похоже на невзрачную серую улитку, медленно ползущую по щербатому забору и оставляющую после себя тягучую, монотонную слизь.

На шум подъезжающей кареты вышла Ясинька, дворовой мужик и Сойка: по сроку мы должны были приехать позже, поэтому лица у всех были озадачены. И потому, как из коляски грузно вывалился Милон, будто медведь из берлоги, покусанный блохами и изъеденный плесью, они поняли, что поездка прошла неудачно, и быстро, не задавая никаких вопросов, помогли с выгрузкой и разбежались по своим местам.

Сойка несколько раз попыталась заглянуть в мои глаза, чтобы узнать, что же произошло и есть ли для нее плохие вести, но я старался не поднимать голову, чтобы не встретиться с ней взглядом. Я не хотел ее расстраивать и обманывать. Я знал, что она все поймет, что чувств, которых она ждала, у меня нет.

Вечером, как я и ожидал, она робко постучала в мою дверь.

— Ты не хочешь поговорить? — тихо спросила она, войдя в комнату. — Ты целый день меня избегаешь. Я... я понимаю, что это конец? — на ее глазах заблестели слезы.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что я все чувствую и хочу услышать правду, чтобы не мучиться. Я и так извела себе за эти дни... мне тяжело.

Я сел на стул и сжал голову руками. Что я мог ей сказать, что я подлый лгун и обманщик? Что я обманывал ее все это время, так как никогда по-настоящему и не думал на ней жениться? Что я намеренно, зная, что Милон никогда не оставит меня в покое, предал своего опекуна и благодетеля? Что я, возможно, болен, так как внутри меня сидит зло?

— Иларий, прошу, скажи правду, — повторила она. — Ты там полюбил другую?

— Нет, Сойка, я никого не полюбил там. Но от этого все не станет легче. Хочешь знать правду, я тебе скажу. Скоро здесь все изменится. Где-то через недели три, может больше, а может меньше, — я замолчал, а она, не отрывая взгляда от моего лица, продолжила ждать

своей участи. — Когда все закончится, я уеду отсюда. Навсегда уеду. Я хочу так, — ее лицо искажилось и она бесшумно, как невесомая, опустилась на стул. — Я не могу больше здесь находиться, это не моя жизнь.

— Милон все-таки женит тебя на городской? — прошептала она.

— Нет. Никакой свадьбы не состоится. Милон ничего еще не знает о моих намерениях, и не узнает... он скоро умрет. Он смертельно болен, это выяснилось там, в городе. И ты меня можешь осудить, но он заслужил эту смерть.

Она ахнула и закрыла рот руками.

— Как ты можешь так говорить, он же спас тебя?

— Он меня спас? — со злостью воскликнул я. — А я не знаю, кто меня спас. Милон ли, а может старик, который, как тень ходит за мной. И зачем меня все спасают? Зачем ты меня спасала? Может, мне нужно было умереть еще тогда, когда я не знал тебя! Может, это моя судьба была?

— Что ты такое говоришь? Я не узнаю тебя... — Сойка поднялась и попятилась к двери, будто перед ней был призрак.

— А, вот наконец-то ты видишь меня настоящего! Хватит уже притворяться, вот смотри, какой я: злой и жестокий! Старик меня раскусил, он дал мне выбор: спасти Милона или оставить его там, чтоб он мог сожрать его. Ха-ха, я оставил его там, и теперь нашему господину скоро будет конец. Вот, где правда Сойка, я не такой добрый, как ты думаешь. Ты многое обо мне не знаешь. И знаешь, что? Я врал тебе, я никогда, никогда не собирался на тебе жениться. Потому что это все бред! Зачем жениться, зачем плодить детей, если повсюду монстры? Они повсюду, они только и ждут, чтобы выползти из своей скорлупы. Мой отец был монстром, и я таким же буду. Понимаешь? Ты видела когда-нибудь по-настоящему голодных детей? Они тоже монстры, они настолько хотят есть, что готовы перегрызть друг другу глотки, только чтобы утолить свой страшный голод! Зачем им нужно было рождаться, чтобы умереть в муках? А монстры-родители, которые творят все, что хотят, считая, что раз они породили детей, то могут издеваться над ними! Я тебе не рассказывал про несчастную девочку Марию, которую мучил отец с мачехой? Где она, эта девочка? А ее тоже поглотили монстры. Вот так вот! А она так хотела увидеть море... Это все ужасно, ужасно... — я заходил по комнате, как раненое животное. — Вся правда в том, Сойка, что мы живем среди монстров, и кто хитрее, тот и успевает пожирать другого.

Она смотрела на меня глазами, распахнутыми от ужаса, из которых лились безмолвные слезы, а потом она убежала, а я рухнул без сил на кровать.

Через неделю, когда Милон отказался принимать посетителей, мы вызвали местного врача, который осмотрел его, недоуменно похмыкал и назначил обычную микстуру, объяснив неважный вид больного невидимыми патологическими процессами в организме, перед которыми он бессилён. Сойка все это время избегала меня и хранила секрет: она никому не сказала про смертельную болезнь Милона.

Я чувствовал, что Милон уже скоро обратится, хотя он внешне и не сильно изменился, разве что похудел, его глаза сильнее запали, да и он полностью перестал интересоваться делами. А это означало, что конец близок. С того момента, я приказал врезать большой металлический запор на свою дверь в комнату и начал запираť его на ночь: я знал, что Милон догадывался, что с ним происходит, подселившаяся сущность наверняка ему сообщила обо мне, а это было опасно.

Однажды, когда я уже спал, кто-то дернул дверь. Сначала легонько. Я посмотрел на

часы: время было за полночь. Потом дверь дернулась сильнее и сильнее. Я подошел к двери и услышал шипящий звук вперемешку с каким-то хрипением: «Открой». Дверь начала сходить с ума, ее колошматили со всей силой и драли ногтями, и я тогда впервые в жизни поблагодарил небеса за то, что замок очень крепкий. Но днем было все спокойнее: нас окружали люди, и Милон, хоть и смотрел на меня налитыми кровью глазами, близко не подходил, а все больше прятался в своей темной спальне.

Когда приехал нотариус, старый приятель Милона, чтобы проведать его и выяснить, не желает ли тот подготовить завещание, Милон прогнал его прочь, едва не расцарапав лицо. Нотариус выскочил из дома весь бледный и, хватаясь за сердце, сообщил мне, что мой опекун явно сошел с ума, и что в таком случае завещание, даже если бы и было написано, он никак не мог бы его утвердить значит, по закону я являюсь единственным его наследником.

Предположительно за пару дней, как Милон должен был уйти, я пришел к Малому.

— Ну что, умирает? — нахмурившись, спросил он.

— Нет, не умирает, — ответил я, — превращается.

Я рассказал Малому о том, что случилось с моей семьей. Он внимательно слушал меня и молчал.

— Вот как оно значит... откуда ноги растут у странной болезни. В округе давно судачат об этом. Значит, он скоро захочет уйти?

— Да, скоро. Дня два или три осталось.

— Понятно, — вздохнул он и задумался. — Как же так получилось, что его это...

— Он остался в зараженном доме. Я там оставил его, — сказал я, столкнувшись с его испытующим взглядом. Он встал и тяжело заходил по комнате.

— Мне кажется, что ты что-то знаешь, выкладывай коли пришел.

— Он сказал, что убил твою семью.

Малый остановился и тихо проговорил:

— Значит, я не ошибался. Я знал это, только боялся, что я могу быть не прав.

— Но ты же говорил, что не знаешь, кто это мог быть?

Он пожал плечами и с горечью произнес:

— Иларий, спроси, хоть кто-нибудь ко мне был добр за всю мою жизнь? Меня шпыняли и шпыняют отовсюду, как облезлого котенка, потому что я урод и на мне клеймо убийцы. Разве я мог тебе до конца доверять? Я боялся, что ты приходишь ко мне вынюхивать, что я помню из моего прошлого. Я не мог допустить, чтобы Милон понял, что я видел его тогда в доме. Как только бы он узнал об этом, я был бы мертв. Он поэтому и сослал меня из дома, боялся, что я ему во сне горло перережу. Все время допытывался, как я убивал родителей и сестер с братом, а мне пришлось придумывать, что я во сне их зарубил, хотя я видел его ночью. Я открыл глаза в тот момент, когда он обухом топора убил моего брата, который даже не пискнул. Только раздался глухой звук, как дерево раскалывается.

Милон не убил меня только потому, что ему нужен был кто-то виноватый. Ведь все потом бы на него решили, ведь он был помощником старосты, моего отца. А так я, сирота-убийца, огромный, несуразный подросток, любящий точить топоры. Чем не идеальный вариант?

А я даже сохранил тот топор, которым он все это сделал, он у меня в сарае лежит. Все думал, когда же я смогу пустить его в дело, да каждый раз как брал в руки, дрожал, как собака под дождем. Думал все, что если память меня подводит, что если не Милон то был, а я человека ни за что порублю. Да вот так и живу, как трусливый пес, толку, что огромный...

Малый сел на скамью, сгорбился, как угрюмый великан-утес, и с лихорадочным блеском в глазах спросил:

— Ну, что, наточить топор?

Через три дня Милон был убит. Все эти дни мы караулили его, чтобы он не проскользнул незаметно. В тот день он выскочил из дома поздно вечером и направился на восток, через рощу, а там уже его поджидал Малый. Он отрубил голову извивающемуся и шипящему старику, который ничем не был похож на прежнего всесильного Милона, как паршивой курице, которой давно уже была пора на суп. Тело мы закопали там же, в роще.

— Через месяц, когда все затихнет, я уеду в город, — сказал я, смотря на огромную, нависающую над головой, луну. — А ты вернешься в свой дом, который тебе причитается по праву. Я оставлю тебя за главного. Справишься?

— Спрашиваешь? — усмехнулся Малый. — Я-то справлюсь, да только захотят ли все они принимать такого хозяина как я?

— Захотят. Я с ними поговорю. Пора уже, чтобы хоть какая-то справедливость появилась в этой жизни.

Промелькнула ночная птица.

— Малый, тебе нравится Сойка? — спросил я.

— Разве такая девушка может кому-то не нравиться? — вздохнул он. — Я полюбил ее уже давно. Да только к чему эти разговоры, когда она любит тебя, а на меня и взглянуть боится.

— Почему-то мне кажется, что она полюбит тебя тоже. Она может видеть настоящее лицо человека.

— Может заглядывать внутрь болота? Если бы это было так, то я был бы счастлив. Хотя я плохо помню, что такое счастье, оно было у меня слишком давно.

— Ты должен вспомнить его, обязательно должен вспомнить, — я похлопал его по плечу, — а иначе, зачем тогда жизнь? Кстати, Малый, а какое у тебя настоящее имя?

— Ты первый, кто спросил меня об этом за много лет, — я впервые увидел, как он улыбался. — Виктор. Меня зовут Виктор.

Часть III

1.

Город захлестнул меня в свой пыльный водоворот, как осенний ветер заманивает в свои объятия маленькие, оторванные от родного дерева листья. Он закружил меня новыми местами, знаниями и хитрыми нашептываниями, что я когда-нибудь стану значимым человеком, что я обрету душевный покой и найду свое пристанище.

После того как я покинул родные холмы, я кочевал по городам, перебираясь из одного в другой и в третий, словно пытаюсь зарыться в дебрях высоких домов, заблудиться среди улиц и людей, чтобы мой след навсегда затерялся.

Я путешествовал с одним чемоданом, в котором лежали все мои реликвии: отцовские часы, книга с памятной записью Ладо, белый платок с инициалами «И» и «С» и угловатой металлической брошью в виде птицы, и оловянная игрушка «силача Джонни». И однажды я приехал в один город, через который протекала хмурая река, вышел на перрон, набрал полной грудью воздух и решил там остаться навсегда. И мне повезло: город хоть и не сильно обрадовался моему появлению, но оказался готов меня принять как главного редактора известного журнала и одной скромной местной газетенки. И вот уже второй год я, не покладая рук и головы, трудился в редакции, которая занимала все мои мысли и время, заменив мне друзей и семью.

Только день успевал начинаться, как я уже оказывался на работе, закуривал сигарету и, пребывая некоторое время в задумчивом, расслабленном состоянии, смотрел в окно, выходящее на реку. Это были мои минуты спокойствия и умиротворения, а потом начинался бесконечный ворох бумаг, писем, проверок, препирательств с журналистами и монотонное стучание пишущей машинки. В течение дня я успевал еще не раз закуривать, а порой настолько увлекался, что с удивлением обнаруживал себя окруженным плотным табачным туманом, в котором чувствовал себя наиболее комфортно. Иногда мне казалось, что я погребал себя в этом дыму, пытаюсь спрятаться от чего-то или кого-то, а возможно от прошлого или от самого себя.

— Ну и вонища здесь, — пробурчал мой заместитель Марк в очередной раз, заглядывая в мой кабинет. — Каждый раз как я сюда захожу, думаю, что привыкну, но нет, снова этот дым и снова я воняю, как осел. Боюсь, даже представить, как воняешь ты. Может, хоть окно откроешь, чтобы проветрить?

— Ты не представляешь, но я регулярно его открываю.

Он передал мне несколько напечатанных листов.

— Вот, прочти, Карич написал, говорит, что дельный материал. Обещает, чуть ли не сенсацию, но мне даже читать это противно. Он пустобрех, знаю я его сенсацию, раздувает до безобразных размеров чистейшую ерунду, и ждет, когда ее слопают. Сколько уже такого материала мы напечатали? Я вообще его из штата поганой метлой гнал бы.

— Поэтому Марк ты и не главный редактор. Людям нравится читать статьи Карича. Да, он любит раздувать из искры большой костер. Да, он любит устраивать сражения крокодилов и жирафов, но он популярен, читатели его любят. И если мы выгоним его, что в итоге будет? Карич останется по-прежнему популярным, а мы останемся без представлений.

И что мы будем показывать зрителям? Как Хилый сажает картофель на своем подоконнике? Или как Дина Сало рассказывает о домоводстве? А может, ты хочешь сделать ставку на Цецилию Львовну?

— Шутишь? — он прыснул со смеху. — Не поминая ее всуе, а то беду накликаешь. В общем, ладно, уговорил. Но как же меня бесит его хитрая морда с этими противнейшими жидкими усами, так и вырвал бы их! Смотри, я тебе не раз говорил, он когда-нибудь нас подставит.

— Не думаю, он, конечно, хитрый, но он трусливый, — я снова закурил и пустил кольцо дыма.

— Ты выходишь отсюда хоть когда-нибудь? — спросил он.

— Да, иногда, по ночам, чтобы купить сигарет.

— А хоть какая-нибудь личная жизнь у тебя есть помимо работы?

— Да, есть. Моя личная жизнь — это сигареты и вот эти стопки бумаг, которые я не знаю, когда прочту.

— Знаешь, теперь я понимаю, почему не меня поставили главным редактором, несмотря на то, что я девять лет отдал этой работе. Потому что ты безумец! Вы, безумцы, впрягаетесь в воз, на котором сидят все остальные. А потом, когда вы надрываете спину и слабеете, на ваши места приходят такие как я, и мы правим долго и счастливо. И сейчас я рад, глядя на тебя, что я всего лишь твой заместитель, потому что моя жизнь интересней и насыщенней твоей жизни. У меня есть семья, жена, дети. Я вижу солнце и сплю в обнимку с прекрасной женщиной, а ты с кем спишь? Когда ты последний раз был на природе, с кем ты дружишь? У тебя хотя бы есть друзья, а? Иларий ты застрял в этом чертовом кабинете, провонял дымом и положил всю свою жизнь на эту чертову работу. Тебе всего двадцать семь лет, а ты похож на старика. Ты видел себя в зеркале? Твое лицо напоминает мне подошву моих старых башмаков, валяющихся сейчас на помойке.

— Да, Марк, ты прав, я старик, но мне нравится такая жизнь. И если дальше все пойдет также хорошо, как и сейчас, то я надеюсь умереть здесь, на этом продырявленном и засаленном кресле, а все свое имущество я завещаю тебе — вот эти карандаши, бумажки и мой порванный на заднице костюм. Твоя жена залатает его, и ты еще много лет в нем проходишь. А также прошу после смерти мое тело сжечь, а прах смещать с табаком и выкурить вместе с мухой Цеце.

— Ха-ха, смешно, смешно. Я пошел работать. Еще увидимся.

Марк ушел, а я приступил к чтению статьи Карича. Эх, старина Марк был прав, я постарел здесь, зарывшись в этих стопках бумаг, а мне нужно было прочитать еще чертову дюжину всякого ширпотреба.

Я открыл ящик стола и отыскал в нем фотографию, на которую порой любил часто смотреть, словно она была моим источником жизни. На фотографии были запечатлены Малый и Сойка. Они сидели среди пышно цветущей вишни и на руках держали двух рыжеволосых малышей, полностью усыпанных веснушками. Каждый раз, глядя на них, я улыбался и умилялся, думая о том, как же интересно сложилась жизнь.

Сойка часто писала мне письма о том, как она счастливо живет с Виктором, и что благодарит судьбу за такого доброго и любящего мужа. Меня она тоже, не переставая, благодарила, что я дал ей дружбу, о которой она и не мечтала, и что помог измениться в лучшую сторону. Она всегда писала, что они с нетерпением ждут моего визита в Холмы, в любой момент, а я знал, что так и есть, ведь они были моей единственной семьей.

В дверь постучали, и я быстро спрятал фотографию. В кабинет застенчиво и крадучись зашла Дина Сало: молодая, крепкая и пышногрудая девушка с крупными чертами лица, которые, впрочем, можно было назвать довольно симпатичными и даже красивыми. И сама девушка была милой, если бы не ее пристрастие к продукту идентичному ее фамилии, а именно к салу, обильно нашпигованному чесноком, от которого дурман стоял похлеще, чем от моих сигарет. Я знал, что Дина вздыхала по мне, но совсем не тайно: о ее чувствах знала вся редакция. И уже второй год не прекращались шутки про нас, о том, какой чудесной парой мы могли бы стать: Дина, пропахшая чесночным салом, и я, протухший от сигаретного дыма. По шуткам остряков мы должны были стать самым страшным оружием по уничтожению домашних насекомых.

— Здравствуйте, вы свободны? — пролепетала она детским голосом.

— Дина, я всегда свободен для всех вас. Для этого я здесь и сижу. У тебя новый материал?

— Да. Я думаю, он вам должен понравиться. Я написала его не таким обычным стилем, как всегда пишу. Решила попробовать новый, назвала его «Заинтригуй и удиви», — она смущенно захихикала.

— Это что за стиль такой?

— А вы прочтите и узнаете.

— Хорошо, прочту после статьи Карича.

Она кивнула и продолжила стоять и смотреть на меня, покусывая полные красные губы.

— Что-то еще?

— Нет, то есть да... да, я хотела... — она густо покраснела и слилась с цветом своей кофты. — Я... я тут, подумала, — нервничая, она схватила кусок бумаги у меня со стола и начала его сжимать, комкать и надрывать, — я подумала... тут кино. Новое кино, видели афиши?

— Нет, не видел.

— А ну да, вы же мало выходите на улицу, — она попробовала засмеяться, но, увидев мое каменное лицо, которое не подавало признаков для обоюдной шутки, стушевалась и усиленно начала мять и потрошить бумагу, отчего на пол скоро посыпались первые кусочки. — Так кино... говорят, интересное. И я тут подумала, что можно было бы сходить на него...

— Так, сходите.

— Да, но вместе с вами, — она замерла, и ее огромные карие глаза с испугом смотрели на меня, ожидая, что я закричу или вышвырну ее из кабинета. — О, боже, — она всплеснула руками и снова захихикала, — что я такое говорю. Я пойду... много работы.

— Дина, подожди. Когда кино?

— В пятницу, — выдохнула она.

— Хорошо, пойдем тогда в пятницу.

— Вы хотите сказать, пойдете сами?

— Нет, я хочу сказать, что я пойду с тобой. Ты же этого хотела?

— Да-да, я этого хотела. О, это так замечательно! — воскликнула она, наконец-то в ключья разорвав злосчастную бумажку.

— Я тоже рад. И спасибо за приглашение, только можно попросить тебя об одном одолжении?

— Конечно! — она захлопала воздушными черными ресницами.

— Пусть все это останется тайной для остальных? Кому нужны все эти сплетни и всякие домыслы. Хорошо?

— Конечно, конечно, как скажите. Вы же знаете, я умею хранить тайны, — она сложила белые пухлые руки на груди, склонила голову, показывая всем видом, что ни за что не проболтается, и вылетала из кабинета, как из пушки.

О да, я знал, как Дина Сало может хранить секреты. Когда я вышел в обед из кабинета, вся редакция шушукалась и с интересом поглядывала на меня. Хилый, Замейко и Бородач собрались кучкой возле окна и весело обсуждали, какие дети получатся у меня с Диной, и, судя по их смеху, дети получались чертовски забавными.

— И у них в зубах торчало бы по чесноку, а нет, стойте-стойте, вместо зубов у них зубчики чеснока, а из задницы уже при рождении торчит сигарета. И ребенок такой, пых-пых, ну что у нас сегодня на обед? Снова чесночное молоко и сало? Вы что, не можете мне дать перцу? Люди хотят ядерного перца, как у Карич! Воткните мне в задницу еще папиросу, а то она закончилась!

— Доктор принимает роды, а она: «О, доктор, откуда валит дым?». «У вас, женщина, из того самого места!». «Ах да, я забыла, это мой муж накурил мне, у него вместо «этого» торчит сигарета». А доктор такой: «Да и не только муж накурил, отсюда еще и чесноком прет!».

— Черт, я сейчас лопну от смеха!

Я подошел к ним незаметно и из-за спины толстого Замейко любезно спросил:

— Ну, что там насчет папиросы в заднице? Если к вечеру не сдадите материал, то сами покурите ею. Договорились? С меня сигареты.

После обеда, посмотрев в зеркало, я увидел лицо, которое очень метко описал Марк — старая подошва башмака, ни больше и ни меньше. Нужно было проветриться. Я надел фуражку, пальто, накинул шарф и вышел на улицу, которая вся была устелена мелкими колючими снежинками, хотя был только конец октября.

Мимо меня, склонившись, закрываясь от порыва ветра, прошла девушка в черной маленькой шляпке и сером пальто, которое было ей велико и выглядело поношенным. Она была похожа на маленькую птицу, забывшую улететь осенью на юг, и теперь ей приходилось прятаться в огромном несуразном шалаше, чтобы не замерзнуть. Она шла, закрывая голую шею от летящих навстречу снежинок воротником пальто, придерживая его рукой в тонкой перчатке. «Наверно, ей холодно», — отчего-то подумал я и обернулся, посмотрев ей вслед. Она заходила в здание, где располагалась редакция.

Еще немного подышав свежим воздухом и понаблюдав за спешащими людьми, я решил сходить на соседнюю улицу, где прятался небольшой крикливый базар. Там продавалось все, что можно было только пожелать, от свежих фруктов и овощей до хлама и древних вещей, которые могли понадобиться только сумасшедшему. Я купил у одной крупной, похожей на медведя, торговли пару яблок и мандарин и пошел по укутанному снегом маленькому переулку, выходящему на большой проспект.

Вокруг была жизнь. Я, не скрывая интереса, засматривался на прохожих: мне так интересно вдруг стало какие у них лица и о чем они думают. Марк был прав, повсюду была жизнь, а я существовал в своем бумажно-книжном мире, как случайно проползавшее насекомое, которое раздавили, когда захлопывали книгу, и теперь оно осталось там навсегда в виде засохшего отпечатка и тонкой высушенной хрустящей оболочки.

Проходя мимо большого деревянного стенда, обклеенного множеством различных

объявлений, обрывков старых бумажек, газет, афиш и плакатов, мое зрение зацепилось за какие-то буквы, которые, как свет маяка, вырвали меня из пучины размышлений. Я воротился к стенду и замер — большими красными буквами на одном из плакатов было напечатано: «ЦИРК», посредине был нарисован могучий мужчина в красно-белых полосатых штанах и жилетке, который с ловкостью кидал в воздух огромные гири, а внизу курсивом гласило: «Впервые в нашем городе представление невероятного силача Джонни!».

— Силач Джонни! — воскликнул я от радости, и женщина с девочкой, стоявшие рядом и также рассматривавшие стенд, испуганно отодвинулись от меня. — Вы понимаете, это силач Джонни! Это мой друг, он выступает в цирке! — пояснил я им, и женщина с девочкой, опасливо оглядываясь, поспешили уйти.

Я, припрыгивая от радости, побежал к киоску, где продавали билеты.

— Билет в цирк, пожалуйста, — сказал я, улыбаясь во весь рот, и протянул в окошко деньги. Женщина, закутанная в пуховые платки, грозно и недоверчиво посмотрела на мое счастливое лицо, будто я был похож на голодранца, намеревавшегося ее обокрасть.

— Один? — громогласно спросила она и еще более грозно посмотрела, я бы сказал даже угрожающе.

— Да один.

— И что же ты один пойдешь?

— Да, один пойду, — неуверенно ответил я и втянул шею.

— И почему один?

— Потому что я один и, следовательно, мне нужен один билет, — я уже нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Почему ты один? — женщина никак не собиралась отдавать мне билет.

— Простите, дайте мне уже билет и я пойду. Это какой-то нелепый разговор.

— Не дам тебе билет, — громыхнула она, и я, ошеломленный, уставился на нее, а тетка нагло продолжила взирать на меня.

— Тогда отдайте деньги и я пойду.

— Не отдам. Или покупаешь два билета или уходишь.

Я чуть не подавился слюной.

— Извините, это уже переходит все границы. Дайте мне билет или верните мне деньги, а то я...

— Что ты? — тетка смотрела на меня, как на пойманную муху, бесполезно трепыхавшую крыльями. — Под новый год берешь один билет! Где твоя жалость к самому себе? Я сказала, бери два билета. Быстро раскупят, потом, когда понадобится второй, их уже не будет.

— Мне не понадобится второй, потому что я один, черт возьми, и давно уже один! — я вспыхнул: мое терпение готово было вот-вот лопнуть, я ужасно хотел просунуть руку в окошко и добраться до этой тетки, чтобы хорошенько ее отмутузить. Теперь я понимал, почему они все прятались так далеко от покупателей.

— Два или ничего! — она, держа в толстой руке два красных билета, плавно провела их возле моего лица, будто я был тигр, а она — дрессировщик с куском мяса.

— Хорошо! Давайте два этих дурацких билета! — не выдержал я и протолкнул ей деньги за второй билет.

Тетка вдруг подобрела, улыбнулась и добродушным зычным голосом сказала:

— Девушку пригласи, балбес!

Когда я, взвинченный и разгоряченный от неожиданного столкновения с наглостью, вернулся в редакцию, там стоял хохот. «Неужели все еще обсуждают меня и Дину Сало?» — подумал я и решил, что пора всем устроить проверку материалов, а бездельникам сделать выговор. Но тут ко мне по-панибратски подскочил Замейко и, ковыряясь в зубах зубочисткой, выдал:

— Тут такое было, ты не представляешь! Пока тебя не было, тут одна сумасшедшая приходила, всех на уши подняла. Загляни в кабинет к мухе Цеце, там все со смеху катаются от того, как Цеце рвала и метала!

Мухой Цеце называли заведующую детским разделом в нашем журнале. Это была женщина в возрасте, сухощавая, с довольно непростым консервативным характером, носила очки в толстой роговой оправе и строгие черные платья. На самом деле ее звали Цецилия Львовна, но между собой мы обычно ее звали мухой Цеце. У нас с ней не очень хорошие были отношения. Она считала, что я слишком молод и глуп, чтобы управлять журналом, которому она посвятила всю свою жизнь, и конечно, по ее мнению, это было совсем не солидно, чтобы я командовал такой взрослой и опытной женщиной, как она. Поэтому нами негласно было решено, что я не вмешиваюсь в ее раздел и полностью доверяю ее опыту и компетенции. И это меня, в принципе, устраивало, так как мне меньше всего хотелось с ней сталкиваться, ибо всякое общение с ней меня вводило в некий ступор, где я был несурзным ребенком, а она воспитателем, который мог спокойно треснуть указкой по моей голове.

— Пожалуй, в другой раз загляну, — сказал я. — Хватит болтаться без дела, Замейко, займись делом, ты уже и так просрочил материал.

— Хорошо, хорошо, сейчас приступим! — воскликнул он, но продолжил рассказывать: — Когда ты ушел, сюда зашла босячка, такая вроде ничего, мелкая. Спросила, где отдел детской редакции, ну мы ей показали, и там началось. Сначала было тихо, а потом слышим, муха Цеце визжит, а эта босячка, что-то пытается ей доказать. Потом Цеце вылетает к нам, размахивая листком бумаги, и зачитывает нам стишок той барышни. Стишок-то несурзный, похожий на бред сумасшедшего, но мы больше не из-за него начали смеяться, а из-за Цеце. Она превзошла саму себя, так унизила эту босячку, что, ей-богу, мне даже жаль ее стало. Эх, комедия настоящая, и в цирк не ходи. Представление было что надо, жаль ты пропустил.

— И что же девушка? — спросил я.

— Босячка? А она сказала, что мы все болваны и убежала.

Нахмурившись от всей этой истории, я направился снова в свой, пропитанный табачным дымом, кабинет и приступил за работу.

2.

В пятницу я освободился пораньше, чтобы сходить в кино с Диной Сало, которая уже ждала меня, принарядившись, на первом этаже в вестибюле. Она завила волосы «барашком» и покрасила губы жирным слоем ярко-красной помады. По дороге в кино она щебетала и задорно смеялась, выпуская на меня пары чесночного аромата. Во время просмотра фильма она все время что-то спрашивала, нарочито ахала и закрывала глаза от страха, пытаясь теснее прижаться ко мне, что, вкупе с ее невыносимым запахом кислого пота и чеснока, ужасно мешало сосредоточиться на фильме, который и так оказался, на мой взгляд, слишком шумным, напыщенным и суматошным.

Домой я провожал ее ускоренным шагом: мне хотелось быстрее избавиться от чувства тошноты, преследующего меня на протяжении всего вечера. Дина, не поспевая за моим

широким шагом, суетливо перебирала маленькими пухлыми ножками, обутыми в полусапожки на меху, и ежеминутно вздыхала, показывая, что она не этого ожидала от нашего вечера. Когда, наконец, я попрощался с ней, я с облегчением перевел дух: тошнота исчезла, и я теперь мог наслаждаться морозным, скрипучим воздухом, в котором с каждой секундой все сильнее начинали кружиться новые снежинки.

По пути домой, я решил заглянуть в редакцию, чтобы взять на выходную вычитку несколько материалов, которые к понедельнику должны были быть подготовленными. На втором этаже слабо горел свет.

— Гевор, это вы? — спросил я, заглядывая в редакцию.

— Ну, а кто же еще? — добродушно ответил пожилой мужчина, который у нас исполнял обязанности дворника, уборщика, истопника, мусорщика, вахтера и охранника. — Я думал, вы уже освободились, и никто не придет.

— Да я по делу забежал. А вы что?

— Да вот, как всегда мусор выношу. Смотрите, сколько от нашей несравненной Цецилии Львовны выгреб, — он показал полное ведро бумаги.

— Нашли что-то интересное? — спросил я, зная, что мужчина любил отыскивать в мусорном ведре выброшенные рисунки иллюстраторов, которые по тем или иным причинам не устраивали Цецилию Львовну, а потом он распрямлял их и вывешивал на стене своей вахтерской каморки, которая была его постоянным жилищем.

— Нашел, нашел, — заулыбался он, показывая отсутствие переднего зуба. — Вот, гусеница верхом на слоне едет. И чем она не устроила Цецилию? Ничего она не понимает в художестве, потеряла дух детства. Вот я, был бы помоложе, пошел бы сейчас снеговика лепить, погода-то чудесная. Хотя, что мне сейчас мешает? Вот сейчас управлюсь, соберу мусор, да и пойду. Ведро найдем, палки, угли, да только морковки нет для носа...

— У меня есть мандарин. Подойдет? — спросил я, выглядывая из своего кабинета.

— А то ж, а то ж пойдет! — обрадовался он. — На завтра детвора как раз стащит и съест. Так... сейчас еще посмотрю, — кряхтел он, копошась над ведром, — а то вдруг что пропустил... Эге, что это тут. Какой-то стишок-страшилка. Кхм... эге, забавный стишок. А ну-ка Ларий, послушайте...

*Однажды придет старичок,
И предложит тебе желанье.
Если сядешь на его крючок,
Жизнь твоя станет страданьем.*

*Он принесет тебе подарок,
И попросится в твой дом.
Но не верь ему, хоть он и жалок,
А гони его кнутом.*

*Он обманщик и не честный —
Не верь в доброту его.
Твоя семья исчезнет безызвестно,
И дом останется его.*

*Старик — мошенник и обманщик,
Приходит к тринадцати лет,
Не будь наивным мальчиком,
Иначе он съест тебя на обед.*

*Будь счастливым и веселым,
Не завися от своих бед,
А иначе призовешь ты
К себе похитителя лет.*

Как только Гевор закончил читать, меня поразил ступор, а потом мелкая противная дрожь охватила мои руки и губы, я почувствовал, как они посинели от холода, хотя в помещении было тепло. Я попросил взглянуть на листок. Еще раз перечитал четверостишия, написанные ровным, красивым почерком. Никакой подписи не было. Аккуратно, дрожащими руками, я сложил его и засунул во внутренний карман пиджака.

— Я заберу его.

— Понравился стишок? — спросил Гевор и присмотрелся. — Эге, да вы весь дрожите. Печь вроде еще топится. Может, приболели?

— Нет-нет. Все хорошо, я не заболел. Просто взволнован, — словно во сне я начал шагать по сумрачной редакции от одного пустого стола к другому. Мысли кружились в точь-в-точь как снег на улице.

— Гевор! — крикнул я, и мужчина от неожиданности уронил железный совок. — Мы сейчас вдвоем быстро справляемся с вашими делами и идем на улицу. Будем лепить снеговика!

Дворник почесал недоуменно голову, а потом засмеялся, как ребенок.

— Вот это другое дело! Идемте, идемте!

Все выходные я брался за чтение материала, но постоянно ловил себя на мысли, что думаю о той таинственной девушке, которую я видел на улице, возле входа в редакцию, о девушке, которая принесла это злосчастное стихотворение. И чем больше я о ней думал, тем сильнее мне казалось, что это могла быть та самая затерянная девочка из прошлого. Девочка из Птичьей долины, таинственно исчезнувшая в холодном декабре.

На следующий день, рано утром, я бежал на работу в чудесном настроении, перепрыгивал через сугробы нечищенных тротуаров, и снег недовольно скрипел и искрился на морозном воздухе. В кармане пиджака у меня был листок, который грел мое сердце. Я намеревался разыскать, во что бы ни стало, девушку, приходившую в редакцию. А то, что это дорого мне обойдется, я не сомневался, так как мне придется нарушить негласное правило — старайся сохранять хрупкий мир и никогда не суйся в раздел мухи Цеце.

Я улыбнулся, увидев снеговика, слепленного мной и Гевором, он еще стоял целым и невредимым, потеряв только нос. Как всегда придя первым в редакцию, я зашел в свой кабинет и закурил сигарету, нетерпеливо поглядывая в окно, в ожидании появления Цецилии Львовны. Мысль о ней будоражила мою кровь, как будоражит индейца, ступающего на тропу войны. Вскоре я увидел шагающее величественной походкой длинное черное каракулевое пальто и огромную шапку из бобрового меха: Цецилия заходила в здание. Я, выждав необходимое время и напустив на себя непринужденный, деловой вид, направился в ее раздел.

— Доброе утро, Цецилия Львовна, — поздоровался я. — Как продвигаются ваши дела? Мы ведь скоро в печать сдаемся, успеваете?

Она, окинув меня взглядом, в котором непонятно что больше преобладало, презрение или высокомерие, хмыкнула и снисхождением ответила:

— Доброе утро, Иларий Родиевич. Очень мило с вашей стороны, что вы интересуетесь. Если вы намекаете на мой не юношеский возраст, то смею вас заверить, у меня память лучше, чем у всей вашей коллегии. Все подготовленное для публикации, как и всегда, я подам вовремя.

Она принялась разбирать бумаги, показывая всем видом, что разговор окончен. Редакция начала постепенно наполняться людьми.

— Вы что-то еще хотите? — она припустила очки, и я увидел ее бесцветные холодные глаза, которые втыкали в меня крошечные ледяные кинжалчики.

— Да, хочу. Позвольте спросить вот про это, — я достал из кармана листок со стихотворением и протянул ей. — Это принесла девушка, которая заходила в понедельник?

— Я же выкинула это в мусорное ведро, — ответила она, делая брезгливый акцент на «это». — Вы что, копались в нем?

— Да, то есть нет. Никто не копался в нем, листок случайно выпал, когда выносили мусор, и я заметил его, — мне не хотелось говорить, что его нашел Гевор, так как она наверняка бы разозлилась и лишила бы старика его единственной радости — забирать себе рисунки из мусорного ведра. — Не в этом суть... Не могли бы вы сказать, кем представилась эта девушка. Может она сказала как ее зовут, назвала фамилию или кем работает. В общем, за любую информацию, которую вы сообщите, я был бы вам чрезвычайно благодарен.

— Странно, что вас так заинтересовала эта информация, что вы даже потрудились порыться в моем мусорном ведре, — хмыкнула она с еще большим презрением. — И с чего это я вам должна говорить, даже если и знаю? Я ведь в ваш отдел не лезу.

Я глубоко вздохнул, понимая, что она уже объявила мне войну, и битвы не миновать.

— Цецилия Львовна, я не рылся в вашем ведре, поверьте на слово, и я всего лишь спросил, могли бы вы рассказать что-нибудь об этой посетительнице. И вроде моя просьба довольно проста. Пока проста, но она может и усложниться.

— Вы угрожаете мне? — ее сухие тонкие губы скривились в презрительной усмешке.

— Ох, что вы! Угрожать вам? Нет, угрозы это не для меня. Я пробую все решить миром. Ведь мир так важен для нас, да?

— Мне все равно, что вы хотите всем этим сказать, но об этой сумасшедшей я, хоть и знаю совсем немного, ничего не скажу, потому что, во-первых, вас это не должно волновать, а во-вторых, если вас все же это волнует, то здесь встает вопрос о вашей компетенции.

Сделав еще один глубокий вздох, я положил листок на ее стол и звонко хлопнул по нему рукой так, что она вздрогнула.

— Вы это включите в свой раздел.

— Что?! — громко вскрикнула она, и все присутствующие разом обратили на нас внимание и наострили уши в предвкушении хлеба и зрелищ.

— Я говорю, вы включите это стихотворение в свой раздел.

— С каких это пор вы мной командуете? Я не позволю вмешиваться в мою работу!

— Вообще-то, по правилам, я должен вмешиваться в вашу работу, если вы не забыли, я главный редактор. И я сохранял нейтралитет только из-за моего глубочайшего уважения к вам. Но сейчас, мне кажется, наступила пора вмешаться. Хотя я очень этого не хотел,

поверьте мне.

Кто-то тихо присвистнул, кажется, это был Замейко.

— Я не позволю, — процедила она, нервно дрожа, — я работаю здесь пятьдесят лет! Мой раздел читают миллионы детей и еще до этого миллионы детей на нем выросли! Я лучше всех знаю, что нужно публиковать. То что вы подсовываете мне, написано больным человеком. Это просто непостижимо такое отдавать на печать. Тут написано: «Гнать кнутом старика». Что это значит? Что за каннибализм тут происходит: «Иначе он съест тебя на обед?». Какой крючок, какой еще подарок на тринадцать лет? Здесь сплошные пугающие метафоры со скрытой пропагандой неповиновения, неуважения к старшим и призывы к убийствам!

— Знаете в чем ваша проблема, Цецилия Львовна? В том, что вы сидите глубоко в консервной банке. Вас читали миллионы, но сейчас, увы, ваш детский раздел невероятно скучен и однообразен. Вы публикуете только устаревший материал с устаревшим мировоззрением, а ведь мы движемся вперед. Жизнь идет, дети растут, у них появляются новые интересы, и нас окружают конкуренты. То, что вы подаете, это все серость и скука, как ваше нафталиновое пальто изъеденное молью. Вы нещадно критикуете новых молодых авторов, вы разносите и бракуете рисунки талантливых художников, которые предлагают новое виденье мира, новые стили, но вы по-прежнему цепляетесь за старое. Может пора поговорить о вашей компетентности в данном деле? И кстати, вы говорите, что работаете здесь пятьдесят лет, это, позвольте полюбопытствовать, вам было десять лет, когда вы приступили к работе?

В редакции повисла звенящая пустота.

— Вы включаете это, — я еще раз хлопнул ладонью по листку, — в свой раздел.

Она смотрела на меня через линзы своих черепаховых очков, и мне казалось, что от ее ненависти ко мне стекла непременно должны были треснуть и разлететься на осколки, один из которых точно попал бы мне в глаз, а другой — в сердце, на поражение.

Все с замиранием сердца ждали, что она скажет, потому что от этого зависело, сохранит ли она авторитет и власть, а я побегу зализывать раны от поражения всесильной мухи Цеце, или она будет позорно раздавлена молодым наглым редактором, который навсегда утвердит свой статус главного.

С каждой секундой напряжение нарастало, а Цецилия никак не могла решить, что ей делать, но тут она совершила ошибку: схватила злополучный листок и с остервенением начала рвать и крошить его, пытаясь перемолоть в муку.

Все ухнули. Я, молча, развернулся, и все, расступаясь передо мной, как море перед Моисеем, проводили меня взглядом в кабинет. Через секунду я вышел, и снова все расступились, пропуская меня теперь как Персея к Медузе. Война продолжалась.

— Вот вам еще один экземпляр, — я положил еще один листок на ее стол. — Я заботливо его перепечатал, догадываясь, что вы можете не совладать с нервами. И если вы снова захотите его порвать, то у меня на столе еще очень и очень много копий.

За спиной ахнули. Цецилия Львовна, молча, приземлилась на стул и зашелестела листьями: она проиграла.

Через полчаса ко мне заглянул Марк.

— Ну, ты даешь! — воскликнул он. — Я только захожу на работу, а мне уже рассказали, что здесь произошел бой века. Почему ты не мог дожидаться меня? Как мне теперь жить?

— Я надеюсь, теперь тебя это научит не опаздывать на работу.

— Да ну тебя! Никуда не денется твоя работа, а вот ты, — он сочувственно покачал головой, — ты покойник. Муха Цеце никогда не простит тебе этого. Ты не думай, что бессмертный, она еще в твою печенку вгрызется похуже собаки.

Я знал, что Марк был прав, но меня сейчас это волновало меньше всего. Я думал только о том, что потерял единственную свою возможность узнать об авторе стихотворения.

На обеденном перерыве, в столовой, ко мне, стесняясь, подошла неприметная девушка, которая занималась работой с письмами в отделе Мухи Цеце, и которую я обычно не замечал, настолько она была тихой и невзрачной. И она сказала, что случайно слышала о той девушке, которая приносила стихотворение, что ее зовут Мария, и что работает она, кажется, учительницей.

«Мария, Мария», — повторял я, словно пробуя это имя на вкус. В том, что это была та самая Мария, которую я знал, я уже и не сомневался. Оставалось только узнать, сколько учительниц по имени Мария есть в этом городе, и я думал, что точно несколько десятков будет, а даже, может быть, и сотня.

3.

Мои поиски начались. Я составил список всех школ, гимназий и учебных заведений города и шаг за шагом приступил обзванивать их или приходить лично по адресу. И все время меня постигала неудача: если и была там какая-нибудь учительница по имени Мария, то она оказывалась совсем не той, которую я искал. Так, за три недели, мой список был перечеркнут полностью, а я даже и близко не узнал, где еще можно было искать девушку. Мой план по нахождению таинственной Марии провалился.

Цецилия Львовна, как я и требовал, включила стихотворение в новый выпуск журнала, и он успешно был сдан в печать, а это означало, что появилось небольшое время для себя. Поэтому следующие выходные я решил не брать работу на дом, а посвятить время своему гардеробу: нужно было обновить костюм и приобрести новые туфли, так как прежние совсем прохудились и имели такой унылый вид, что в любую минуту были готовы развалиться.

На улице заметно потеплело, и снег начал понемногу оттаивать, отчего забавно чавкал и хлюпал под ногами, норовя заглянуть под отклеивающуюся подошву и намочить носки. Таянье означало также и грязь. Грязь, которая непременно ожидала каждого. Она поселялась толстым слоем на ботинках, отлетала каплями на брюки, стремилась испачкать полы пальто и шуб, пыталась заставить поскользнуться неловких людей и с удовольствием принимала их в свои объятия. Грязь была повсюду.

Я шел в потоке людей в поисках нужной мне витрины с мужской одеждой и обувью. Вдруг кто-то легонько, но настойчиво дернул меня за пальто, и я обернулся. Мальчишка лет десяти, с таким чумазым лицом, словно только что упал в ту самую грязь, слезливо начал просить денег.

— Дяденька, дяденька, подайте Христа рада, мамка голодная, при смерти лежит, умирает. А я совсем один-одинешенек, помру я, дяденька, видит бог, помру, мочи моей нет. Есть так хочется, что кишки болят, поверьте, дяденька, так болят сильно... — хныкал мальчишка, растирая грязной рукой лицо.

Нередко я видел как мальчишки, бегая по улицам, выклянчивали деньги у прохожих, рассказывая каждый раз одинаковую историю про больную мать и «нечего есть», и редко кто им подавал, чаще их прогоняли, обзывая обманщиками и плутами. Но этот мальчик был

другой, в его глазах было такое неподдельное страдание, что я, ни на секунду, не усомнился в том, что без помощи он погибнет. Я достал кошелек, мысленно посчитал, сколько у меня должно остаться, чтобы хватило на туфли и костюм, и протянул ему крупную купюру, которой должно было хватить на необходимые нужды на пару недель.

— Спасибо, спасибо вам добрый дяденька! Я буду молиться за вас! Каждый день буду молиться! — мальчишка зарыдал и вдруг бросился меня обнимать со всей теплотой, на которую, наверное, была только способна страдающая человеческая душа.

Я растрогался.

— Ну, что ты, не плачь. Купи еды и лекарства. Здесь должно хватить. Пусть твоя мама обязательно поправится, — я попытался его утешить, и мальчишка, еще немного всплакнув, попрощался и удалился.

Когда я собрался идти дальше, растроганный столь жалостливой встречей, что-то заставило меня похлопать по левому карману пальто. Там было пусто. Я сунул в карман руку, но кошелек не обнаружил.

— Стой! — закричал я улепетывающему со всех ног мальчишке. Тот обернулся на мой возглас и показал мне язык. — Ах ты подлец! Он украл у меня кошелек! — крикнул я от досады, но люди с безразличием посмотрели на меня, и я ринулся в погоню.

Как часто я наблюдал такую картину: некий прилично одетый и степенный человек гонится за пронырливой шпаной, стащившей у него деньги. И как часто я думал, что тот человек неудачник и сам виноват, раз позволил себя так глупо облапошить. Но на это раз я сам был в числе тех неудачников, и люди смотрели с усмешкой, как я скользил по грязному снегу, пытаюсь догнать юркого мошенника.

Мальчишка то и дело оборачивался, чтобы узнать, насколько я быстр и смогу ли схватить его, и когда увидел, что я не собираюсь сдаваться и вот-вот настигну его, он решил неожиданно сменить траекторию, и, как шустрый хорек, нырнул слева в маленькую арку. А я, пытаясь затормозить, зацепился за выступающую из земли какую-то железку и, споткнувшись, едва не полетел лицом в грязный, сырой сугроб. Подошва моей левой туфли безнадежно провисла, а мальчишка скрылся в глубине улиц.

Я выругался и, шлепая наполовину оторванной подошвой, направился в сторону, куда убежал мальчишка, понимая, что искать его бесполезно. Пройдя через арку, я оказался на довольно узкой улице, где стояла всего пара домов, а дальше, правее, располагалась большая огражденная территория, посреди которой стояло трехэтажное обшарпанное здание, на котором местами еще виднелись остатки желтой штукатурки. На высоком железном заборе не было приколочено ни одной таблички, а за закрытыми воротами стояла небольшая деревянная будка, возле которой лениво, жесткими прутьями старой метлы, сметал в канаву грязную снеговую жижу дворник, одетый в линялую телогрейку.

— Вы не видели случайно здесь пробежавшего мальчишку? — спросил я у него.

— А что же не видел? Видел, — неторопливо ответил дворник.

— А куда он побежал?

— Да куда же он мог еще побежать? Сюда и побежал.

— Так он сюда, в это здание, забежал? — крикнул я, не веря своей удаче. — Он украл у меня кошелек! Мне нужно попасть внутрь, откройте, пожалуйста, дверь.

— Посетители сегодня не принимаются. Мое дело впускать посетителей, когда есть указанное время. Остальное меня не касается, — пропел он, как на церковной службе, заученными словами, даже не посмотрев в мою сторону.

— Но вы не понимаете, он обманул меня, украл деньги!

Дворник, по-прежнему, не удостоив меня взглядом, лениво махал метлой, размазывая грязь.

— Говорю, не могу пустить. Не положенное время.

— Что это за учреждение?

— Известно дело, что это. Это учреждение для малолетних беспризорников, хулиганов, дебоширов, воров и прочей нечисти, — ответил он так, словно подобный вопрос ему задавали по десять раз на день.

— А, теперь все понятно! Значит, здесь преступников держат. Вот как значит! И вы защищаете их...

— Ничем помочь не могу. Мое дело впустить мальчишку, но не тех, кто за ним гонится, пусть даже если он и украл вагон сахару. Впустить вас — никак нельзя. Вдруг вы изобьете его, а мне потом что? Это не мое дело. Ежели вы были бы беспризорником, проживающим здесь, или работником, я бы вас пустил, а так, ничем помочь не могу, — дворник на меня посмотрел и мягко улыбнулся, будто извинялся, мол, такие дела.

— Ну, хорошо, тогда ждите! — разозлился я. — Я сейчас приду с полицией!

— Это, пожалуйста. С полицией впущу вас, отчего ж не впустить, — радушно пожал он плечами и снова улыбнулся.

— Подождите! Стойте, не надо никакой полиции! — обеспокоенный женский голос остановил меня, когда я собрался уже уходить.

От здания торопливо шла девушка в сером большом пальто и маленькой черной шляпке, из-под которой выглядывали короткие, по плечи, светлые волосы. Я не мог поверить, это была та самая девушка, которую я видел, заходящей к нам в редакцию три недели назад. «Маленькая птица, забывшая улететь на юг», — подумал я.

Она вышла из ворот и обратилась ко мне:

— Я слышала, что у вас произошло, и очень сожалею. Давайте все уладим здесь, прошу вас. Не будем никого вмешивать. Я помогу вам вернуть деньги, только прошу, никуда не ходите. Хорошо? — она смутилась от моего пристального взгляда. — Так, что? Вы согласны?

— Да, да, я согласен. Конечно, согласен, — сказал я, опомнившись. — Я могу показать, который мальчишка украл кошелек.

— Это не нужно. Я видела, кто заходил сюда последним. Сейчас я приведу его сюда. Подождите.

Когда девушка ушла, дворник обратился ко мне.

— Вы, наверное, думаете, как она вам вернет кошелек? А легко вернет. Только скажет, и тот проныра послушается ее. И не смотрите, что она девушка маленького роста, размером с мелкую птицу. Хоть она и выглядит, как пичуга, но сила и характер у нее, как у орла. Я все диву даюсь, как она справляется с этими оглоедами? Я хоть человек спокойный, но порой борюсь с желанием влепить вот этим веником по наглым ромам этих паршивцев, а она хоть бы хны. Скажет им, и они как солдатики в строй выстраиваются. Начальство на нее богу молится, боятся, что уйдет. Да тут и уйдешь, было бы куда только. Сами все понимают, а платят грошики, нету больше, говорят. Я-то понимаю, что нету, а чем жить-то?

Дальше дворник рассуждал про скудное жалованье и непростую жизнь, а я начал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу и слегка подпрыгивать от холода, заглядывающего в порванную туфлю.

Через минут двадцать вышла девушка, держа за руку знакомого мне мальчишку, который неохотно шел за ней, несобранно перебирая ногами.

— Это он? — спросила она у меня, когда они вышли из ворот.

Я кивнул.

— Ну, доставай кошелек и возвращай этому доброму человеку то, что принадлежит ему, а не тебе, — строго сказала она опустившему голову мальчишке, который с любопытством рассматривал мою обувь.

Мальчишка шмыгнул, вытер нос грязным рукавом и, не поднимая головы, вынул из кармана мой коричневый кожаный кошелек и протянул мне.

Заглянув внутрь, я с удивлением обнаружил, что там лежали не только деньги оставшиеся на обувь и костюм, но и те, которые я собственноручно отдал ему.

— Все деньги на месте, — сказал я, напрасно разглядывая лицо мальчишки, в надежде увидеть хоть каплю его раскаяния.

— Хорошо, — вздохнула девушка, — а теперь, Радик, ты должен извиниться и пообещать, что больше не будешь обманывать и воровать. Поблагодари этого доброго человека за то, что он дал тебе шанс исправиться, и теперь у тебя иметь возможность стать честным и примерным гражданином.

Мальчишка засопел, покраснел и еле слышным голосом что-то промямлил.

— Скажи громче, потому что тебя никто не услышал, — девушка слегка подтолкнула его.

— Извините меня, я больше не буду обманывать и воровать. Спасибо вам, что дали мне шанс стать честным гражданином, — пробубнил он надтреснутой скороговоркой, хотя я помнил его еле слышимый голос, полный скорби и страдания, когда он слезно рассказывал о своей больной матери.

Когда мальчишка, изобразив мнимое раскаяние, покорно скрылся за воротами, девушка сказала:

— Благодарю вас... Извините, я не знаю вашего имени.

— Иларий, меня зовут Иларий, — поспешил я представиться.

— Благодарю вас, Иларий. Меня зовут Мария, я учительница этих детей и по совместительству еще воспитатель, поэтому я очень благодарна вам за терпение и ваше понимание. Всего доброго, — она кивнула мне в знак прощания и, не дожидаясь моего ответа, пошла вниз по улице.

Встрепенувшись, я, неловко поднимая ногу, чтобы не зацепиться оторванной подошвой об землю, поспешил за ней.

— Простите, Мария, меня интересует вопрос, — сказал я, поравнявшись с ней. — Скажите, вы поверили ему? Мальчишке этому поверили, что он не будет воровать больше? Понимаете, он же нагло врал. Знаете, как он меня обокрал? Он рассказал невероятно жалостливую историю о больной матери с таким лицом, что сама дева Мария поверила бы ему. С него хороший артист бы вышел. Я пожалел его и дал ему неплохие деньги, но ему этого мало оказалось, и он просто бесстыдным образом вытащил мой кошелек.

Девушка остановилась и внимательно посмотрела на меня.

— Вы хотите знать, поверила ли я ему? Я вам скажу так: этот мальчик и остальные дети, которым я преподаю, по большей части, все вруны. Они воруют и постоянно воруют. Как только у них появляется малейшая возможность что-нибудь стащить, что они делают? Да, они снова воруют. И я, естественно, никак не могла поверить в его слова. Поэтому, мой

вам совет, никогда больше не верьте в слова детей, которые просят о помощи.

— Но, как не верить? — воскликнул я. — А что, если на самом деле ребенок попал в беду и нуждается в помощи?

— Тогда верьте, давайте то, что можете, жертвуйте, но не сожалейте о том, что поверили, когда вдруг случится так, что этот ребенок окажется лгуном, обманет вас, обкрадет или еще что-нибудь сделает. А дети, поверьте мне, могут сделать все, фантазия у них богатая. Здесь или не верить и не помогать, или верить и не сожалеть. Другого не дано, — она подняла грубый воротник своего пальто и, придерживая его рукой, снова двинулась быстрым шагом. Я поковылял за ней, стараясь не отставать. — Я, кажется, ответила вам на ваш вопрос, — сказала она, бросая на меня быстрый взгляд, — или вы еще что-то хотите знать?

— Нет, то есть да. Вам не кажется, что, может, этому мальчику и другим ворующим детям нужно другое место, не ваш интернат, а что-то вроде детской исправительной колонии. Я считаю, что совесть появляется у человека с рождения, и если ее нет в детском возрасте, то во взрослом она и подавно не появится. А человек без совести никогда не исправится. Это как трухлявый пень, который никогда не обрастет зелеными ветками.

— Не соглашусь с вами, я видела пни, оказавшиеся в благоприятных условиях, и впоследствии обраставшие молодыми зелеными побегами. И мы в интернате пытаемся создать эти самые условия для озеленения. Надежда всегда есть. Теперь, когда вы все узнали, я думаю, вы пойдете своей дорогой?

— Нет, мне нужно еще кое-что узнать. Мария, остановитесь, пожалуйста. Мне тяжело вас догонять. У меня небольшие проблемы с обувью.

Она остановилась, с любопытством посмотрела на мои ноги и ухмыльнулась:

— Кажется, ваша туфля изголодалась по свежему воздуху.

— Да, определенно. Она сейчас дышит и наслаждается не только свежим воздухом, но и грязью, которая успела уже подружиться с моим носком.

— Хорошо, я оцениваю ваше остроумие и жду последнего окончательного вопроса.

Вздохнув, я спросил:

— Скажите, вы знаете деревню Птичья долина?

Девушка изменилась в лице, нахмурилась и поправила шляпку.

— Откуда вы знаете про Птичью долину? — ее голос прозвучал настороженно, и она бегло осмотрелась по сторонам.

— Я бывал там, правда, один раз, но мне хватило, чтобы запомнить на всю жизнь. И мне, кажется, что я вас когда-то знал. Если я не ошибаюсь, вам сейчас должно быть как и мне — двадцать семь.

Она некоторое время молчала, напряженно всматриваясь в мое лицо, видимо разыскивая знакомые черты.

— Извините, вы обознались. Я вас не помню.

— Но все же совпадает, так? Вас зовут Мария, вы родились и жили в Птичьей долине. Если не ошибаюсь, у вас были братья, а еще отец и мачеха. Там неподалеку, где вы жили, были качели на дереве, мы там познакомились. Я приезжал со своим другом к вашей соседке. Не помню, как ее звали, такое странное имя...

— Ее звали Варида, — как эхо отозвалась девушка.

— Так и есть, ее звали Варида, — согласился я и улыбнулся. — Это значит вы, та самая Мария.

— Вы приезжали осенью, а потом Варида уехала с вами? Мне кажется, я припоминаю. Ах да, точно... Я помню вас. Вы были таким худым высоким мальчиком со светлыми волосами?

— Да, это я. С того времени мало что изменилось, разве что я теперь не мальчик и не такой худой.

— Но как вы меня узнали? — изумилась она. — Столько времени прошло, и мы сейчас находимся так далеко от тех мест...

— Я узнал вас, потому что вы приходили в нашу редакцию около месяца назад и приносили детский стишок о старике.

Она сначала удивилась, а потом, задумавшись, улыбнулась.

— Да, это я приходила. Глупая была затея, не то слово. Надо мной только посмеялись и выставили сумасшедшей. Но я все равно не понимаю, как вы узнали меня?

— Это долгая история. Вы не хотели бы где-нибудь присесть? Я вам все расскажу, и поверьте, у нас немало общего, о котором вы и не догадываетесь.

Мария, закусив губу, с сомнением на меня посмотрела, но все же согласилась на мое предложение. Мы прошли через высокую арку с кирпичными сводами, и, немного пройдя вперед, зашли в ближайшую кондитерскую, с окнами, выходящими на широкую улицу, за которой текла хмурая река с белыми островками льда.

— Здесь красиво, — сказала она, оглядывая помещение и снимая шляпку и пальто, не позволив мне помочь ей. Мы выбрали круглый маленький столик, стоявший возле широкого окна, украшенного бирюзовыми воздушными занавесками, и сели друг напротив друга. На ней было простое, темно-синее шерстяное платье с маленьким воротничком и манжетами. Волосы пшеничного оттенка беспорядочными прядями лежали на плечах и были чуть взъерошены на макушке, и она незаметно постаралась пригладить их ладошкой, когда я заказывал для нас чай и пирог с вишней.

С чего начинать разговор я не имел понятия. Мое красноречие разом покинуло меня, и я находил эту встречу такой особенной, романтической и даже чудесной, что у меня язык не поворачивался начинать вспоминать странные и жуткие события, произошедшие с нами в прошлом. Поэтому я решил, что разговор о погоде будет самым лучшим началом беседы. После стандартных слов о необычайно ранней и холодной зиме, я спросил, какие фильмы она смотрела в кинотеатре. Она сказала, что не ходит в кинотеатры, и я рассказал о своих впечатлениях от просмотра последнего фильма. Мария вежливо кивала и маленькими глотками отхлебывала горячий чай, попутно обхватывая чашку ладонями, чтобы согреть руки. Они у нее были с удивительно тонкой, практически прозрачной кожей, под которой отчетливо выступали острые костяшки пальцев и голубые вены.

— Это все очень интересно, — мило улыбнувшись, сказала она, — но может, мы все-таки перейдем к той истории, из-за которой мы здесь оказались.

— Да, пожалуй, вы правы, — немного замямвшись, ответил я.

— И прежде чем вы начнете, давайте будет обращаться на «ты», меня немного утомляет официальный тон, да и мы все же с вами ровесники.

— Да, конечно, давайте на «ты», — я снова замаялся, не зная с чего начинать. — Ну, так вот...

— Давай я тебе помогу, так как все-таки ты узнал во мне ту самую девочку из Птичьей долины, которую видел всего один раз много лет назад?

— Когда я случайно увидел вас... тебя возле редакции, мне сразу показалось, что я где-

то видел тебя раньше. А потом, когда я узнал обо всей этой истории со стихотворением и прочел его, я сразу подумал о тебе почему-то... Просто все, что ты описала там, случилось и со мной тоже.

Она нахмурилась, и начала задумчиво помешивать ложкой чай.

— С чего ты решил, что мое стихотворение как связано со мной? Разве оно не может быть просто фантазией?

— Нет, к сожалению, я знаю, что оно не фантазия, — я вкратце рассказал ей о событиях, произошедших со мной в детстве. — Потом, когда я уже выздоровел в доме своего опекуна, я написал письмо Вариде и попросил одного человека съездить в твою деревню. И как ты уже догадываешься, ответа я не получил. Мне рассказали, что случилось с ней и с твоей семьей. И вот, когда я прочитал твое стихотворение и узнал, что автора зовут Мария, мне почему-то показалось, что это можешь быть ты. Я сам не знаю, почему я так решил.

— Да, все так и было, — сказала она после долгого молчания. Ее глаза были серьезными и холодными. — Я написала этот стих в надежде, что его опубликуют, и вдруг он предупредит и спасет хоть чью-то жизнь. Все же лучше, чем ничего... — она смахнула со лба челку и пристально на меня посмотрела. — Я могу рассказать, что со мной произошло, если тебе интересно, — я кивнул и она продолжила: — Когда ко мне пришел старик, я в очередной раз сбежала из дома и сидела возле того самого дуба с качелями. Он появился так неожиданно, будто из воздуха вышел, и он знал обо мне все. Как меня каждый день бьют, как мои младшие братья, зная, что меня бьют чаще всего из-за них, когда они кричат, орут и дерутся, с интересом и радостью наблюдают за тем, как я получаю трепку и пощечины от их матери. Это был круг каждодневного ада, из которого мне никак нельзя было вырваться. И я, даже не задумываясь, просто согласилась на предложение старика. Мне нечего было терять, потому что хуже, чем я жила, как я тогда думала, хуже уже быть не могло. Но как оказалось, я ошибалась. Тогда я просто сказала старику, что хочу, чтобы мои братья слушались меня, чтобы они молчали, когда я им прикажу, чтобы делали то, что я хочу. Я просто хотела, чтобы мои каждодневные страдания закончились. Я, как и ты, получила свой дар на время. А когда подошел мой день рождения, и я лежала на полу, в очередной раз избитая мачехой, за то, что братья разбили несколько горшков, я просто закрыла глаза и позвала старика, умоляя его дать мне способность управлять исчадиями ада, называвшимися моими братьями. И после этого я на короткое время вздохнула спокойно: братья вдруг стали послушными, и поводов, чтобы бить меня, больше не было. Но потом, все пошло не так... — Мария чуть наклонилась вперед ко мне и прошептала: — Я видела, как Вариду зарубил мой отец. Когда он стал внешне меняться, он, будучи и так безумным, обезумел совсем. В тот вечер я была у Вариды, мне не хотелось идти домой. Она что-то готовила на кухне, а я сидела в своем углу и играла с соломенной куклой. Когда кто-то зашел в дом, и она вскрикнула, не знаю, что-то подсказало мне спрятаться в ее сундуке, где лежало затхлое тряпье, и я успела, он не заметил меня. Варида как раз в этот момент забежала в комнату, где стоял сундук, а за ней шел мой отец в своих тяжелых грязных сапогах. Я видела, как он замахивался топором и рубил ее, снова и снова, и кровь, как красный сироп, разлеталась по всей комнате, будто взорвалась банка с вишневым вареньем. А через неделю, утром, я не обнаружила отца и мачеху в доме. Они исчезли, и я осталась одна с тремя братьями, абсолютно без помощи. Селянам не было дела до нас. Поначалу кто-то помогал, приносил немного еды, а потом мы остались совсем одни. А в конце декабря возле нашего дома остановилась коляска, из нее вышел мужчина и сказал, что поможет нам, если мы поедем с ним. И я согласилась, потому что поверила ему,

хотя и выбора у меня не было. Мы приехали в город и какое-то время жили в его доме, и там... там было все еще хуже. Он сразу отдал братьев в приют, а я осталась с ним, — ее голос дрогнул, и она замолчала, опустив голову, чтобы я не мог увидеть ее глаза. — Несколько раз я сбегала, надеясь найти помощь, но меня возвращали обратно. Потом мне повезло, одна женщина помогла мне, и меня тоже отправили в приют, где я снова встретила с братьями. Там мы пробыли не долго: он был переполнен, каждый день туда привозили много осиротевших детей, так как в соседнем городе случился страшный пожар, многие погибли. Нас отправили в другой город, в другое учреждение, где я и провела остальные годы.

Мы надолго замолчали, стараясь не смотреть друг на друга: она боялась увидеть мой сочувствующий взгляд, а я боялся увидеть ее печальные глаза, будто мог ее чем-то обидеть.

— Ты из-за своего дара стала работать с трудными детьми? — спросил я, не зная, как сгладить ее плохие воспоминания.

— Да, отчасти из-за этого. Я только и умела, что умирять разбушевавшихся детей. К счастью, именно из-за этого мои годы в приюте оказались не такими уж и плохими, как могли бы быть. Только мой дар не распространяется на взрослых. Их я умирять не могу, к сожалению, — она чуть улыбнулась, — чем ближе к совершеннолетию, тем меньше вероятности, что мне удастся внушить что-то. Но сейчас, я старюсь не использовать дар. Применяю его только в крайних случаях.

— А сегодня? Ты применяла его к тому мальчишке?

— Применяла, — она вздохнула и посмотрела мне в глаза, — увы, просто так он не отдал бы тебе кошелек.

— Значит, мне нужно благодарить тебя за это. И, знаешь, я благодарен и этому мальчишке, что он так надул меня, без него я не встретил бы тебя, и меня всю жизнь мучил бы вопрос, кто был таинственным автором пугающего стишка про старика.

Она засмеялась.

— Да, к сожалению, старик не дал мне дара на сочинение стихов и песен. Я все так же их коряво придумываю, как и в детстве. И меня все время не покидал вопрос, кем был этот старик. Я долго искала хоть какую-нибудь информацию, но ничего не нашла. А теперь, когда я узнала, что ко мне приходил твой брат, которого также заразил другой старик, приходивший к тебе, я теперь ничего не понимаю. Это все так странно... Ведь твоему брату было пятнадцать, а моим старшим братьям по восемь, но они не заболели. Если старик приносит в дом болезнь, то почему она не действует на детей? Слишком много вопросов, а ответов нет.

— Мне кажется, есть некий порог, после которого человек заболевает, — предположил я, — и этот порог тринадцать-четырнадцать лет. А пока те, кому не исполнилось тринадцать, они в безопасности. Может потому, что старику не выгодно их заражать, они ведь потенциальные жертвы, и могут ему еще пригодиться, когда им будет исполняться по тринадцать.

— Наверное, ты прав, — согласилась она и откусила кусок вишневого пирога. — Очень вкусный.

Я тоже попробовал пирог, и мы сидели в молчании и смотрели в окно, где уже начинало смеркаться.

— Невероятно, что мы оказались в одном городе, — сказал я.

— Невероятно, что ты меня помнил все это время, — подмигнула она.

— Но ты-то тоже меня не забывала, раз вспомнила.

— Нет, забыла, но ты таким настойчивым оказался, что пришлось вспомнить.

— Тогда, может, ты вспомнишь, о чем мы разговаривали возле дуба, когда познакомились?

— Нет, к сожалению, это выше моих сил, могу только предположить, что о каких-нибудь детских глупостях, — вдруг она забеспокоилась, увидев, что на улице зажглись фонари, и сказала: — Мне пора домой, я и так уже задержалась.

В эту минуту от досады я чуть не хлопнул себя рукой по лбу: ведь она наверняка была замужем и у нее были дети, а я уже начал витать в каких-то розово-мыльных пузырях, представляя нашу следующую встречу. Я предложил ее проводить, и она согласилась.

Но, только выйдя на улицу, я вспомнил о своей порванной обуви и понял, что прогулка будет непростой. Мария даже развеселилась и начала мило подшучивать над моим ковылянием. По дороге мы просто болтали на разные темы, не имеющие никакого отношения ни к нашему детству, ни к старику, ни к печальным событиям. Температура воздуха понизилась, дневная растаявшая грязь начала подзамерзать и хрустеть под ногами, и с неба снова начали сыпаться легкие крупинки снега. Мария подняла воротник и втянула голову в пальто. Я заметил, что у нее не было шарфа и перчаток, и еле уговорил ее надеть мои, уверяя, что я точно не замерзну, в отличие от нее. Она повязала мой шерстяной шарф вокруг своей тонкой шеи, нырнула маленькими руками в мои огромные перчатки и задорно улыбнулась.

Она жила не так далеко от интерната, в старом квартале, который располагался по склону вдоль реки. Дома там напоминали бараки, стоявшие друг на друге в два этажа, будто нелепо склеенные ребенком спичечные коробки.

— Ладно, я пойду, — проговорил я, когда она сказала, что мы подошли к ее дому. — А то вдруг твой муж еще увидит нас. Нехорошо будет.

— Подожди, — остановила она, — сначала заberi шарф и перчатки. Спасибо тебе за них. И у меня нет мужа. И мужчины тоже нет, — поспешила она добавить, как только я открыл рот, чтобы спросить. Видимо радость, отразившуюся на моем лице, мне не удалось скрыть, так как она засмеялась.

— Это замечательно, то есть я не имею в виду, что для тебя замечательно, это для меня замечательно, — я бубнил еще какую-то глупость, а она потешалась надо мной, пока рой крошечных снежинок летал над нашими головами.

Вдруг обеспокоенный девичий голос окликнул ее:

— Мария, ты пришла? — на старых, обсыпавшихся ступеньках дома, стояла, закутавшись в большой платок, совсем юная девушка и встревожено смотрела на нас.

— Да, Аля, я пришла, — отозвалась Мария. — Ты, наверное, меня заждалась? Извини, я задержалась сегодня. Аля, познакомься, это мой... мой старый друг, Иларий. Иларий — это Аля.

— Добрый вечер! — поздоровался я и махнул ей рукой, на что девушка нахмурилась и едва кивнула.

— Ладно, мне пора, — сказал Мария. — Всего доброго тебе, рада была встречи.

— Но мы же еще встретимся, да? — спросил я.

— Конечно, встретимся как-нибудь, — улыбнулась она и быстро пошла к дому.

Впервые за долгие годы я возвращался в свою пустую квартиру со счастливой улыбкой, по-настоящему счастливой.

4.

Через несколько дней, когда пришел выпуск нового журнала, я, не вытерпев, побежал к интернату и, узнав у дворника, что Мария была на работе, попросил его позвать ее. Она очень удивилась, увидев меня, но и не скрывала, что обрадовалась этому неожиданному визиту.

— Как раз проходил мимо вас, журнал получил, только что из типографии, его еще в продаже нет. Подумал, вдруг ты на работе и захочешь почитать, — сказал я.

В нашем коротком разговоре я успел спросить о ее графике работы и поинтересовался, не будет ли она возражать, если я как-нибудь на днях, вечером, составлю ей компанию до дома. Она согласилась, и я в этот же вечер, уйдя пораньше с работы, стоял возле ворот и поджидал ее, а она, заметив меня, побежала на встречу с распахнутой улыбкой.

— Ты знал, что в твоём журнале мое стихотворение? — воскликнула она. — Поверить не могу! Как? Как это случилось, если над ним все потешались?

Мне не хотелось говорить ей, что для этого мне пришлось ступить на тропу войны с самой страшной силой в редакции. Я не хотел, чтобы она думала, что обязана мне, поэтому придумал историю, как непреклонная и суровая женщина, посмеявшаяся обсмеять ее творение, изменила свое мнение, под наплывом внезапных чувств, и решила опубликовать стихотворение.

— Надо же, — поразились Мария, — а я-то была о ней такого плохого мнения, и столько нехорошего думала про нее. Мне даже теперь стыдно. Надо будет, что ли, отправить ей благодарственное письмо или поздравление с грядущими праздниками.

— О нет, не стоит! Поверь мне, она не читает благодарственные письма и поздравления, так как ее сильно уж смущают теплые слова, поэтому, чтобы не показаться излишне чувствительной, она сразу выбрасывает все письма в мусорную корзину.

С того дня я стал каждый вечер приходить к интернату и провожать Марию домой. В редакции, конечно же, это сразу не осталось незамеченным: я больше не задерживался на работе, из моего кабинета практически перестал валить дым, а мое новое сияющее лицо и новый костюм не давали сомнений, что во всех этих переменах была замешана девушка. Но а я и не пытался скрывать свой глупый, влюбленный вид, потому что впервые жизни был влюблен, по-настоящему влюблен. И это было сродни тому, что за моей спиной выросли крылья, и я махал ими, летая по грязным тротуарам, над хмурыми лицами людей, не замечая никаких проблем, и даже ослепительно улыбался и кланялся мухе Цеце. Я перестал чувствовать себя одиноким и никому не нужным, потому что чувствовал, что я так же был нужен Марии, как и она мне. Мы не говорили друг другу о своих теплых зарождавшихся чувствах, потому что слова были лишними: наши глаза говорили обо всем.

В один из дней я подарил ей светло-зеленый шарфик, который с трепетом выбирал так, как никогда в жизни, и кожаные перчатки из самого дорогого магазина в городе. Но она, увидев подарок, не очень ему обрадовалась, и попросила больше никогда не дарить ей таких дорогих вещей.

— Спасибо, конечно, тебе, — сказала она, — но я бедна и не скрываю это. А эти перчатки, они не для меня. Их должны носить женщины в дорогих шубах и с богатых семей, а не такие как я. Я в них буду чувствовать себя неудобно, и даже не знаю, что с ними делать.

Потом все же она растаяла, будто позволив себе радоваться, и, надев перчатки, не переставала любоваться, как красиво они облегли ее тонкую руку. Но это длилось недолго:

какой-то мальчишка из ее интерната, заметив дорожную обновку своей учительницы, украл перчатки. Когда Мария выяснила, кто это сделал, тот сознался, что в тот же день продал их на рынке какой-то толстой женщине, а деньги потратил на развлечения и еду. Она долго расстраивалась и просила больше не дарить ей подарки, но я повел ее на рынок и сказал, чтобы она сама выбрала те перчатки, которые захочет. И она выбрала дешевые варежки из серой шерсти, собственноручно связанные торговкой.

Иногда мы не спешили после работы домой, а задерживались: просто бродили по вечерним улицам города, заглядывая в самые маленькие переулки, находя каждый раз что-то новое и интересное в них. Мы наслаждались общением друг с другом и больше не упоминали о событиях, с которыми столкнулись в детстве, не упоминали ничего из того, что могло навеять грустные мысли и воспоминания. Мы просто тихо и осторожно, по крупице, принимали чувства, которые переживали в настоящем, словно боялись их спугнуть, как стаю чудных птиц. Нам было радостно за моменты нашего счастья и одновременно страшно, что такое внезапное и уже не ожидаемое нами счастье, может исчезнуть.

Мария не могла надолго задерживаться, она позволяла себе прогулку на час или два, и потом спешила домой, ведь там ее ждала Аля. Они жили вдвоем в маленькой квартире, доставшейся им от двоюродной прабабушки Али, которая умерла несколько лет назад. Мария сняла там комнату, когда женщина еще была жива, а Але на тот момент было девять лет. Девочка осталась сиротой в пять лет, когда ее мать внезапно умерла от тяжелой работы на фабрике, а отца она никогда не знала, он пропал еще до ее рождения. Когда появилась Мария, пожилая женщина с облегчением вздохнула: она уже была слишком старой и понимала, что долго не проживет, а о девочке некому было больше позаботиться. Так, в лице Марии, женщина получила поддержку и облегчение быта, а Аля — мать, сестру и подругу.

В один из выходных дней Мария пригласила меня на обед, чтобы я поближе познакомился с Алей. Я принес фрукты, десерт и небольшой подарок для девочки — брошку в виде стрекозы: мне почему-то показалось, что девочкам должны нравиться такие вещи, но ей, по всей видимости, ни брошка, ни я сам отчего-то не понравились. За столом Аля сидела, поджав губы, и бесцеремонно разглядывала меня, показывая всем видом, что ей неприятно мое общество.

— Кем вы работаете? — спросила она, лениво размазывая жидкое картофельное пюре по тарелке.

— Я работаю в редакции.

— Значит, вы журналист и пишете статьи?

— Да, пишу, но это не основная моя работа. В основном я редактирую их, принимаю решение о публикациях и вожусь с массой бумаг, иногда зарываясь в них, как медведь, уходящий в спячку, — я попытался пошутить, но она и бровью не повела.

— Значит, вы редактор? — спросила она, чем сбила меня с толку, ведь я еще не говорил Марии, какую занимаю должность.

— Эм...да. Я редактор.

— Вы главный редактор?

— Да, я главный редактор, — пришлось сознаться мне, и Мария сначала многозначительно посмотрела на меня, а потом перевела сердитый взгляд на Алю.

— И сколько зарабатывает главный редактор?

— Аля! — шикнула на нее Мария, — это неприличный вопрос.

— А что в нем неприличного? Вы же, как я понимаю, встречаетесь? И если уж дошло до

такого дела, то нужно узнать о человеке все. Не правда ли, Мария? — они посмотрели друг на друга с выражением, понятным только им одним.

— Нет, все нормально, — поспешил я сгладить ситуацию, — это обычный вопрос. Я зарабатываю достаточно, чтобы хорошо обеспечивать себя и свою семью, если бы она у меня была.

— Это видно, — хмыкнула Аля, — у вас дорогие часы и недешевый костюм. Стоит, наверное, как зарплата Марии за полгода. И как вам наша бедная обстановка? Наша бедная еда? Вот это пюре, которое мы едим только по праздникам? Не смущает?

— Аля, зачем ты такое говоришь? — Мария густо покраснела и с силой сжала вилку в руках.

— А что я такого говорю? Я просто интересуюсь, не страшно ли богатому человеку, впервые оказавшемуся в таких трущобах, находиться здесь? Раньше же к нам такие богачи не заходили. Мы по беднякам все же больше.

— Увы, я совсем не богач, — возразил я. — Мне не стоило, конечно, надевать свой лучший парадный костюм и эти часы, но поверь, я не сплю на мешках с золотом. Еще недавно я ходил в старых туфлях и в одной и той же одежде по полгода. Я просто хотел понравиться тебе, так как знаю, что ты очень дорога для Марии, и твое мнение важно для нее, вот поэтому так и вырядился, как петух. Хотел произвести впечатление, и, по всей видимости, мне это не удалось. А насчет трущоб, как ты выразилась, смею возразить: мне нравится здесь, у вас уютно и комфортно. Если бы ты увидела мою квартиру, то поверь, тебе бы там не понравилось, так как в ней нет и капли вашей домашней теплоты.

После моего объяснения девочка замолчала и в течение обеда больше не задавала вопросов. И хотя она по-прежнему бросала на меня не слишком любезные взгляды, мне показалось, что немного я все-таки сгладил ее неприязнь ко мне.

После обеда Мария вышла на улицу, проводить меня.

— Извини за Алю, мне очень неловко. Я не знаю, какая муха ее укусила. Я поговорю с ней.

— Ничего страшного не случилось, забудь. Это я виноват, мне не стоило вырядиться так. Я не подумал, что это может оскорбить ее.

Наступавшие зимние праздники оживили и без того шумный город, накрыв всех предпраздничной суетой и волнениями, как большим единым покрывалом, сотканным из снега и мороза. На тротуарах все чаще замечались пыхтящие пешеходы, взвалившие на плечи сосны и елки, нещадно коловшие красные щеки и шеи. Кто-то волочил за собой тяжелые пышные деревья, оставляя после себя характерные следы на снегу, кто-то с легкой припрыжкой нес в руках тоненькое, общипанное деревце, напоминавшее своей облезлостью худосочную тушку куренка. А кто-то довольствовался и обломанными ветками елочных гигантов, валяющихся на тротуарах.

На лицах всех, так или иначе, стояла праздничная и несколько глупая печать с пометкой — «в ожидании чуда». Но более всех атмосфера грядущих праздников затронула уличных карманников и проныр. Особенно активизировались мальчишки беспризорники. Воспользовавшись всеобщей суматохой и ослабшей бдительностью одурманенных зимним счастьем граждан, они с легкостью пользовались своими мошенническими навыками и ловкостью рук. Беспомощные крики и визги женщин о том, что у них украли деньги, кошелек или сумку, шли вперемешку с бранью и грозными рыками мужчин, грозивших оторвать грабителю ноги и часто безрезультатно пытавшихся догнать шустрых и проворных

мальчишек. А я, забавляясь всеобщей суетой, мысленно благодарил грозную билетершу из киоска, принудившую меня купить два билета. В пятницу я пригласил Марию на представление в цирк в день премьеры, чему она была несказанно рада, так как никогда раньше там не бывала.

5.

Утром я проснулся с головной болью и ощущением сильного холода, мое тело бил озноб, хотя в комнате было жарко, и у меня не было температуры. Мне снова приснился сон, повторяющийся уже около года, будто кто-то раз в месяц проматывал его как киноленту. В этом сне мне всегда было тринадцать, и я шел по реке, скованной льдом, а повсюду был снег и ни души. Я шел по льду и чувствовал себя одиноким и потерянным, будто во всем мире наступила вечная зима и вечный холод, и я остался один. Вскоре под моими ногами раздавался глухой стук, и я наклонился, сметал в сторону тонкий слой снега и видел подо льдом лицо брата. Он стучал кулаками по толще льда и пытался что-то сказать мне. Его рот открывался и закрывался, как у рыбы, а изо рта не выходило воздуха, будто он отрастил жабры и уже мог дышать под водой. Я тоже стучал по льду и пытался разбить его, кричал и плакал, чтобы он не умирал, чтобы он потерпел еще немного, и я найду способ, как помочь ему, как выбраться оттуда, но брат смотрел на меня своими голубыми прозрачными глазами и исчезал в глубине. Каждый раз, когда я просыпался, я твердил себе, что смогу управлять своим сном, что в следующий раз со мной окажется топор или железная палка, или еще что-то, что поможет мне расколоть лед, но я засыпал и снова начинался тот же самый сон, будто отмотанный к началу невидимой заботливой рукой: я снова оказывался один с пустыми руками, затерянный в вечной мерзлоте, и предо мной снова появлялось кричащее лицо брата.

Вечером после работы мы с Марией отправились в цирк. Здание находилось в самом центре города. Оно было празднично украшено картонными фигурами сказочных персонажей и блестящей мишурой, и гудящая, возбужденная толпа бурлящим потоком втекала в большие двери и рассаживалась по своим местам, вокруг большой арены. Мы сели во втором ряду, и через минут пятнадцать началось представление, которое открывал высокий мужчина, одетый в черный фрак, из-под которого выглядывала белоснежная замысловатая манишка. Он снял шляпу, поприветствовал зрителей и объявил первый номер — представление клоуна «Мартышкина».

Клоун, неловкой походкой, одетый в пестрые шаровары, с огромным, повязанным на шее, красным бантом в белый горох, и с маленькой обезьянкой, сидящей на его плече, вышел на сцену. Он начал играть сценку, где он исполнял роль пьяного супруга, вернувшегося поздно ночью из кабака, а обезьяна, одетая в красную юбку, талантливо исполняла роль взбалмошной и крикливой супруги, приревновавшей мужа к соседке свинье. Клоун смешно шепелявил и пытался доказать жене-обезьяне, что он просто пил, а не проводил время с очаровательной соседкой Брунгильдой, и что показавшийся ей запах женских духов есть ни что иное, как пары забродившего вина. Обезьяна в ответ кричала, кривлялась и изображала крайнюю степень возмущенности, а зрители заливались хохотом и охотно аплодировали на каждую реплику, забавные падения клоуна и гримасы животного.

— Я не понимаю, почему все смеются? — прошептала Мария, наклонившись ко мне.

— Не знаю, наверное, потому что многим эта семейная сцена кажется забавной.

— Но она не забавная, а гадкая. Мало того, что женщину играет глупая обезьяна, так ее

еще выставляют склочной и сварливой, а этот клоун, как персонаж просто отвратительный, — она нахмурилась и сжала губы.

Потом выступали дрессированные животные, гимнасты, жонглеры, фокусник, еще один клоун, скачки на лошадях, и шпрехшталмейстер в самом конце объявил о гвозде программы, которого все ждали с нетерпением — выступление невероятного силача, который мог бы побороться с самим Гераклом.

— Сиииилач Джонни! — пронзительно проревел он под бурные аплодисменты зрителей.

На арену вышел высокий, атлетически сложенный мужчина с голым торсом и в облегающих красных штанах в белую полоску. Все его тело красивыми перекатами мышц говорило о силе и мощи. Его вьющиеся каштановые волосы создавали ореол романтичности и некоторой сказочности, будто он сошел со страниц девичьих романов и стал олицетворением грез всех юных дев. Я бросил взгляд на Марию, и она тоже не скрывала всеобщего женского восхищения, волнами прокатившегося по залу. Несмотря на всю мою радость от того, что я не ошибся и это действительно был Герман, меня кольнуло легкое чувство ревности, которое я быстро постарался спрятать где-то в глубине себя.

Герман начал свое выступление с поднятия и подбрасывания огромных, на мой взгляд, гирь, которыми он с легкостью, будто воздушными шариками, управлял в воздухе. Потом в ход пошли железные булавы, летавшие у него над головой, как стрекозы. Он катал по торсу и рукам огромный блестящий шар, который с трудом был оторван от земли добровольцами из зала. Поднимал и удерживал стойку с десятью, сидящими на ней, людьми. Все с трепетом и страхом наблюдали за сложными и неподдающимися пониманию трюками, и каждый раз, когда на сцене появлялись все более немыслимые предметы, казалось, что на этот раз ну никак не возможно будет что-то сотворить с ними, настолько тяжелыми и невероятными они казались. И каждый раз, когда Герман поднимал их, подбрасывал, ловил и крутил, люди вздрагивали, замирали и охали, когда представление заканчивалось. К концу выступления его тело покрылось блестящей пленкой пота, грудная клетка тяжело вздымалась и опускалась, я видел, что он уже устал и работал на пределе своих возможностей, но его это словно не волновало, он продолжал выполнять трюки, а я уже мысленно просил, чтобы он остановился. На арену, с помощью пяти человек, выкатили штангу пронизанную железными шарами. Я ужаснулся: размеры штанги были слишком фантастическими. Герман сделал несколько кругов вокруг нее, словно сам сомневался в своих силах, и я, не успев подумать, что же будет дальше, увидел, как он рывком поднял штангу и стал ее раскручивать на спине, а потом одной рукой, удерживая ее в вертикальном положении, поднял в воздух. Можно было увидеть, как вены на его лбу и шее вздулись, как жесткие прутья. Я испугался, что они, не выдержав напряжения, разом лопнут и зальют кровью всю арену. И в неожиданный момент рука Германа дрогнула, гиря покачнулась и убийственным весом, как огромная башня, начала падать на него. «Эта гиря разmozжит ему череп, не оставив ни одного целого кусочка», — промелькнуло в моей голове, но он с какой-то невероятной ловкостью успел увернуться, и гиря с грохотом приземлилась на землю, подняв в воздух облако пыли из песка и опилок. Тишина в зале стояла до тех пор, пока Герман не поднялся и не помахал руками, показывая зрителям, что с ним все хорошо. Только тогда зал взорвался аплодисментами, кричал и скандировал «браво».

Когда зрители начали расходиться, я увлек Марию за собой, пытаюсь пробраться в примерную Германа. На входе мне пришлось прибегнуть к журналистскому удостоверению,

и нас пропустили. Шпрехшгалмейстер провел нас внутрь и, постучав в комнату, крикнул: «Герман, к тебе журналист, интервью брать!». Из комнаты послышалось недовольство, и дверь распахнулась.

— У меня сейчас нет никакого желания беседовать, извините, я устал, как черт, — недовольно проговорил он, вытирая лицо полотенцем, но, остановившись взглядом на мне, удивленно поднял брови. — Да это же сам несостоявшийся жених моей сестры! — воскликнул он.

Я засмеялся, и в эту же секунду мы обнимались и горячо хлопали друг друга по спине.

— Ну, и встреча! Проходите, проходите, что стоите, — он пригласил меня и Марию в гримерную. — Вот уж не думал, что когда-нибудь еще встречусь с тобой! Да ты совсем и не изменился, юн и свеж, как и в семнадцать лет. А я сразу смотрю лицо знакомое, будто вчера тебя видел. Ну, рассказывай, как дела?

Рассказав вкратце, где работаю и, представив Марию, я достал из кармана пиджака оловянную фигурку силача Джонни, и Герман трепетно взял ее в свои грубые руки, восхищенно прошептал:

— Ты погляди, сохранил его! Невероятно...

— Я много раз вспоминал о тебе, когда глядел на него, он придавал мне сил, — признался я и, глядя на большие, чуть затуманившиеся глаза Германа сказал: — Если хочешь, я верну тебе его. Мне, кажется, он важен для тебя...

— Нет, это мой подарок тебе, а подарки не возвращают, — улыбнулся он и вернул мне игрушку.

— Ты заставил нас поволноваться во время своего выступления. Я думал, поседею от ужаса.

— Да, есть такое, — ухмыльнулся он, — я сам думал, что меня расшибет в лепешку, но раз я жив, значит не время мне еще умирать, — он попробовал засмеяться, но его смех показался надтреснутым, как у больного человека.

— Кстати, как поживает Лана? — спросил я. — Надеюсь, ее побег тогда удачно сложился?

Его лицо помрачнело, и он сказал, что это слишком долгая история.

— Тут гостиница «Гранта» неподалеку отсюда. Я там с женой снимаю комнаты, завтра приходите на обед, — он начеркал на листке бумаги адрес и время. — Придете? Моя Софи как раз обрадуется, а то ей одиноко там, пока я выступаю.

— Конечно, придем. А разве твоя жена не ходит на твои выступления?

— Нет. Я запрещаю ей. Она беременна.

Договорившись с Германом, что мы завтра обязательно придем в гости, мы вышли на улицу.

— Как ты с ним познакомился? Ты собирался жениться на его сестре? — спросила меня Мария с едва уловимыми, но все же заметными нотками ревности, что не могло меня не порадовать. Я рассказал ей историю своего неудавшегося сватовства. Некоторое время она молчала, смотря себе под ноги, а потом серьезно произнесла: — Герману нужно быть осторожней.

— Почему?

— Потому что, если он постоянно использует дар старика, то это очень опасно.

— Почему опасно? Не понимаю...

— Понимаешь, то, что дал нам старик, это никак не может принести добро. Мне

кажется иногда, мой дар стремится уничтожить меня. И Герман сегодня чуть не погиб...

— Что ты такое говоришь? — испугался я. — Я ведь тоже, хоть и убедил себя, что благодаря своим стараниям получил знания, но я все равно каждый день использую его дар, и я не чувствую, что он как-то плохо влияет на меня.

— Не знаю, — прошептала она, — может, я ошибаюсь... Просто есть кое-что, о чем ты не знаешь, — начала она и тут же замолчала, быстро покачав головой, будто отмахивала дурные мысли.

— Что не знаю?

— Неважно, — она с нежностью заглянула в мои глаза, а я, подхватив ее, закружил в воздухе.

— Так что же ты хотела сказать? — воскликнул я, кружа ее.

— Я хотела сказать, что мне очень хорошо с тобой! — зажмурив глаза, смеясь, прокричала она, и я остановился.

— И мне очень хорошо с тобой, — и я сначала звонко чмокнул в ее красный от мороза нос, а потом поцеловал в губы.

6.

На следующий день я зашел за Марией, чтобы вместе отправиться к гостинице. Мария попросила подождать ее немного и побежала зачем-то к соседке. Я сел на свободный стул, напротив старого клеенчатого дивана, застланного пестрым покрывалом, на котором сидела Аля и читала книгу. Не поднимая головы, она сухо поздоровалась со мной и углубилась в чтение.

— Что ты читаешь? — решил спросить я.

— Книгу, — ответила она.

— А как называется?

— Идиот.

— Занятная книга. И как она тебе, нравится?

— Я только начала читать и мне уже отвратительны некоторые герои, — она с вызовом на меня посмотрела, прищурилась, будто что-то высматривала на моем лице, а потом неожиданно спросила: — А что вы хотите от Марии?

— Что хочу? — переспросил я. — Хм, не понимаю, почему у тебя возник этот вопрос. Мне нравится Мария.

— Вы думаете, она другим не нравится?

— Это бесспорно, но думаю, что я ей тоже нравлюсь. У нас взаимные чувства, — мне неловко было изъясняться перед ней, будто она выступала в качестве судьи и имела право рассуждать о наших отношениях.

— Да, вы ей нравитесь и очень нравитесь, раз она и дома перестала бывать, только с вами и ходит везде. Ведь раньше она проводила все свободное время со мной. Мы с ней семья, понимаете? Не вы, а я и Мария — это мы семья. И мы пообещали защищать и быть друг с другом всегда, и чтобы не случилось. Мария для меня — весь мой мир, я люблю ее больше, чем себя. И я никому не позволю обидеть ее.

— Почему ты решила, что я хочу обидеть ее? — воскликнул я, с удивлением смотря на Алю, которая все больше напоминала своими пылающими огнем глазами и длинными каштановыми волосами, разбросанными по плечам, дикую кошку.

— Потому что ее все стремились обидеть. Сначала ее муж, потом другие, в которых она

влюблялась. Все без исключения ее бросали, разбив ей сердце. Она даже говорила, что никогда больше не влюбится, говорила, что мы вдвоем проживем счастливо всю жизнь, и никто нам не нужен. Но теперь она забыла и о своих словах, и о своих страданиях, потому что появились вы. Но это ненадолго. Прошу вас, пока она не сильно вас полюбила, не мучайте ее. Вы же все равно ее бросите.

— Аля, я не понимаю, о чем ты говоришь! Меня не волнуют, кто там был у Марии, и я не собираюсь бросать ее или уж тем более причинять какие-то страдания.

— Она вам еще не сказала, почему ее бросил муж?

— Нет, мы об этом не разговаривали.

— Значит, она снова хочет наступить на те же самые грабли. Понимаете, она о вас только и говорит, я же вижу, как она влюблена, она будет очень страдать, — Аля с силой закусила губу и сжала пальцы в кулаки, словно принимала тяжелое решение, а потом выпалила: — У нее никогда не будет детей. Поэтому ее бросил муж, и из-за этого ее бросали другие, когда она им рассказывала правду. Она вас боится потерять, поэтому и молчит! Но вы должны знать, потому что...

Возле двери послышался шум, и мы резко провернули головы. На пороге стола Мария в бархатном сером платье, с завитыми в легкие локоны волосами и с безупречным макияжем, подчеркивающим ее глубокие серые глаза, изумленно распахнутые от услышанных слов.

— Как ты могла? — прошептала она и выбежала из комнаты.

— Мария, подожди! — крикнул я, но она невероятно быстро скрылась за дверью. Наспех накинув пальто и едва успев обуться, я побежал за ней.

— Что тебе нужно? — закричала она, когда мне удалось настигнуть ее. — Теперь ты все знаешь и уходи, просто уходи. Просто оставь меня.

— Нет, я тебя не оставлю, — сказал я, сжимая ее в своих объятиях. — Я тебя никогда не оставлю, и знаешь почему? — я приподнял ее заплаканное лицо, чтобы она посмотрела в мои глаза. — Потому что я так долго тебя искал. Потому что ты самое дорогое, что есть у меня в жизни. Потому что я хочу прожить с тобой всю свою жизнь. Потому что я тебя люблю. И как, скажи мне, можно оставить тебя из-за такого пустяка?

— Разве это пустяк? — всхлипнула она, разглядывая мои глаза, будто не верила.

— Для меня это пустяк. Для меня это ничего не значит. Самое важное для меня во всем мире — это тот человек, которого я сейчас обнимаю.

Она еще сильнее расплакалась, и мы долго стояли, обнявшись, посреди улицы, не в силах расцепиться, словно были намертво слеплены невидимой рукой.

Мария решила не возвращаться домой, а сразу направиться к гостинице. По пути мы купили цветы для жены Германа, фрукты и вино. Герман, одетый в брюки и светлую рубашку, приветливо встретил нас и провел в светлые, уютно обставленные, гостиничные комнаты, где уже стоял накрытый белоснежной скатертью стол.

Жена Германа, совсем молодая девушка, от силы лет восемнадцати-девятнадцати, с тонкими чертами лица и русыми волосами, собранными в небрежный пучок на затылке, поприветствовала нас. Она была одета в широкое простое платье на пуговицах, подчеркивающее ее огромный выпирающий живот, который сильно контрастировал с ее общим хрупким и изящным телосложением, от чего казалось, что живот в любой момент может лопнуть, как воздушный шарик.

— Восьмой месяц, — добродушно пояснила она, заметив наши изумленные взгляды, — говорят, будет двойня, а мне кажется, что не меньше тройни. Вы извините, что я в таком

виде, сейчас сложно подобрать что-то приличное. Я так рада, что Герман встретил старого друга, а то порой бывает так скучно, и поговорить не с кем.

Во время обеда Герман рассказал, как он познакомился в цирке с Софи в прошлом году, когда она выступала в воздушной акробатике. Не больше месяца им понадобилось, чтобы понять, что они любят друг друга и хотят пожениться.

— Я поправлю, это он знал, что хочет сделать мне предложение, — улыбнулась Софи, обращаясь ко мне и Марии, — я же ни о чем не догадывалась. Я думала, что все это несерьезно, ну, в самом деле, ведь за ним бегали все акробатки, гимнастки, клоунессы и даже сам директор цирка.

— Вот уж не думал, что ты сомневалась во мне! — притворно воскликнул Герман, шутливо грозя пальцем жене.

Мария улыбалась, наблюдая за милой перебранкой влюбленных супругов, а меня не покидало чувство, что что-то было не так. Не видно было по бледному лицу Софи и ее болезненным, уставшим глазам, под которыми залегли синеватые круги, что она счастлива в семейной жизни.

Герман продолжил рассказ о том, как ему удалось построить карьеру известного циркового силача. Благодаря невероятной выносливости и силе с ним не мог конкурировать ни один атлет, так что вскоре он стал главной звездой цирковых программ, и каждый цирк мечтал заполучить его в свой штат на постоянную работу. Ему предлагали огромные гонорары за выступление, зрители требовали продавать все больше и больше билетов на шоу «Силача Джонни». Герман гастролировал по всей стране и зарубежом. И когда он познакомился с Софи, решил, что пора купить уютный дом в столице для жены, но сам он не намеревался оседать на одном месте и продолжил ездить по городам, а Софи слишком одиноко было оставаться одной в доме, и она путешествовала с ним.

— Да, Герман не разрешает мне приходить на его выступления, — заметила она с какой-то горечью в голосе, стараясь не смотреть на мужа, — боится, что я рожу раньше времени. Он даже не рассказал мне, как вчера прошел его номер. Я знаю, он каждый раз выдумывает все новые и новые трюки, которые не под силу обычным людям. И хоть мы все знаем, что Герман не совсем обычный, я беспокоюсь за него, кто знает, чем может обернуться очередной его запредельный номер. Я даже боюсь, что ему как-нибудь взбрдет в голову поднять слона.

Герман молчал, пока мы втроем шутили про поднятие слонов, и с силой жевал мясо, отчего его желваки угрожающе вздулись.

— Если мне нужно будет поднять слона, я его подниму, — холодно сказал он, бросая на жену мрачный взгляд. — Благодаря вот этим запредельным трюкам, мы ни в чем себе не отказываем и живем так, как многие не могут себе позволить. Так что тебе следовало бы сейчас помолчать, а не насмехаться над моей работой. Твое дело сейчас думать о детях.

Софи вздрогнула, как от пощечины, и еще больше побледнела.

— Но я не насмеялась, я просто пошутила, — она попыталась оправдаться, но столкнувшись с глазами мужа, беспомощно опустила голову и начала нервно мешать еду в тарелке.

За столом повисло неловкое молчание, и Мария, чтобы сгладить обстановку начала рассказывать о своей работе в интернате.

— У вас непростая работа, — заметил Герман. — Скажите, Мария, только честно, как вы сами считаете, какой процент из ваших воспитанников исправится?

— Это довольно сложно сказать, но приблизительно, я думаю, где-то пятьдесят на пятьдесят.

— Значит, пятьдесят процентов останутся негодьями, ворами и разбойниками, а некоторые станут насильниками и убийцами. Что ж, неплохой результат. И как вы считаете, доброта, проявленная к ребенку, может излечит его душу, изгнать из него злобу?

— Непростой вопрос, — вздохнула Мария, — я постараюсь ответить на него предельно честно. К сожалению, по моему опыту, нет. Например, я не могу, как бы ни старалась и как бы ни хотела, заставить кого-то быть добрым. Это невозможно. Некоторых детей невозможно заставить проявлять сострадание, заботу и теплые чувства к живым существам. К сожалению, эти дети ничего не осознают и не поймут. Они не поймут ценность жизни другого человека, свободу личности и неприкосновенности.

— Так, а почему тогда так происходит? Откуда берется в них зло? — спросил Герман, внимательно рассматривая лицо Марии.

— Я думаю, что люди уже рождаются с ним, и в большинстве случаев, это не зависит от жизненных обстоятельств. Дети из одной семьи, пережив одинаковое количество горя, лишений и страданий, могут стать разными людьми. Кто-то озлобится на мир и будет творить зло, часто даже похуже, чем он сам видел, а кто-то останется добросердечным и сострадающим. Все наши качества уже заложены при рождении. Просто дальше со временем они будут раскрываться.

— Я с вами полностью согласен, — кивнул Герман и продолжил: — А может у вас есть какой-нибудь жизненный пример на ваши слова?

— К сожалению есть. Я выросла в семье с тремя младшими братьями, и как бы я не пыталась, у меня не получалось найти с ними контакт. Если с самым младшим еще не так все плохо было, то близнецы старательно пили мою кровь, — она усмехнулась, стараясь приободриться. — Моя семья считалась по общим меркам и правилам, вполне обыденной, хотя мой отец был пьяницей, но это никого не удивляло. Моя мать рано умерла. Я не знаю, что послужило причиной ее смерти, но отец ее ненавидел, и после ее смерти вся его ненависть вылилась на меня. Мою мачеху он любил, также он, хоть и никогда не занимался воспитанием братьев, любил и их. Во всяком случае, он никогда их не бил и не ругал. После некоторых трагических событий в моей семье, я и братья остались сиротами, и на достаточно долгое время я заменила им мать. К сожалению, несмотря на всю мою опеку, поддержку и помощь, братья продолжали меня ненавидеть, как, собственно, и других детей, которые были слабее их. Братья не признавали дружбы, боли и не знали сострадания. Они часто избивали других детей, особенно тех, кто был неплохим и добрым ребенком. Негодяев они не трогали. Они были как стая лютых зверей, признававших только себе подобных. У них врожденная ненависть к доброте и любовь к злу.

— Благодарю, Мария, вас за ответ. Можно последний вопрос? Как вы считаете, что можно сделать, чтобы усмирить зло засевшее в таких людях, чтобы оно там же и оставалось и не искало выхода наружу?

— Мне кажется, что в этом вся и суть зла: оно всегда ищет выход. И чтобы мы не предприняли, ребенок, родившийся с отсутствием добра, к сожалению, обречен, только он этого не поймет. Как что-то можно понять, никогда не имея этого? Такой человек никогда не поймет страданий, причиняемых им другим. Единственным выходом является выработка у такого человека реакции: если ты причиняешь боль, то в ответ, незамедлительно, получаешь боль, соразмерную той, что ты причинил. Но, к сожалению, природа зла, жажда

крови всегда будут таиться внутри, и все это вырвется снова. Это только вопрос времени.

Я заметил, как нездорово блестели глаза Марии, и как она смотрела на Германа, в глазах которого отражался такой же нездоровый блеск. Они поняли друг друга в этом разговоре намного больше, чем я и Софи.

— Спасибо за столь честные слова, я признателен вам, — сказал Герман. — Я рад, что встретил человека, который не боится говорить правду. Моя жена, к сожалению, не понимает моих рассуждений.

— Но я не вижу смысла в подобных разговорах, — ответила Софи. — Зачем разговаривать о зле? Почему бы просто не жить счастливо и не говорить о любви, о предстоящих праздниках, о чем-то радостном и счастливом?

— Потому что мы не имеем права закрывать глаза на происходящее вокруг нас. Посмотри, сколько на улице озлобленных людей, сколько жестоких и чудовищных детей, которые скоро станут взрослыми и будут своими руками уничтожать все доброе, до чего могут прикоснуться? Сколько подобных людей породят себе подобных? Ты уверена, что наши дети не родятся такими?

Софи покраснела и, не скрывая свое возмущение от слов мужа, сказала:

— Я уверена, что мои дети будут порядочными людьми, потому что я постараюсь их воспитать, я приложу все свои силы.

— Ты попытаешься, но будет ли иметь это смысл, если они родятся с червоточиной внутри! — Герман несильно стукнул кулаком по столу, но даже этого хватило, чтобы стол жалобно задрезжал. Он встал со стола, накинул пальто на плечи и направился в другую комнату. — Извините, я что-то разгорячился, схожу на балкон, проветрюсь.

Я вышел за ним. Он стоял на балконе, облокотившись на стену, и курил.

— Разве спортсмены курят? — спросил я.

— Хм, обычно не курю, только в последнее время что-то стал. Софи увидела недавно, и у нас снова случился скандал. Будешь? — он вытащил сигарету, и я согласился.

— Вы, похоже, не очень ладите с ней.

— М-да, так и есть, — Герман наклонился и посмотрел вниз: там суетились и громко смеялись люди, пребывая, очевидно, в легком подпитии. — Мы стали часто ссориться. Она, несомненно, любит меня, но не понимает и боится. И правильно делает. Потому что я сам себя боюсь.

— Герман, что происходит? — спросил я, глядя в его темно-карие глаза, чем-то похожие на глаза раненого животного, находящегося в приступе агонии.

Он горько ухмыльнулся, вздохнул и затянулся сигаретой.

— Хочешь знать, что со мной происходит, мой старый друг? Хорошо, я скажу, что происходит. Я превращаюсь в монстра. Да-да, не смотри на меня так. У меня не отрастают клыки, шерсть или хвост, я не вою по ночам на луну, и не высасываю кровь из людей. Я становлюсь монстром внутри себя. Каждый день я просыпаюсь и прислушиваюсь к себе, боясь, что внутри меня появится голос, призывающий убить. Я боюсь, что зло, сидящее внутри меня, однажды станет сильнее, и я не смогу ничего с ним поделать. И я просто убью свою жену и детей.

— Что ты такое говоришь? — испугался я.

— Вот то и говорю, что есть. Думаешь, почему я придумываю все эти немислимые атрибуты и трюки? Да чтобы загонять себя, как зверя, чтобы у меня не было ни сил, ни мыслей, ни желаний. Там, на арене, я воюю, как гладиатор. Это для меня необходимость, а

иначе... иначе я не знаю, что со мной произойдет. Я боюсь причинить Софи зло. Я люблю ее, но эта злоба к ней... — Герман сжал кулак и с ненавистью начал разглядывать его, словно там, внутри кулака, было все плохое, что мучило его, — эта беспричинная злоба раздрает меня изнутри. Что мне делать, друг? Ведь и ты и я знаем откуда все это взялось. Ведь я должен был подохнуть еще тогда, тринадцатилетним тощим и больным ребенком. Сейчас я живу и имею всю эту силу только благодаря, черт пойми, откуда-то взявшемуся старику. А ты задумывался, что он дал? Он дал нам возможность жить, но для чего? Может для того, чтобы потом, когда вырастем, чтобы мы совершили, что-то плохое? Мы могли просто умереть добрыми, наивными, не познавшими жизнь детьми, никому не совершившими зла. Мы были как ненужная шелуха для этого мира, которым заранее было предписано отыграть свою ничтожную роль и умереть. Знаешь, что я понял? Он вместе с даром и возможностью жить, посадил внутрь нас свою личинку. Зло! Зло он посадил, и теперь он требует свою дань, — он затянулся и, выпустив в холодный воздух кольцо дыма, внимательно посмотрел на меня. — С тобой что-нибудь подобное происходит?

Я отрицательно покачал головой.

— А как же твой дядя, что с ним случилось? — спросил он.

— Он умер, но это совсем другое дело, — сказал я, видя, что Герман с сомнением смотрит на меня.

— Да, как же, я помню... — усмехнулся он и продолжил: — Тогда, после твоего отъезда, старик больше не появлялся в нашем доме. Как только ты уехал, я сразу почувствовал, что он тоже ушел. Он словно был там только потому, что дожидался тебя. Мать с бабушкой вернулись домой только через месяц, когда Калининский был продан. Лану отец так и не нашел, но она все время тайно отправляла нам письма, так что мы знали куда она направилась. Мать все время просила ее вернуться, но она и слышать ничего не хотела. Она уже отправилась в столицу вместе с этим чертовым Давидом, — Герман со злостью сплюнул. — Там они и поженились. Только вот Давид оказался не тем, за кого себя выдавал. Лана писала, что занялась какой-то деятельностью, о которой нельзя было говорить, но мать навела справки, что сестра попала в какую-то преступную группировку, а Давид просто использовал ее в своих целях. Я всегда думал, что Лана слишком умная, чтобы попасться на такой крючок, но она, к сожалению, полюбила не того человека. Всех их потом поймали и судили. Мы ничем не могли ей помочь. Ее отправили в тюрьму на семнадцать лет, куда-то очень далеко. На тот момент она была беременна. Последнее ее письмо было отправлено из какого-то городишки, где она была во временном тюремном пункте. Она писала, что заболела и прощалась с нами. Бабушка очень переживала за нее и одним утром просто не проснулась. Мать поехала в тот город разыскивать сестру, но там след Ланы пропал. Сказали, что сестра умерла в дороге от воспаления легких, но это не точно было, потому что никаких официальных подтверждений ее смерти не было. Лана просто исчезла. Вот такая вот история...

Герман достал из кармана еще по одной сигарете.

— Мне очень жаль, что так случилось, — я попытался выразить сочувствие, понимая, что оно ничем не поможет, и Герман, замутненными глазами глядя вдаль, на крыши домов, продолжил:

— В этот период мы полностью разорились. Отец, как обезумевший стал пропивать последние деньги и тратить их на дешевых проституток. Мать слегла: трагедия Ланы ее сильно подкосила. Отец потом ушел к одной из своих шлюх, оставив мать практически без

ничего. Я досматривал за ней последний год. Хорошо, что тогда я уже зарабатывал неплохие деньги. А потом я остался один. Так, вот, что я скажу тебе, Иларий, старик этот не помогал нам. Он просто дал нам отсрочку. Он уничтожил твою семью, мою семью. И чтобы ты сейчас не сказал, я знаю, что все, что произошло, это дело его рук. Если мне суждено было умереть в детстве, так лучше бы я умер, чем, нежели то, что случилось с моей семьей. Наши дары — это проклятье, они будут стремиться нас уничтожить любыми путями. Мой дар внушает мне ненависть к Софи, но он знает, что я не позволю ей причинить боль, поэтому уя быстрее убью себя сам, прежде чем он возымеет надо мной силу.

— Прошу тебя не надо, Герман, — я дотронулся до его руки, — ты можешь ошибаться, ты не думал об этом? Что, если нет никакого проклятия, а все случившееся просто стечение обстоятельств? Ведь наши семьи не были идеальными. Все произошло так, потому что в них изначально было что-то неправильное, которое просто ждало своего выхода. Ты можешь ошибаться, потому что ни у меня, ни у Марии нет никаких злых мыслей. Мы наоборот наконец-то встретились друг с другом, и наша только жизнь начинает налаживаться. Может, ты просто устал и тебе нужно отдохнуть от бесконечных выступлений?

— Ха! — воскликнул он, — так значит Мария тоже из наших? Отчего-то я сразу так и решил, слишком она похожа на меня, мыслит так же. А вот ты — другой. Ты точно знаешь, что у нее нет дурных мыслей, что ее ничего не тревожит? Может, она убивает плохих детишек в своем интернате?

— Герман, все, что ты говоришь, это чересчур.

— Ладно, ладно, чересчур, — горько усмехнулся он, — можешь считать и так. Только вот спроси ее хорошенько. Уверен, в ее шкафу найдется скелет, о котором ты не знаешь. Ладно, этот разговор пора заканчивать. Напоследок скажу, что это существо, этот чертов дедушка Кир, поселившийся тогда в моем доме, просто так от нас не отстанет. Ты когда-нибудь видел, как в кукольном театре, дергая за нитки, управляют марионетками? Так вот, я думаю, мы для него и есть куклы, а он кукловод. Знаешь почему? Я не должен был приезжать в этот город. Я никогда сюда не приезжал, потому сын директора вашего городского цирка сам выступает в таком же жанре, как и я. Его папаша никак не мог допустить, чтобы кто-то составил конкуренцию своему отпрыску, да только вот сынок его, поговаривают, за пару месяцев до этого заболел странной болезнью и исчез из дома. Пропал. А мне потом позвонили и за двойной гонорар попросили приехать на замену, чтобы кассовые сборы не провалились. Так что вероятность нашей встречи была близка к нулю. Понимаешь, о чем я?

Он затушил сигарету и собрался уходить.

— Герман, не делай этого, — повторил я.

— Не буду, — он криво улыбнулся. — Я слишком слаб духом, чтобы убить себя.

7.

Из гостиной мы выходили в подавленном настроении: званый дружеский обед оказался совсем не таким, как мы представляли, слишком многое он всколыхнул в душе.

— Я хочу задать тебе один вопрос, прошу, только ответь мне честно, — попросил я Марию, когда мы медленно брели вдоль набережной.

Она переменялась в лице и осторожно сказала, что ответит честно на любой вопрос.

— Скажи, у тебя есть какие-нибудь странные, нехорошие мысли? Например, что ты желаешь кому-то зла или думаешь о чем-то плохом, ужасном?

— Нет, у меня нет таких мыслей, — покачала она головой и нахмурилась. — Почему ты об этом спрашиваешь?

— Да так, просто Герман думает, что старик виноват в том, что с ним происходит, будто его дар внушает ему плохие мысли. А как ты думаешь, наша встреча — это случайность, счастливое совпадение? Ведь все так странно произошло: ты написала стихотворение, принесла его именно в мою редакцию, меня обокрал мальчишка из твоего интерната, и ты была как раз в тот момент рядом.

— Я не знаю. Мне кажется, это просто счастливое совпадение. Даже, если в этом кто-то и замешан, кто-то нами управляет, то разве мы не стали счастливы из-за этого? — она улыбнулась, прижалась ко мне и прошептала: — Я не хотела бы жизни без тебя.

— И я тоже. Ты права, все это не имеет значения, главное, что мы вместе, мы рядом.

На улице царила предпраздничная веселая суматоха и я, поддавшись ей, схватил Марию за руку и, сказав, что хочу устроить ей сюрприз, привел на ледовый каток. Она, как и я, никогда раньше не каталась на коньках, поэтому мы оба, вцепившись друг в друга, неуклюже переставляя ноги, вышли на лед, и не прошло и пары минут, как мы упали. Потом поднялись, едва прокатились круг, хохоча до боли в животах, и снова упали. Люди смотрели на нас, как на безумных, а мы, не переставая смеяться, катились, падали и валялись на льду, словно лед был нашей постелью.

— Я хочу быть с тобой, сегодня... — прошептала она, глядя мне в глаза, — только нужно заехать домой, предупредить Алю, чтобы она не волновалась.

Мы, не сговариваясь, одновременно подскочили, добежали до остановки, запрыгнули в трамвай и поехали домой к Марии.

Походя к дому, она заволновалась.

— В окнах не горит свет, — прошептала она.

— Может, она уже спит?

— Нет, она бы не легла спать, не дождавшись меня.

В доме Али не оказалось. Мария заглянула во все комнаты и рассмотрела все места, где девочка могла бы оставить записку о том, куда она ушла, но ничего не было.

— Может она просто гуляет где-нибудь? — попытался я предположить, но Мария категорически возразила:

— Гуляет? Сейчас уже десятый час! Где может гулять пятнадцатилетняя девочка одна ночью? На улице сейчас ходит столько пьяниц, столько опасных людей, что если с ней что-то случилось? О, боже, она ушла, потому что я с ней не помирилась. Мы же никогда раньше не ссорились.

— Подожди, рано думать о чем-то плохом. Может, она у кого-то из ваших соседей сейчас?

Мария сорвалась и побежала к соседке, но та сказала, что Али у нее нет и к ней она сегодня не приходила. Мы обошли еще несколько домов, но там также не было девочки.

— У нее есть какие-нибудь родственники, подруги? — перебирал я все варианты, желая хоть немного ослабить беспокойство все сильнее овладевавшее Марией.

— У нее нет никого кроме меня. Я единственный ее близкий человек. Аля дружит только с одной девочкой, с Лизой, но она живет далеко отсюда, вряд ли она пошла бы к ней, не оставив записку.

— Нам все-таки нужно съездить к этой Лизе.

Но когда мы приехали туда, женщина в бигудях, открывшая на дверь, сказала, что ее

дочь Лиза уже спит, и Аля к ней не приходила сегодня.

У нас оставалась надежда, что во время нашего отсутствия Аля вернется домой, но по приезду дом по-прежнему был пуст. Мария ходила по комнате, как загнанный зверь, поминутно бросая взгляд на настенные часы, и на каждое мое успокоительное слово, о том, что Аля могла где-то задержаться, резко отвечала: «Нет!».

— Нет, она не могла просто так куда-то уйти, не оставив записку. Она не гуляла никогда так поздно. Нет, Аля не могла так поступить со мной, и так заставить волноваться. Вдруг с ней что-то случилось? А я даже не знаю, где ее искать! Это все я виновата, я виновата, — бормотала она, чуть ли не ломая пальцы на руках, стискивая их до посинения, — я не должна была уходить, не помирившись с ней. Боже, если с ней что-то случится, я умру! Моя девочка, вернись, пожалуйста...

Когда стрелки часов показали полдвенадцатого, Мария не выдержала: она бросилась ко мне в объятия и зарыдала. Я сам уже не знал, чем ее утешить, так как понимал, действительно могло что-то случиться плохое. Нам оставалось только дожидаться утра, чтобы идти в полицию. Мои размышления, в которых невольно всплывали жуткие картины о том, что может произойти с юной девочкой ночью в городе, и всхлипы Марии, прервал тихий, но настойчивый стук в дверь.

Мария встрепелась, подскочила и бросилась к двери.

— Аля! — вскрикнула она, распахивая дверь. — Я так переживала, где ...

Ее голос оборвался: за дверью стояла совсем не Аля, а молодой парень, лет девятнадцати, одетый в потрепанное пальто и фуражку на меху. Его лицо было с заострившимися чертами и с такими выпирающими скулами, словно их вылепил неумелый скульптор, а потом неловко подрезал, отчего они стали походить на край острой бритвы.

— Доброй ночи, Мария, — сказал он глухим, простуженным голосом. — Я тебя, наверное, потревожил, но я должен был прийти.

— Здравствуй, Фима, — испуганно ответила она.

— Я по делу пришел, — сказал он, и Мария нервно посторонилась, приглашая в дом.

— Нет, — покачал он головой, — я только пришел предупредить тебя. Дарко вернулся. Он вчера ко мне приходил, пытался разузнать, где ты живешь. Я сказал, что не знаю, что, скорее всего, ты уехала из этого города, но, мне кажется, он не поверил. Он будет искать тебя. Будь осторожна.

Не дожидаясь ответа, он быстро исчез в темноте, будто его и не было. Мария закрыла дверь, и я успел подхватить ее, когда она побледнела до невозможности и, пошатнувшись, едва не упала на пол. Отнеся ее на диван, я укутал ее в одеяло, так как она сильно дрожала.

— Кто это был? — спросил я.

Она вцепилась руками в волосы и отказывалась отвечать. Несколько минут я пытался до нее достучаться, прежде чем она сказала, что это был ее брат.

— Ты говорила, что ни с кем из братьев не общаешься?

— Иларий, я боюсь, — она подняла голову, и я увидел ее блестящие широко распахнутые глаза, в которых разрастался дикий огонь страха, — боюсь, что он убил Алю.

— Кто убил? Что хотел твой брат? Я ничего не понимаю.

— Я боюсь, что Дарко убил Алю.

— Кто такой Дарко, почему он может убить Алю? Мария, ты слышишь меня? — я чувствовал, что начинаю выходить из себя. — Если тебе есть, что рассказать, то самое время это сделать.

— Я не могу тебе рассказать, — прошептала она, — ты считаешь меня чудовищем.

— Мария, прошу, ради твоего же блага, расскажи мне все! Я никогда не посчитаю тебя чудовищем, что бы ты ни сделала. Я должен знать, что произошло, чтобы понять, как помочь во всей этой ситуации.

Слезы редкими мелкими бусинами стекали по ее щекам, и ее глаза казались мне тогда навечно застывшими.

— Мы были в приюте, — начала она, слегка покачиваясь из стороны в сторону, — когда это произошло. Мне было семнадцать: это был мой последний год там. В приюте были разные здания для мальчиков и для девочек, но там был один общий двор и заваленная всяким мусором площадка за зданиями. Там прятались, играли, и также там курили, били малышня и творили все мерзости, на которые только способны дети. Дарко и Леон, мои братья близнецы, были в одном приюте со мной. Они были там главарями: крепкие, сильные, как отец, и такие же жестокие. Несмотря на свою юную оболочку, это были два взрослых монстра, быстро осознавшие свою силу. Они постоянно над кем-то издевались, запугивали, чтобы дети молчали, обещая устроить сладкую жизнь. Хотя можно было никого и не запугивать, воспитателям и так было все равно на нас, даже если бы всех нас и перерезали там. Они всегда говорили, что нас слишком много. И если кто-то помрет, то так будет лучше: освободится место для следующих детей, потому что нас, нищих сирот, слишком много в этом мире, и всех невозможно прокормить.

Меня братья не трогали, потому что не могли, а я, пользуясь своей способностью, постоянно спасала очередную их жертву. Они слушались меня и не понимали, почему выполняют мои указания, и страшно злились, их просто распирало от ненависти ко мне. Однажды я увидела, как близнецы потащили на заднюю площадку одного мальчика. Тот мальчик был тихий, забитый и никому ничего плохого не делал. Он просто заикался, и у него были странные зубы, торчавшие вперед. Этого было достаточно, чтобы он постоянно жил в страхе. Когда я туда пришла, они уже творили мерзости. Я не хочу говорить, что они делали. Это было чудовищно. Они тогда отпустили его, но вскоре этого мальчика нашли лежащим на заднем дворе, голым и избитым. Все знали, кто это мог сделать, но все боялись говорить. Только я сказала, что это были мои братья, я говорила, что они опасны, что их нужно изолировать, но директор приюта сказал мне заткнуться, а иначе он переведет меня в самый страшный интернат для психически больных детей, откуда просто невозможно было вернуться в здравом уме. Но даже это меня не испугало: я орала и требовала, чтобы братьев вышвырнули из интерната, так как они монстры. Меня заперли на две недели в карцере, чтобы я пришла в чувство. В тот же день, когда я вышла и мне позволили выйти во двор, кто-то из детей подбежал ко мне и сказал, что один из моих братьев забрал котенка, недавно приблудившегося к интернату, и понес его на задний двор. Я побежала туда, и там был Леон. Котенок жалобно кричал, а у меня просто помутнело в голове. Это было наваждением. Я приказала брату отпустить животное и подойти к огромной жестяной бочке, которая тогда была доверху наполнена дождевой водой. Я сказала, чтобы он опустил туда свою голову. До сих пор помню его ошеломленное лицо, как он посмотрел на меня, как испуганно начал мотать головой, понимая, что я не шучу. А я сказала ему: «Засунь в воду свою гнилую, протухшую голову и держи ее там, пока не сдохнешь!».

И он сделал это. Я видела, как трепыхалось его тело, будто его било током. Оно было таким беспомощным, и мне тогда нравилось, как оно трепещется, будто гадливое насекомое, попавшее под банку. Я тогда только и шептала: «Умри, умри, умри». Когда Леон затих, я

обернулась и увидела Дарко. Не знаю, что он слышал и видел, я знаю, только одно, если бы он помешал мне, я бы и его убила. Мне кажется, он это понял и испугался за свою ничтожную жизнь, так как сразу убежал. Когда все узнали, что Леон так нелепо погиб, у всех детей был настоящий праздник. А Дарко затих, больше он ни над кем не издевался, он дожидался, когда я покину интернат. В мой последний день, когда я собиралась уходить, ко мне подошел один мальчик и отдал записку. В ней было написано: «Когда-нибудь я убью тебя». Конечно, я сразу поняла, что это был Дарко.

Когда я уже работала в своем интернате, туда по распределению попал Фима, младший брат. Он, конечно, тоже не был ангелом: воровал, обманывал, дрался, но в нем не было этой лютой злобы и желания причинять боль другим. Фима мне рассказал, что Дарко все-таки отправили в колонию для несовершеннолетних. Там он кого-то убил, и оттуда его уже отправили в тюрьму. Все остальное ты уже знаешь, — она подняла на меня глаза, в которых читалось ожидание приговора. — Дарко вернулся, чтобы мстить мне, а у меня нет больше над ним власти. Я боюсь, что он уже нашел меня. Боюсь, что он что-то сделал с Алей, чтобы отомстить мне. Боже, Иларий, знаешь, о чем я жалею? Что не убила тогда и Дарко, когда была возможность! Я бы избавила этот мир хотя бы от еще одного подонка. И что ты скажешь на это? Смотри, какая я! Я чудовище! Ты боишься меня? Ведь я убила своего брата и несколько об этом не жалею, и убила бы еще одного, если у меня была бы такая возможность! — она была в исступлении.

— Ты не чудовище, не говори так. Мы найдем Алю. Я уверен, с ней все в порядке, — говорил я, крепко обнимая ее и пытаюсь хоть немного успокоить.

С улицы раздался шум, похожий на легкое брэнчанье, будто к дому подъехала повозка и остановилась. Мы с Марией переглянулись и побежали к двери. Со старой телеги, остановившейся возле дома, слезила Аля, закутанная в огромный шерстяной платок. Какая-то полная женщина, управлявшая лошадей, махнула девочке на прощанье и тронула поводья. Мария в не себя от радости бросилась к Але и заплакала вместе с ней.

— Мария, прости меня, пожалуйста, — захлебывалась Аля слезами, когда мы зашли в дом, — я не хотела ничего плохого говорить, я не хотела тебя обижать. Ты, когда ушла, мне было так плохо за мой поступок. Я не знала, что мне делать, я думала, ты меня теперь бросишь.

— Что ты, что ты... — бормотала Мария, обнимая ее и не переставая гладить по голове. — Как ты могла так подумать? Ты же моя родная девочка, я никогда тебя не брошу. И не думай никогда так больше! Боже, я чуть с ума не сошла. Где ты была?

— Я решила прогуляться вечером, все ждала-ждала тебя, а тебя все не было, и я решила, что ты ушла навсегда, — плакала Аля, — а я просто пошла по улице и только и думала, как я поступила с тобой гадко и подло. Прости меня, прошу... Я не помню, как я дошла до реки. Я шла по берегу, и у меня на глазах маленький мальчик провалился под лед. Он кричал и плакал, а там больше никого не было. Я попыталась ему помочь и сама провалилась, успела только вытолкнуть его на лед, а сама никак не смогла выбраться. Мальчик побежал звать на помощь. Прибежала женщина с мужчиной, они и вытащили меня, я вся промокла, мне было очень холодно. Эта женщина забрала меня к себе домой и там согрела, высушила вещи и вот платок дала. Это она меня привезла домой.

— Господи! — воскликнула Мария в слезах, — ты же могла утонуть, замерзнуть! Я даже не поблагодарила эту женщину... Девочка моя, ну как же так? Слава богу, что ты в безопасности, что ты жива, я уже думала, что потеряла тебя.

— Мария, ты меня не бросишь? У меня же никого кроме тебя нет, — Аля разрыдалась еще сильнее. — Я эгоистка такая, думаю только о себе. Мне так было страшно, что ты выйдешь замуж и бросишь меня, что я тебе уже не буду нужна, что я буду лишней.

— Нет-нет, дорогая моя, ты никогда не будешь для меня лишней. Ты частичка моего сердца! Ты моя душа и моя жизнь! Ты всегда будешь со мной, где бы и с кем я ни была! Никто не заменит мне тебя, никто. Мы с тобой столько пережили вместе, и мы вместе будем жить долго-долго! Мы всегда будем вместе, вот посмотришь.

Они крепко держались друг за друга и плакали. Две частицы одного целого — хрупкая Мария со светлыми волосами, напоминающими лето, и высокая Аля с вьющимися каштановыми волосами, заплетенными в тугую косу. Они были такими разными и одновременно невероятно схожими в своей любви друг к другу.

Я больше не мог присутствовать при разговоре, касающемся только их двоих. Они были теперь в своем мире, где больше никого не было, и меня в том числе. Мне нужно было уходить. Я оделся и незамеченным вышел из дома.

На улице пошел снег.

8.

Все воскресенье я провел, не выходя из дома: лежал на кровати, курил сигареты, листал газеты и журналы, которые мне были неинтересны. Пробовал почитать книгу, но все время ловил себя на том, что прочитав страницу, я ничего не понимал. Я возвращался в начало, снова читал и снова не понимал. Страницы расплывались передом мной в огромное озеро жизни, по которому на уютной лодке плавали Марией с Алей, а я стоял на берегу, смотрел, как им было хорошо без меня, и все задавался вопросом — а было ли мне место в жизни этих двух людей? Имел ли я право вторгаться в их мир? Я собирался занять место Али возле Марии, а она больше имела права на нее, чем я, ведь я был просто чужаком...

Весь день я провел в размышлениях, и уже горькое предчувствие подсказывало, что предстоящие праздники мне придется провести в одиночестве. Который год в одиночестве...

В последний уходящий день года я проснулся рано утром и решил зайти в пустующую редакцию: разобрать какие-нибудь письма, бумаги и вообще хоть чем-нибудь занять себя, только лишь бы освободить голову от одолевавших меня мыслей. Когда я заходил, из своей каморки выглянул улыбающийся Гевор.

— А я смотрю в окошко, и вы идете! Чего это вы сегодня на работу решили заглянуть? Разве сегодня ваши работают? А я-то уж протопил у вас, но не так сильно...

— Нет, Гевор, это я сам по себе решил заглянуть. Никого больше не будет.

— А чего так? Неужто много работы?

— Нет, просто дома одиноко.

— А с семьей-то хоть будете праздновать праздник-то?

— Да уж какая семья? Один буду.

Он неодобрительно покачал головой.

— Эх, ладно я-то, хрыч старый, это я сейчас живу один, да в вашем возрасте у меня семья была, я и думать не мог, чтобы в праздники один оставаться.

— Какая разница, Гевор, что я сейчас один в свои годы, что вы в свои. Все мы рано или поздно придем к одному и тому же — мы родились одинокими, мы и умрем одинокими.

— Эх, а то и верно! — он махнул рукой. — Какая разница.

В редакции я взял со стола пачку непросмотренных писем, зажег сигарету и сел в

кресло. В этой неинтересной и незначимой мне макулатуре я увидел одно письмо со знакомым почерком. Письмо было из Холмов. Я открыл конверт и там, помимо тонкого листка бумаги, лежала открытка с изображением ангела среди снега. На ее обратной стороне корявыми печатными буквами было написано: «Дорогому дяде Иларию. С Рождеством Вас! От Дани и Тай». От досады я стиснул зубы: я ведь совсем забыл их поздравить.

Я развернул листок бумаги.

Дорогой Иларий!

Поздравляем тебя с Рождеством Христовым!

Уже пять месяцев от тебя не было писем, и мы не знаем, как ты поживаешь в своем городе. Надеемся, что у тебя все хорошо, что ты находишься во здравии и добром расположении духа. В Холмах все по-старому. Виктор много работает, и у него все ладится и получается. Даня и Тая уже учатся писать. Они очень сообразительны и все схватывают на лету. Сильно шустрые и смышленные. Бегают, всем интересуются и везде суют свой нос, только и успевай за ними присматривать. Ясиньке постоянно надоедают, лезут на кухню, а она ворчит и сердится на них, но при этом очень их любит.

Мы все очень скучаем по тебе и ждем, когда же ты хоть ненадолго бросишь свою работу и наведишь нас. Приезжай по весне-лету. Я и Виктор все время молимся за твое здоровье и за то, чтобы ты обрел свое счастье, как и мы. Очень надеемся, что ты приедешь к нам в гости уже со своей невестой или женой, а может, уже и с ребенком.

С нетерпением ждем от тебя хоть небольшой весточки. Помни, мы твоя семья, а ты всегда наша семья.

Храни тебя Бог!

С любовью, навсегда твоя Сойка.

Вряд ли бы я удержал подступающие слезы, если бы в дверь не постучали. Подумав, что это Гевор за чем-то решил зайти, я крикнул, что дверь отрыта. Дверь отворилась, и там стояла Мария с Алей. Их красные от мороза лица улыбались, а глаза счастливо блестели.

— Вот ты где спрятался! — закричала Мария и прыгнула ко мне на колени. От нее пахло зимней свежестью и чем-то невероятно сладким и вкусным, отчего мое сердце затрепетало.

— Как вы меня нашли? — спросил я ошеломленный от неожиданности.

— Это было непросто. Мы с Алей проделали нелегкий путь, прошли тысячи верст, решив, что тебя, как Кая унесла злая Снежная Королева. Мы самоотверженно сражались с дворниками, злобными старушками, ветряными мельницами и маленькими собачонками. Мы с доблестью всех победили, и теперь я растоплю твое холодное сердце и заберу тебя с собой.

— Ты уже растопила мое сердце! Оно теплее уже не станет, только если растает, как сосулька, но я же не могу быть таким слюнтяем? Так как все-таки вы меня нашли?

— Я запомнила адрес твоего дома, и когда мы туда пришли, тебя там, естественно, не оказалось. Твоя милейшая бабуля соседка сказала, что тебя нет дома, и что ты настолько странный молодой человек, что сейчас, скорее всего, можешь находиться только в своей редакции. А где находится твоя редакция, то я уж это знаю. Так, — приказала она, — сейчас ты оставляешь свои бестолковые бумажки, и мы идем покупать елку, нам нужно успеть украсить дом и приготовиться к празднику. Ты готов?

— Конечно! — воскликнул я.

— Иларий, — смущенно обратилась ко мне Аля, — я хочу извиниться за свое глупое и нехорошее поведение. Я вела себя очень гадко и мне очень стыдно. Я думала только о себе, хотя сразу увидела, что ты хороший человек. Прости меня, если сможешь за мои слова. Я не такая плохая, как ты мог подумать. Я хочу исправиться. Обещаю, в новом году, я стану лучше и никогда больше не буду так плохо себя вести.

Она шмыгнула носом, и ее глаза заблестели. Я от всей души поблагодарил ее за эти слова, и мы все вместе, счастливые, вышли из редакции.

Я помню этот день до мельчайших подробностей: усилившийся мороз и летящий чуть наискось снег, норовивший облепить шапку и устроить за шеей сугроб; людей, толкавшихся в очередях, чтобы успеть докупить необходимые продукты к праздничному столу; звонкий смех бегающих наперегонки детей и собак; нашу небольшую и слегка неровную елку, одиноко стоявшую в стороне и предназначенную на выброс, так как она была слишком некрасивой, по мнению торговца; светившиеся счастьем лица Марии и Али. Они задорно хохотали и веселились, когда сговорившись, начали метать в меня снежки, а я, пригнувшись за лавкой, притворялся, что у меня нет сил бороться со столь грозными противниками, и молил их о пощаде.

Квартиру мы украсили нехитрой мишурой и гирляндами, которые наспех купили в первой попавшейся лавке, и нарядили нашу неказистую елку, в момент преобразившуюся в некое сказочное и трогательное существо. В этот момент на своем лбу я почувствовал ту самую, ранее обходившую меня стороной, печать «новогоднее чудо», которую видел все мои одинокие годы на лицах других людей. И прочувствовав в полном размере всю ее силу, дававшую суперспособности, я понесся по магазинам и лавкам, сметая в спешке все, что, по моему мнению, должно быть на праздничных столах счастливых семейных людей. В те минуты, пролетавшие у меня перед глазами, я благодарил небо, что заранее купил подарки для Марии и Али, иначе эта печать начисто лишила меня возможности мыслить здраво и критически. Она внушила бы купить Але какой-нибудь нелепый детский костюм зайца или шуточный набор клоунов, а Мария получила бы сервиз из пяти кружек или колючий невзрачный платок, продавщица которого всеми силами уверяла меня, что лучшего подарка для любимой и не придумаешь.

Никогда еще моя одинокая квартира не была настолько наполнена теплом и уютom. Мария, расставляя на столе содержимое сумок, которые я едва дотащил до дома, укоризненно качала головой — уж слишком много я всего купил. А я просто улыбался и был невероятно счастлив наблюдать за ней, как она, обвязав свою тонкую талию моим глупым фартуком, который я ни разу не надевал, хлопотала на кухне, отдавая распоряжение Але кипятить воду и чистить овощи.

Когда мы, наконец, справились с обертками, булькающими, кипящими кастрюлями и нарезками, и часы показали половину пятого вечера, Аля сказала:

— Мне пора. В пять вечера меня заберут возле главной елки на площади. Я буду праздновать у Лизы, и даже ничего не пытайтесь мне сказать, — остановила она нас, когда мы удивленные ее словами, попытались возразить, — я с Лизой уже договорилась. Она моя лучшая подруга, у нее замечательная семья и дом, и я весело проведу время, даже не сомневайтесь. А вы должны быть вместе и только вдвоем. Я так хочу. Это мой подарок вам, и как вы знаете, по правилам хорошего тона, подарки не обсуждаются и не возвращаются. Так что никаких возражений и сожалений не принимаю, — она смешно скорчила лицо и

погрозила нам пальцем.

— Аля, подожди, — сказал я и достал из комода, завернутый в праздничную упаковку, подарок, — это тебе.

Она поблагодарила, аккуратно развернула бумагу и замерла.

— О, боже, я о нем и мечтала, — прошептала она. В ее глазах заблестели крошечные звездочки счастья, и она бросилась обнимать меня. — Спасибо тебе огромное, это самый лучший подарок! Но как ты узнал, что я хочу?

Я сделал загадочное лицо, мол, магия. Но внутри торжествовал, что за две недели до праздника разузнал, что каждая юная девушка нашего города мечтает о чудесных кожаных блокнотах с изображением парящей в воздухе леди в воздушном платье. И то, что эти блокноты были привезены из самой Англии, и к ним в приложение шел набор из вычурных перьев и изящной чернильницы, вызывало у всех еще большее желание обладать ими.

Мы проводили Алю до площади, и за ней в назначенное время подъехал автомобиль, из которого выглянула светловолосая девочка в меховой шапке и помахала нам. Вдруг, непонятно откуда взявшаяся волна страха нахлынула на меня, и мое сердце вздрогнуло. Я попытался понять, что меня напугало, но волна так же быстро исчезала, как и появилась. Аля села в автомобиль и, рассылая нам из окна тысячи воздушных поцелуев, скрылась за поворотом.

— Что-то не так? — спросила Мария, заглядывая мне в глаза.

— Все хорошо, просто я сейчас понимаю, как я счастлив рядом с тобой. Настолько счастливым я никогда раньше не был. И даже представить не мог, что человеку возможно вынести столько счастья.

— Не поверишь, но я чувствую то же самое! — воскликнула она.

Секунды казались мне минутами, минуты — часами, а часы — вечностью. Целая вечность счастья. Разве мог я мечтать об этом?

9.

Ночью мне снова снился сон: замерзшая река, я бреду по льду, и брат подо льдом кричит и пытается что-то сказать мне. На этот раз мне казалось, я понял, что он сказал, и даже приказал себе во сне запомнить его слова, но проснувшись утром, я так и не смог их вспомнить.

Мария лежала у меня на груди и гладила мою руку.

— Тебе снился страшный сон? — спросила она. — Ночью ты сильно ворочался и бормотал какие-то странные слова.

— Да, мне часто снится один и тот же сон.

— Расскажи, о чем он?

— Мне снится мой брат, Богдан. Я никогда с ним хорошо не ладил. Мы даже враждовали, он меня ненавидел, а я — его. Просто мы сильно были разные. Я только один раз с ним хорошо поговорил, и то это было в каком-то странном сне, мне казалось, что я тогда умер. Сейчас-то я понимаю, что это был просто сон, но именно там, я понял, как мне его не хватает, и что он все-таки любил меня, хоть и был задницей барана Прошки. Он так меня называл, а я страшно злился на это, потому что, если бы ты увидела нашего старого барана, то поверь, ты бы тоже сильно разозлилась... Сейчас Богдану было бы двадцать девять лет.

— Ты думаешь, его уже нет в живых?

— Не знаю, иногда мне кажется, что нет, а иногда я представляю его, как он бродит в своем школьном пальто где-то по холодным дорогам. Я не могу его представить ни взрослым, ни тем более стариком, я вижу его все тем же пятнадцатилетним подростком.

Мы замолчали на какое-то время, но потом я, отогнав дурные мысли, встрепенулся и сказал:

— Знаешь, я хочу, чтобы вы переехали ко мне. Вам там небезопасно оставаться. Если твой брат, правда, вернулся в город, то вам нужно уехать оттуда. Я хочу, чтобы вы были здесь, рядом со мной. Мне кажется, Але тоже здесь должно понравиться. Ну, что скажешь?

— Что я скажу? — воскликнула она. — Да, я безумно счастлива! Конечно, я согласна!

Через день мы поехали забирать Алю. Когда она узнала о моем предложении переехать ко мне, недоверчиво спросила:

— А я смогу приглашать Лизу в гости? А на твоём пианино можно будет играть?

— Конечно, ты сможешь приглашать кого хочешь, и на пианино можешь играть, сколько хочешь, потому что это будет твой дом, — ответил я.

— А если я не умею играть на пианино?

— Значит, мы тебя научим, найдем преподавателя, а дальше будет дело только твоих пальцев.

— Тогда я за переезд! — воскликнула она.

Вечером в нашей квартире, когда переезд завершился, и мы отдыхали, ожидая, когда заварится чай, Аля рассказывала, как она весело и хорошо провела время у своей подруги.

— Честно скажу, я всегда немного завидовала ей, ведь у нее такая замечательная семья и дом, но вчера я поняла, что моя семья самая лучшая и другой мне не надо. Вот так вот! — она облила ложку с черничным вареньем, и вдруг засмутившись от своей откровенности, скривила лицо и показала нам фиолетовый язык. Мы расхохотались.

На следующий день я приступил к работе. Редакция в течение дня нехотя наполнялась сонными сотрудниками, и от некоторых из них шел невыносимый запах алкоголя, особенно от Замейко, который развязно завалился на стул, как только зашел в помещение.

— Ну что, босс? — гнусавил он, почесывая сальные волосы. — Неужто погонишь нас прямо сейчас работать в такой-то мороз? А как же сочувствие к бедным и гонимым всеми корр-ррес-пон-ден-там? Пожалей нас сырых и убогих, ведь нам не даны такие мозги, как у вас, о, наш господин! Мы простые, глупые и порочные люди, которые просто хотят еще толику веселья и праздника.

— Замейко, ты мне так надоел! — не выдержал я и отчитал его за отсутствие отчета с прошлого года.

Не обращая внимания на его гнусавое ворчание, я ушел в кабинет. В обед ко мне заглянул Марк, пребывавший, как и Замейко, в не сильно рабочем расположении духа.

— Ущипните меня, ибо я сплю! Ты не заболел случаем? Где же этот божественный, удушающий запах сигарет, вечно окутывающий твою светлую голову? Иль я все проспал и в стране случился кризис, так как ты выкурил все годовые запасы махорки? Но об этой новости мы точно должны были написать первыми! Мне срочно нужны утренние газеты! Где? Где заголовки — «Главный редактор журнала «Жизнь» ввергнул страну в небывалый кризис!», или — «Курильщики разгромили табачные лавки в поисках последней затерянной сигареты!».

— Можешь паясничать Марк, но я завязал с сигаретами.

— Черт возьми, вот это сила воли! Откуда ты такой взялся? Я хоть и курю немного, но

не могу отказаться от сигарет, а ты столько смолил и так легко бросил? Это что, девушка в этом замешана?

— Да, так и есть, — улыбнулся я, — девушка, на которой я хочу жениться.

— Вот это новости! — Марк звонко хлопнул себя по выпирающему животу и протянул мне руку. — Ну, поздравляю! Наконец-то ты станешь хоть похожим на человека, обрастешь большим животом. Предупреждаю, как только женишься, волосы сразу начнут сесть и выпадать! Бабы быстро плешь проедают.

Марк хотел сказать еще что-то, но дверь открылась, и в моем сердце что-то со скрипом застучало, как старая заржавевшая деталь. Бледная, словно вылепленная из воска, в дверях стояла Мария с широко распахнутыми глазами и с растрепанными волосами. Ее губы дрожали.

Быстро сообразив, Марк извинился, и вышел, закрыв за собой дверь.

— Что случилось? — я взял ее за холодные руки.

Она посмотрела на меня с каким-то жутким выражением, что у меня невольно пробежала дрожь по телу, и засосало под ложечкой.

— Я расчесывала волосы Але, чтобы заплести ей косу, а там... — она запнулась и судорожно сглотнула, — там, на затылке, у нее прядь седых волос.

— Прядь седых волос? И что? — не понял я.

— Ей же пятнадцать. У нее не может быть седых волос, — ее глаза стали такими большими и пугающими, что мне показалось, что я сейчас утону в них.

— Может они поседели из-за того, что она переволновалась, когда спасала мальчика из реки?

— Вчера у нее не было их. Они появились за ночь.

— Ты уверена?

— Да, Иларий, — с раздражением и отчаянием вскрикнула она, — я уверена! У нее не было вчера этих жутких седых волос!

— Может, ее организм дал где-то сбой от переохлаждения или еще что? Может, женщинам в ее роду было свойственно рано сесть... Мария, мы же не знаем? Мы отведем ее к врачу, и он наверняка найдет логическую цепочку, почему так произошло.

— А что если... — она в ужасе схватилась за рот руками.

— Что если? — спросил я, сохраняя хладнокровие, а про себя умолял ее не говорить то, о чем я подумал.

— Ты понял, что я имею в виду.

— Нет, я ничего не понял, — нервно ответил я. — Ты слишком паникуешь. Я уверен, в седой пряди в волосах Али нет ничего страшного. Во всем остальном она же чувствует себя хорошо?

— Не знаю, вроде хорошо. Я только волосы увидела, и мне подурнело. Я не сказала ей про них, чтобы не пугать. Сказала, что сбегая в магазин, лишь бы она не поняла, почему я так испугалась. Я сразу побежала к тебе. Прости, что я пришла, но мне стало так страшно.

— Все хорошо, все хорошо. Ты молодец, что пришла. Я уверен, ничего страшного не случится. Это всего лишь прядь волос.

Как же я неубедительно лгал, пытаюсь успокоить и ее и себя. Но даже моя неубедительная ложь помогла: Мария чуть приутихла, поверив мне, что она зря переживает.

Когда она ушла, я порылся в ящике стола, нашел пачку сигарет и закурил.

Вечером я со страхом шел домой, впервые за долгое время я боялся теней и темных

переулков. Мне казалось, что я снова тринадцатилетний, незащищенный подросток, оставшийся без семьи, что я один во всем холодном, мрачном мире, а впереди меня ждет неминуемая расплата за мою ошибку.

Дома я вздохнул с облегчением, когда выяснилось, что, не считая небольшой пряди седых волос, Аля чувствовала себя хорошо. Она была весела и за ужином болтала, не переставая смешить нас. А я и Мария смеялись и перебрасывались короткими и многозначительными взглядами, в которых светилась надежда и уверенность, что в пряди седых волос действительно нет ничего страшного.

10.

Утром нас разбудил крик. В соседней комнате кричала Аля. Она стояла в белой сорочке возле зеркала и рассматривала свои длинные густые волосы, которые еще недавно были насыщенного каштанового оттенка, а теперь они были словно опутаны блестящей серебряной паутиной.

— Почему у меня седые волосы, как у старухи? Я что, умираю? Что не так со мной? — закричала, а мы стояли пораженные, будто обухом топора, не в силах вымолвить ни слова.

Мария бросилась обнимать ее, усадила на кровать и пыталась успокоить, перебирая какие-то пустые слова, которые первыми шли ей в голову. Когда Аля уткнулась в ее плечо и положила свои руки ей на плечи, я подошел поближе и посмотрел — маленькие коричневые пятнышки, словно опасные очаги плесени, разрослись по молодой коже рук. Я, чтобы не испугать девочку, тихо коснулся Марии и взглядом показал на руки. Она глянула на руку Али, крепко сжала ее и невыносимым взглядом, полным тоски и боли, посмотрела на меня.

Я не смог выдержать ее взгляд и торопливо вышел из комнаты. В голове зароилась масса страшных мыслей, которые начали жалить меня как тысяча разъяренных пчел: «Неужели кошмар возвращался в самом страшном своем проявлении?». Ко мне подбежала Мария.

— Иларий, давай будем говорить честно, — прошептала она, стиснув зубы, будто от боли, — мы с тобой понимаем, что происходит с ней. Ведь так? Просто скажи это, потому что я не могу, я не могу это произнести.

— Подожди, мы сейчас все выясним, — я решительно направился в комнату девочки, и Мария снова побежала за мной. — Аля, дорогая, скажи, кто живет в доме у Лизы? — спросил я.

Она шмыгнула носом и непонимающе посмотрела на меня.

— Ее семья живет: мама, папа, бабушка и дедушка.

— Что насчет дедушки, он был одет в коричневый пиджак с нашивкой двух лебедей слева, и у него была шляпа?

— Нет, у него ничего из этого не было.

— Хорошо, а он говорил, как его зовут?

— Он сказал, что я могу называть его дедушка Кир.

Миллионы адских колокольчиков яростно зазвенели в моей голове, будто разрушая мои внутренности, когда я услышал эти слова.

— А зачем тебе это знать? — спросила она.

— Да так, просто. Я с ним был когда-то знаком, и тут такая случайность. Пожалуй, надо его навестить... да, надо определенно его навестить, — пробормотал я, чувствуя, как мои ноги онемели, и я бессознательно вышел из комнаты. Едва соображая, я наспех оделся в

рабочий костюм, побежал на кухню и схватил самый большой кухонный нож.

— Куда ты? Что ты собираешься делать? — Мария вцепилась холодными пальцами в мои руки.

— Он сейчас там, в доме Лизы.

— Он?

— Да, тот самый, кто приходил ко мне.

— Значит, Аля... — обреченно прошептала она и сильнее сжала пальцы.

— Пока не могу ничего сказать. Мне нужно идти, а ты пока вызови на дом врача, пусть он ее посмотрит. Самое главное сейчас сохранять спокойствие, не паниковать. Мы обязательно найдем выход. Слышишь меня? Мы найдем выход.

Я вышел из дома, и на меня обрушился пронизывающий ветер. По дороге я ни о чем не думал, в моей голове все было, как в тумане — сыро, зябко и ощущение полной потери времени и пространства. Вокруг меня не было людей, лошадей, повозок, трамваев, машин — все стерлось. Был только я и ветер, бьющий резкими плетями по моему лицу. Холодный нож, спрятанный под пальто, давал мне небольшое, но ощутимое успокоение.

Подходя к дому Лизы, я понятия не имел, что буду делать, когда мне откроют дверь. Я представлял только момент, когда у меня спросят, кто я и по какому поводу пришел, а дальше зияла огромная дыра. Что я мог сказать? «Доброе утро, вы не знаете, но у вас в доме живет монстр, пожирающий тела людей, высасывающий из них молодость и превращающий их в старческие существа. И я пришел убить его, пропустите меня, пожалуйста».

Я нажал на дверной звонок и стал ждать. Через минуты две дверь открыла невысокая голубоглазая девочка с милыми жидкими косичками и синими бантами.

— Вы к дедушке Киру? — спросила она, прежде чем я успел открыть рот. — Он уже ждет вас, проходите.

На ватных, дрожащих ногах я пошел за гостеприимной девочкой, с улыбкой приглашавшей меня в мир моих кошмаров. Она провела меня к высокой двери, отворила ее и жестом показала, чтобы я проходил внутрь. С едва бьющимся сердцем я вошел в просторную комнату с высокими потолками, все стены которой доверху были обставлены полками с книгами. Посреди комнаты располагался большой овальный стол и два кресла. С левой стороны были три окна, и возле крайнего стоял, повернувшись ко мне спиной, темноволосый человек.

Лиза закрыла за мной дверь и тоже прошла в комнату. Она села на широкий подоконник, скрестив ноги, и с любопытством начала осматривать меня. Человек обернулся и я увидел, что это был старик.

— Доброе утро, Иларий. Я так и знал, что ты не упустишь случая навестить меня. Очевидно, ты пришел не просто так?

За исключением одежды, старик никак не изменился с той встречи в доме Корвас, когда я в последний раз его видел. Впервые на нем не было черной шляпы с лентой. Его густые волосы, без единого намека на плешь и седину, были гладко зачесаны назад и собраны в пучок.

— Нет, не просто так, — ответил я и сам не узнал свой голос, — у меня есть пара вопросов.

— Ну, тогда присаживайся и задавай, — он показал на кресло, но я отрицательно покачал головой.

— Я постою.

— Как знаешь. Кстати, как тебе мой костюм? Ты ведь помнишь мой любимый пиджак? Он, к сожалению, не выдержал испытанием времени. Пришлось заказывать пошив нового, аналогичного старому. Я хоть и не человек в вашем понимании, но не могу ходить в потрепанных, ветхих вещах. Надо же соблюдать ваши правила приличия, чтобы не привлекать, так сказать, излишнего внимания к своей скромной персоне.

— Меня не интересуют твои ухищрения, которые ты используешь, чтобы втираться в доверие к детям. Я пришел сюда из-за девочки Али.

— Ах да, Аля, — старик потер лоб, будто с трудом вспоминал ее. — Красивая девочка с длинными каштановыми волосами и большими зелеными глазами. Какой же удивительный ребенок в ней пропал. При других обстоятельствах я бы сделал ей замечательный подарок, но, к сожалению, она не звала меня, увы. И кстати, знаешь, она по характеру очень похожа на тебя: умная, сообразительная и такая добрая, что мне, надо сказать, стало жаль, что ей уже пятнадцать. Но это уже никакого значения не имеет, скоро у нее будет другая жизнь.

— Зачем ты это сделал?

— Зачем? — старик сделал вид, что искренне удивился. — Ты снова задаешь мне одни и те же вопросы! Сколько можно? Я сделал это из-за тебя. Это мой подарок тебе к твоей новой жизни, о которой ты мечтал — счастливая и долгая жизнь с твоей любимой Марией. Только вы вдвоем и больше никого.

— К черту тебя и твои подарки! — воскликнул я. — Мне от тебя ничего не нужно! Единственное, что я хочу, чтобы ты оставил в покое меня и моих близких, и никогда, ни при каких обстоятельствах не появлялся наших жизнях! Мне нужно знать, как спасти Алю от превращения в твою сущность. Ты мне скажешь, это иначе...

— Что иначе? — осклабился он. — Ты пырнешь меня своим припрятанным ножиком в присутствии этой девочки? Иларий, я думал, ты грамотный и сообразительный человек! Неужели ты еще не понял, что меня нельзя убить, как обычного человека, и что я знаю все твои мысли? Ты меня не обманешь, — он погрозил мне костлявым длинным пальцем. — Ты помнишь мой подарок на твой восемнадцатый день рождения? Неужели он пришелся тебе не по вкусу? Я, в отличие от тебя, помню, как ты без сожаления расправился со своим гадким и ненавистным тебе опекуном. Ты думаешь, что без моей помощи ты смог бы сбежать от него? Нет, он никогда не отпустил бы тебя. Ты был пешкой в его руках. И если бы ты вздумал взбрыкнуть, как строптивая лошадь, и пойти по своему пути, то он бы спокойно расправился с тобой. Не надо отрицать, что тебе не понравился мой подарок, так как это будет ложь. Ты знал, что в доме висит заряженное ружье, готовое выстрелить, и ты позволил ему выстрелить прямо в цель. Ты не сомневался и не колебался, а потом без зазрения совести убил своего опекуна вместе с тем мальчишкой. И ведь, если у того было право убивать, чтобы отомстить за свою семью, то у тебя оно разве было? Ведь твой опекун, как бы то ни было, спас тебя, он вырастил тебя, дал дом, еду и возможность учиться. Так ты его отблагодарил?

Своим подарком, я дал тебе то, что ты хотел, но боялся сам себе в этом признаться. А что касается девочки Али, я снова сделал то, что ты хотел.

— Ты врешь, я не хотел ее смерти, — с ненавистью прошипел я и сжал кулаки.

— Опять ты за свое! — он с досадой хлопнул себя по бедру. — Ты можешь отрицать, но я-то знаю, что ты задумывался, о том, что как было бы хорошо, если бы этой девочки не существовало. Ведь она всегда будет присутствовать в жизни Марии, и ей всегда будет доставаться главная роль во всей вашей жизни. Она будет управлять твоей возлюбленной

так, как хочет. Она будет всегда находиться между вами, ведь Мария так сильно ее любит, потому что эта девочка ей как дочь: она выросла на ее глазах, она воспитала ее. И самое печальное, у Марии никогда не будет детей, а в этой девочке все ее спасение от душевных терзаний. Поэтому она всегда будет любить Алю намного сильнее, чем тебя, а ты будешь довольствоваться остатками ее любви.

Иларий, твои чувства не уникальны. Они даже намного примитивнее, чем то, что ты испытывал по отношению к своему опекуну. Твои чувства — это простая ревность, которую люди с такой легкостью позволяют впустить в свое сердце, так глупо полагая, что объект их любви должен принадлежать только им. Ты хотел, чтобы Али не было, и ты сам это знаешь, но ужасно боишься признаться. И вот девочка скоро должна будет покинуть дом и уйти в далекое путешествие. При благополучных обстоятельствах она будет жить вечно. Да, она потеряет молодость, но ради вечной жизни надо чем-то жертвовать, а ты проживешь долгую и счастливую жизнь вместе с Марией. Тебе останется только ее утешать и любить. И я обещаю, что на этом мои подарки тебе закончатся. Я больше не появлюсь ни в твоей жизни, ни в жизни Марии.

— А если я не сдамся и не отпущу девочку? Если я отказываюсь принимать твой проклятый подарок, что тогда?

— Тогда ты должен будешь забыть о той счастливой жизни, о которой мечтаешь. Только что это тебе даст? Девочку все равно придется отпустить, иначе она без нового дома и подпитки превратится в труху, как и твои родители, которых ты запер в доме. Ее превращения не удастся избежать, поверь мне. Мой подарок подарен потому, что ты его пожелал, и он не возвращается.

— Я найду способ убить тебя, клянусь...

— Где-то я уже это слышал, — усмехнулся он. — Разве не ты обещал убить меня в тринадцать лет, когда кричал эти глупые угрозы в свой пустой дом? Столько времени прошло, а ты спокойно жил и принимал все мои подарки: обучился грамоте, избавился от опекуна, получил его деньги, наследство и работу мечты. А теперь ты встретил любовь всей своей жизни, которую я спас для тебя. И где твоя благодарность мне? Разве ты мог мечтать обо всем этом, когда пас своих овец, не имея ни единого шанса выбраться из тьмы безграмотности? Ты четырнадцать лет пользуешься тем, что я тебе дал, и ни разу не попытался узнать, кто я и есть ли способ убить меня. Зачем тебе это сейчас? Давай пожмем друг другу руки и закрепим сделку — я исчезаю и больше никогда не появляюсь в твоей жизни, тем самым давая возможность прожить тебе счастливую жизнь с Марией, а ты без мук совести отпускаешь девочку и забываешь обо мне, как о плохом старике Санте, который не угодил с подарками вредному мальчишке. Ну что, по рукам?

Он стоял, растянув тонкие сухие губы в подобии улыбки, и протягивал мне руку.

— Нет, я не согласен. Иди к дьяволу! — я плюнул в его сторону и собрался уходить.

— Стой, — крикнул он, — я хочу задать тебе один вопрос. Если ты ответишь на него правду, то я дам тебе шанс — я в свою очередь честно отвечу на любой твой вопрос, — он, увидев, что я остановился и выжидающе посмотрел на него, сказал: — Представь, твоего любимого человека убили, и тебе дается шанс вернуться в далекое прошлое, когда будущий убийца еще не сотворил зла и является беззащитным ребенком. Но ты знаешь, что этот ребенок через несколько лет жестоким образом расправится с твоим близким. Ты убьешь этого ребенка?

— Нет, — глухо ответил я, едва разлепив пересохшие губы: мне страшно хотелось пить.

— Ты соврал! — радостно хлопнул в ладоши старик. — Ты убил быэтого ребенка, будущего убийцу твоей любимой Марии. Ты боишься, что ее убьет родной брат, и ты останешься один, жалкий и одинокий. Настолько одинокий, насколько только может быть одиноким человек. Ты разочаровал меня, Иларий. Ни одного честного ответа. Может тебе стоит поучиться у Лизы. Задай ей любой вопрос, она не солжет.

Девочка с синими бантами и обманчиво добрыми светло-голубыми глазами смотрела на меня с нескрываемой улыбкой победителя.

— Зачем ты так поступила с Алей, она же твоя подруга? — бессмысленно спросил я, чувствуя, как жажда с каждой секундой усиливается.

— Она мне не подруга, — ответила Лиза и еще сильнее улыбнулась, будто мой наивный вопрос позабавил ее. — Аля никогда не была моей подругой. Я только позволяла ей дружить со мной, потому что мне нравилось, как она восхищается моей жизнью. Она ведь голодранка, разве с такими дружат?

— Честный ответ, — довольно констатировал старик, разведя руки в стороны.

Мне больше невыносимо было там находиться. Сухое горло нещадно кололо и болело, ноги были ватными, будто из них вынули все кости и они держались на одном честном слове. И это ненавистное лицо старика, от лицемерия которого меня немилосердно мутило, а глаза мои воспалились и болели так, будто в них насыпали песка. Мне казалось, что я заживо уже похоронен в этом доме, похожем на огромный сырой склеп.

Плохо соображая и пошатываясь, я пошел к выходу и с облегчением вырвался на холодный свежий ветер.

11.

Прежде чем возвратиться домой, я зашел в редакцию и попросил Марка заменить меня на несколько дней. Он был озадачен моим внешним видом и спросил, не увидел ли я привидение, настолько бледным и подавленным было мое лицо.

— А я предупреждал, что твои переработки до добра не доведут, — сочувственно покачал он головой и дружественно похлопал по моему плечу. — Но ты не переживай. Я не подведу тебя, на то я и заместитель, чтоб замещать. Иди домой, высыпайся, а то на тебе лица нет.

Я поблагодарил его за поддержку и с невыносимой болью, отдающей в висках, побрел обреченно домой. Ветер усилился сильнее.

Только я открыл дверь, как ко мне сразу подбежала восковая Мария, закутанная в теплый домашний халат, и бросилась в объятия.

— Боже, ты такой холодный, — прошептала она и, подняв голову, с молящей надеждой посмотрела в мои глаза.

— Как Аля? — спросил я, смотря в сторону, потому что не мог выдержать ее взгляд. — Доктор приходил?

— Она спит сейчас. Да, он приходил, дал ей успокоительное. Ты бы видел, как он растерялся, когда увидел ее, сказал, что никогда не видел такое внезапное и раннее поседение волос у столь молодых девушек. И эти пигментные пятна... Иларий, прошу, скажи мне то, что ты знаешь.

Я ничего не ответил, но она все поняла по моему лицу. Расцепив свои тонкие руки, и будто оттолкнув меня, она подошла к дивану и тяжело рухнула. Она сидела, как белая мраморная статуя, с силой сжимая пальцы в замок, и молчала. Это молчание пронизывало

меня сильнее, чем самый лютый и холодный ветер.

— Что было в доме у Лизы? — наконец спросила она каким-то чужим загробным голосом.

Я не мог рассказать ей правду, что это я своими гнусными мыслями возродил старика из прошлого, как может возродиться древнее зло, если провести необходимый ритуал.

— Все подтвердилось. Он там живет.

— Это я виновата, — безысходно прошептала она, смотря стеклянными глазами на стену, — я позволила ей уйти, предала ее, решив, что моя любовь к тебе важнее, чем она. С ней ничего бы не случилось, если бы она осталась с нами... Что мне теперь делать? Как спасти ее?.. — она так беспомощно и растеряно посмотрела на меня, что я не выдержал и судорожно обхватил ее, крепко прижимая к себе, только лишь бы не смотреть в ее глаза: жалкие, полные боли и страдания.

— Мы что-нибудь придумаем, что-нибудь придумаем, мы спасем ее, мы спасем, — повторял я эти слова бесконечное число раз, как молитву, надеясь, что на меня снизойдет откровение, и я в правду пойму, где искать спасения. — Только не надо винить себя, прошу, ты ни в чем не виновата.

Она заплакала.

К двум часам дня проснулась Аля. Она была хмурой и задумчивой.

— Мне снился такой странный сон, — сказала она, когда мы все сидели за обеденным столом, — будто я — это не я, а кто-то другой. Будто в моей ноге поселилась какая-то личинка жука, а я все пыталась ее вытащить: ковыряла ногу, ковыряла, а личинка никак не хотела уползть. Моя нога была такой кровавой, а личинке хоть бы хны, она начала двигаться по телу, прямо к голове, — она хмыкнула, задумалась, а потом неожиданно спросила: — Не хотите рассказать, что со мной происходит?

— Почему ты спрашиваешь? — ложка задрожала в руках Марии.

— У вас обоих такой жуткий вид, будто мы хороним кого-то.

— Мы никого не хороним. С тобой все в порядке.

— Тогда почему у меня седые волосы и вот эти пятна на руках? Разве это не признак какой-нибудь страшной болезни, от которой быстро умирают?

— Нет, у тебя никакой болезни! — Мария с шумом встала из-за стола.

— Иларий, это правда? Правда, что со мной все хорошо? — Аля смотрела на меня такими глазами, которым просто невозможно было соврать. Мария, в свою очередь тоже, из-за спины Али, смотрела на меня и качала головой, показывая, чтобы я не смел ничего говорить.

— Аля, у тебя есть некоторые проблемы со здоровьем, но это все поправимо. Просто в твоём организме не хватает некоторых витаминов, но мы купим все необходимое, и ты поправишься, — безжалостно врал я, и от этого мне становилось дурно: каждое лживое слово щипцами что-то вырывало у меня внутри.

— И мои волосы снова станут прежними?

— Да, они снова будут прежними.

— Ну что же, спасибо за утешение, ты старался, но актер из тебя плохой. Я знаю, что это вранье! — вдруг закричала она. — Вы оба — хватит мне врать! Вы видели свои лица? Да они у вас такие, будто я уже умираю, будто вы уже оплакиваете меня! Я не буду ни с кем разговаривать, пока мне не скажите правду, что со мной и чем я больна! Я имею право знать, что со мной происходит. Я вам не какая-нибудь глупая девочка, которой можно сочинять

сказки и она будет верить. Понятно?

Аля бросила гневный взгляд на сжавшуюся в комок Марию и ушла в свою комнату, с силой хлопнув дверью. Она сидела там, запершись, до самого вечера, а Мария, как цепной пес, ходила возле двери и никак не решалась постучать. Потом огна не выдержала и попросила меня выйти с ней на прогулку, подышать свежим воздухом, потому что ее голова раскалывалась от множества мыслей.

Сильный ветер уже прекратил гудеть в трубах и затих. Люди, находящиеся еще в праздничном настроении, высыпались на освещенные тротуары, и сновали по своим делам, смеялись, кричали и громко разговаривали, они жили, а мы бесцельно брели сквозь них, как бесплотные призраки.

— Я не могу врать ей, — произнесла Мария.

— Она скоро сама все поймет. Она будет меняться не только внешне, но и по характеру. Это неизбежно.

— Значит, ты уже сдался заранее и считаешь, что мы проиграли?

— Нет, я не сдался. Но даже если меня будут сейчас пытаться до смерти, и мое освобождение будет зависеть от того, найду ли я способ остановить превращение, то я умру, потому что я не знаю, как спасти Алю. Я не знаю, но я не сдаюсь. Никогда и ни за что. У меня есть деньги на самого лучшего врача. Завтра мы приступим к поиску.

— Ты сам-то вершишь в то, что здесь помогут доктора?

— Я не знаю, мы просто должны пробовать все варианты.

С неба начали срываться мелкие ледяные крупинки, постепенно покрывая предыдущий, замерзший и извалившийся в грязи, снег ровным белым слоем.

— Сколько у нас есть времени? — спросила она.

— В лучшем случае — две недели, а может уже и меньше.

— Что если мы не успеем найти выход, и она все же постареет и превратится в это... в это существо. Что если я ее не отпущу? Она будет жить с нами, пока мы не узнаем, как вернуть ее обратно. Она будет рядом, и тогда у нас будет еще много времени. Ведь так? Она же не умрет, а просто изменится. Что, если так? — она отчаянно жестикулировала и на каждый свой вопрос преданно заглядывала в мои глаза, снова пытаюсь обрести надежду.

— Это невозможно, — сказал я, испытывая страшное отвращение к себе, потому что никак не мог ее утешить, — чтобы она не погибла, ей нужно будет уйти, когда придет время. Когда заканчивается превращение, существу нужно найти новый дом, чтобы оно могло подпитаться жильцами этого дома. Если Аля останется, то она умрет, как и мои родители. У нее не будет необходимой ей еды, потому что она уже не будет человеком: мы не сможем накормить ее супом или картофельным пюре, или печеньем... Прости, но это так...

Вдруг Мария резко остановилась и посмотрела на меня пристальным, холодным взглядом, от которого у меня пробежал мороз по коже.

— Я не отпущу ее, запомни это. Она моя семья, и я буду бороться за нее. Тебе, может быть, все равно на нее, ведь ты ее толком не знаешь даже, и страдать сильно не будешь, когда она уйдет, но я не отпущу ее и не позволю умереть, чего бы это мне не стоило, — сказала она с каким-то ожесточением и даже злобой.

— Не говори так, что мне все равно! — ее слова больно резанули меня. — Я практически всю свою жизнь был одинок, и когда я встретил вас, я впервые в жизни узнал, что такое быть счастливым. И ты, и она для меня тоже семья. Да, я знаю Алю совсем немного, но мне достаточно того, что ты ее любишь, чтобы и я ее полюбил.

Как порыв ветра, она бросилась меня обнимать, зарываясь лицом в мой шарф.

— Прости меня, прости, если можешь, — зашептала она, всхлипывая, — я сама не своя, не знаю, что говорю... Мне так плохо, так плохо. Я не представляю, как пережить все это... Это невыносимо.

Я целовал ее слезы, катившиеся по холодным щекам, и обещал, что мы спасем Алю. Потом мы снова брели, похожие на одиноких, бездомных и потерянных людей, лишившихся всякого смысла жизни.

— Река замерзла, — безжизненно сказала она, когда мы увидели застывшую поверхность воды.

Вечером мы составили план действий и решили придерживаться его, не задумываясь, будет ли какой-нибудь результат или нет. Первым вариантом в нашем списке был поиск хорошего врача, а следующими — все, что только могло прийти в голову: помощь колдунов и знахарей, сеансы гипноза, гадалки и ворожеи. Мы решили обвесить Алю защищающими и изгоняющими зло амулетами, в общем, сделать все, что можно было, только лишь бы это помогло остановить превращение.

Утром следующего дня я отправился на поиски врача. Во всех больницах, где я побывал, доктора, выслушав описания симптомов болезни Али, хмурились, удивлялись и говорили, что никогда ни с чем подобным не сталкивались. Я уже отчаялся, когда вдруг одна санитарка, случайно услышав мой рассказ, посоветовала обратиться к ее практикующему на дому знакомому и дала его адрес. Я приехал туда и меня встретил степенный мужчина лет шестидесяти.

— Да, я уже видел нечто подобное, — сказал он, выслушав меня, — был не так давно один пациент со схожими симптомами. Я уверен был, что мой метод смог бы помочь ему, но он через пару сеансов исчез: ушел на улицу и не вернулся.

— И в чем заключается ваш метод лечения? — спросил я.

— Дело обстоит так: все тело больного, кроме головы, обкладывается мешочками со льдом на пятнадцать минут. Холод, как это уже доказано, замедляет старение и образование болезней. Все импульсы и движение клеток застывают, что позволяет нам провести соответствующие манипуляции, чтобы направить их в обратном порядке, замедлить их ход и вернуть к первоначальному состоянию. Пока больной будет лежать, мы через его голову, с помощью специально сконструированных проводков, будем посылать электрические сигналы, чтобы эффективность ледяной заморозки была более результативной.

— Вы предлагаете лечить больного током?

— Если грубо, то можно сказать и так, но это будет несколько не точно...

— Нет, нам такие методы не подходят, — оборвал я его и собрался уходить.

— Но вы даже не попробовали! — воскликнул он. — Больному нужно будет потерпеть всего пятнадцать минут, разве это сравнится с тем, что вы навсегда потеряете пути к выздоровлению?

Я откланялся и вышел из квартиры. Около часа я бесцельно бродил по городу, чтобы отстрочить неизбежный разговор с Марией, и возвратился домой, когда сумерки плавно перешли в ночь.

Когда я зашел в квартиру, Мария с Алей сидели на кухне в тишине за пустым столом. Аля выглядела неважно: уже ни одного яркого каштанового волоска не виднелось среди седых волос. Россыпь гусиных лапок заметно пролегла под ее глазами, щеки отяжелели и

будто слегка провисли, отчего ее выражение лица уже не отражало прежнюю легкую беззаботность, присущую молодой девушке, а сосредотачивало в себе некий опыт достаточно пожившего человека, на долю которого выпало немало невзгод.

Я спросил о самочувствии Али.

— Удивительно, но нормальное, если учитывать то, как я выгляжу и что Мария мне рассказала, — ответила девочка каким-то странным и чужим голосом, будто была простужена. — Да, не пугайся, голос у меня тоже поменялся. Забавно он звучит, да? Я теперь могу пугать людей в подворотнях и вымогать у них деньги. В темноте меня можно будет принять за профессионального налетчика, — она попыталась улыбнуться. — Ладно, я пойду, не хочу вам мешать, да и свет меня раздражает, не понимаю, как вы выносите эту яркую лампочку.

Когда Аля ушла, я рассказал о результате своих поисков, а Мария — о своих.

— Мы ходили в церковь. Там нам сказали купить свечей, кресты и молиться. Ох, Иларий, я же не умею молиться. В детстве я еще пыталась, а потом просто у меня навсегда иссякли слова. Там, внутри меня, пусто... Я только и жила все это время Алей, а потом ты тебя встретила, и пустоты стало меньше, а теперь... она снова разрастается во мне. Я боюсь, что скоро в моей душе появится огромный выжженный пустырь, который никогда больше не зацветет. Слишком много я боли встретила... — она обхватила холодными пальцами мою руку и затравленно заглянула в мои глаза. — Я боюсь завтрашнего дня: Аля меняется слишком быстро. Боюсь проснуться и увидеть, что еще с ней произошло за ночь. Я не смогла ей сказать всю правду, сказала, что она просто больна неизвестной болезнью, которая еще не изучена. Солгала, что мы будем искать врачей в столице, что мы поедем туда все вместе, что у нее просто изменится внешность, но мы вернем ее прежнюю красоту. И знаешь, что она сказала? — лихорадочно прошептала Мария, ближе наклонившись ко мне. — Она сказала, что уже все знает и ее это устраивает.

Следующие дни все также не принесли ничего обнадеживающего. Характер и внешность Али с каждым днем менялись. Морщин на лице появлялось все больше. Она начала понемногу сутулиться, не хотела переодеваться из ночной сорочки в домашнюю одежду, с трудом ее можно было уговорить прогуляться на улице, и если она все же выходила, сделав пару шагов, начинала кричать, как капризный ребенок, и требовать вернуться домой. У нее ухудшился аппетит, даже свое любимое овсяное печенье, которое она всегда обожала, нехотя откусывала по кусочку и оставляла недоеденным в разных местах — на столе, на подлокотнике дивана, на стульях, на подоконнике и даже на полу. На вопросы Марии она отвечала вяло, замыкалась в себе и говорила, что у нее нет желания перемалывать пустые темы. Она все чаще стремилась отсиживаться у себя в комнате, выключив свет. Иногда Мария видела, что она что-то писала в подаренном мной блокноте.

Слабая надежда таяла с каждым днем, но мы по-прежнему не сдавались: просматривали объявления в газетах, на уличных стендах, обзванивали людей, занимающихся различной магией. Несколько раз к нам приходили две женщины, утверждавшие, что они могут исцелять людей от любых болезней. Потом была гадалка и усатый гипнотизер, по слухам, который мог вводить в состоянии транса и искать причины заболеваний.

Все они удивлялись и не верили тому, что Але было пятнадцать, так как она все более и более походила на несуразную маленькую старушонку, в которой все еще оставались едва уловимые детские черты, что приводило всех в ужас и чувство абсурдности жизни.

Никто из них нам не помог: Аля совершенно не хотела принимать чужих людей у себя в

комнате, смеялась, швыряла в них вещи, кричала и намеренно пугала их, показывая, что она абсолютно безумна и может их покалечить. Но как только все уходило, она становилась спокойной и продолжала вести свои записи в блокноте.

Мария как-то не выдержала и закричала на нее, спрашивая, зачем она это делает, ведь мы хотим помочь ей, на что она ответила:

— Мне не нужна ваша помощь. Вы сначала спросите, хочу ли я ее? Если вы думаете, что со мной что-то не в порядке, то вы ошибаетесь — я чувствую себя замечательно!

Я уже догадался, что внутри нее затаилось существо, решившее не выдавать себя раньше времени, а спокойно дожидаться, когда закончится перевоплощение.

Днем Мария еще держала себя в руках, но по вечерам она постоянно плакала или сидела, сжавшись в комок, и смотрела немигающим взглядом в пустоту. Со мной она иногда была полностью отрешена, будто погружалась в летаргический сон, а иногда умоляла меня обнимать ее так сильно, чтобы хоть на мгновение она смогла убежать от всеобъемлющей боли, поселившейся в ее душе.

На пятнадцатый день Аля вышла из комнаты и села с нами за стол. Мария поставила перед ней тарелку с завтраком, но она решительно отодвинула ее.

— Я пришла сюда, чтобы предупредить вас: через четыре дня я уйду, и у вас есть время, чтобы привыкнуть к этому. Аля мне говорила, что вы ее любите и просила не причинять вам страданий, поэтому я отнесусь к вам с уважением.

Вечером у Марии поднялась температура. Она лежала на кровати, закутавшись в теплое одеяло, а ее светлые волосы, как мертвые побеги пшеницы, были растрепаны и разбросаны по подушке.

— Я не отпущу ее, ни за что, — бормотала она. — Она останется с нами, пока мы не найдем ответ, как ее вернуть обратно.

— Это же невозможно, мы об этом уже говорили, — возразил я. — Она умрет так. Когда она уйдет, у нее будет хотя бы шанс выжить.

— Нет-нет, ничего мне не говори. Я не хочу ничего слушать. Ты слишком правильный. Для тебя все просто, но не для меня. Моя девочка никуда от меня не уйдет, она останется со мной, — она, как в бреду, прижимала к себе подушку.

В эту ночь она не позволила себя обнять, и я лежал с открытыми глазами и смотрел, как за окном падает снег.

12.

На следующий день я пришел в редакцию. Замейко, вальяжно раскинувшись на кресле и задрав ноги на стол, громко обсуждал что-то с Хилым. Я сделал замечание, чтобы он убрал ноги, и он медленно и нехотя опустил их. Дина Сало смущенно посмотрела на меня и опустила глаза, когда я спросил у нее насчет ее нового материала. Даже вечно вертлявый Карич хмурился и избегал моего взгляда. Нетрудно было догадаться, что за мое отсутствие что-то произошло. Ответ мне не пришлось ждать долго. В мой кабинет, крадучись, заглянул Марк. У него были такие пылающие щеки, будто их прижгли утюгом. Нервно подергивая носом и не переставая шмыгать и покашливать, он сообщил мне, что все хотят видеть меня в зале для собраний.

Когда я зашел туда, все разом стихли. Возле трибуны стояла Цецилия Львовна, одетая во все черное, длинное и тягучее, похожая на палача. Ее взгляд не выражал ничего хорошего для меня. Марк, не переставая шмыгать носом и изображать сухой кашель, подошел к

трибуне и дребезжащим, неуверенным голосом начал:

— Кхм... вся наша коллегия просит написать тебе заявление об уходе с поста главного редактора по собственному желанию. Здесь вот, — Цецилия Львовна передала ему листок бумаги, — здесь вот собраны все подписи желающих твоей отставки. Можешь посмотреть, кхм... там нет ни одного человека, проголосовавшего за тебя. Мы честно опросили всех, никого не принуждая, кхм, и не запугивая, считают ли они, что ты нужен как руководящее лицо нашему журналу и газете. Все оказались единого мнения — нет, ты не нужен. Да, мы не отрицаем твоих заслуг, на нашу периодику стали больше подписываться, и есть немало хороших отзывов, — Цецилия Львовна злобно сверкнула глазами, отчего Марк еще сильнее зашмыгал носом, — но мы все в едином душевном порыве уверены, что ты, своим руководством, пытаешься стереть лицо нашего журнала. Мы дорожим его репутацией и долгой историей, самобытностью и уникальностью. И единодушно считаем, что он не нуждается в переделке и улучшениях, что ты, кхм, пытаешься сделать. Потому всей коллегией просим тебя уйти с поста главного редактора. По собственному... Иначе, если ты воспротивишься общему желанию, кхм, мы вынуждены будем передать наверх наши коллективные подписи с отказом работать с тобой. А так как мы все являемся главной ячейкой и движущей силой наших изданий, вышестоящим придется принять соответствующее решение, а именно сократить тебя с главной должности. Посему, чтобы не подвергать тебя такому унижению, мы просим написать заявление собственноручно. Мы не просим тебя покинуть наш уютный и дружный коллектив совсем, ты можешь продолжать трудиться корреспондентом. Вот подписи, ознакомься, кхм...

Я пробежался глазами по листку с подписями. Там были имена всех сотрудников, включая Карича, которого я оставил, несмотря на все желание Марка уволить его, и Дины Сало, которая, благодаря мне, получила целую колонку под свое домоводство.

Все с напряжением смотрели на меня и ловили движение каждого мускула на моем лице. Марк во время паузы, не переставая, пыхтел, как паровоз, а Цецилия Львовна мелко дрожала и чуть подергивала высоко задранной головой.

— Мне все равно, — сказал я. — Несите свои писульки куда хотите. Когда придет распоряжение, тогда я уйду, а пока за работу. Хватит расслаживаться.

В кабинете я нервно затянулся сигаретой, мысли спутались. Вся моя, казалось бы, только налаживаемая жизнь, скрипит и рассыпается, как глиняные горшки под колесами поезда. Все были против меня, даже те, за которых я боролся, а Марк оказался во главе этой шайки бунтарей, которая без сомнения была основана с подачи мухи Цеце. И я понимал, что все это было чушью собачьей по сравнению с тем, что мой любимый человек страдает, а я беспомощен и вынужден наблюдать за этой страшной и непонятной силой, вламывающейся в жизни людей и искажающей их до чудовищного состояния, когда ты не знаешь, что хуже — жизнь или смерть.

Размышления дали мне мощный толчок и я в порыве какой-то нахлынувшей злобы, подошел к шкафу с документами и начал искать нужные мне сведения. «К черту, пошли все к черту», — бормотал я, перебирая ворох бумаг. Потом я сделал несколько звонков и вызвал к себе испуганного Карича. Через час я вышел к коллегам и вручил бумаги ошарашенной Цецилии Львовне.

— Ознакомьтесь, пожалуйста.

— Вы меня увольняете?! — завопила она, когда прочла содержимое. — По какому праву?

— Я принял решение, что нам больше не нужен детский раздел. Мы сокращаем эту должность. Художники остаются, так как нам нужны иллюстрации, а вы, как больше ненужный элемент нашей цепи, покидаете нас.

— Вы не имеете права самостоятельно принимать решения о ликвидации целого раздела! У вас есть заместитель, Марк Васильевич, и он будет против!

В этот момент на ее крик выскочил Марк и обескуражено выкатил свои круглые коричневые глаза, разом забыв шмыгать носом и покашливать.

— Иларий, что происходит? Этот вопрос мы должны были обсуждать на собрании. Я... я не давал своего согласия об изменениях в журнале!

— Ты уже выздоровел, друг? Твое согласие не нужно, ты тоже уволен, — я ткнул ему бумагу в его круглый живот. — Позвольте представить вам моего нового заместителя — господина Карича, заслуженно занявшего этот пост.

Карич, довольный улыбаясь, вышел вперед и слегка поклонился.

— Господин Карич в течение года проявил себя как трудолюбивый журналист, который принес нашему журналу значительную долю успешных материалов. На эти материалы мы получили наибольшее количество положительных откликов и рецензий. Господин Карич давно стремился к заслуженному признанию, и вы, я думаю, поддержите этого талантливого человека, доказывающего всем нам, что любой из вас, при должном усердии и трудолюбии, может добиться руководящей должности.

Насчет детского раздела, я созвонился с верхом, мы посоветовались и пришли к единому мнению, что давно назрел вопрос о новом детском журнале со свежей идеей, полностью противоположной старому, дряхлому разделу Мухи Цеце, простите, Цецилии Львовны. И поэтому Цецилия Львовна с почетом уходит от нас и освобождает место для молодой крови. А что касается вас, Марк Васильевич, увы, я бы предложил вам должность корреспондента, чтобы вы могли остаться в нашем уютном, дружном коллективе, да только вот вы полностью профессионально непригодны. Вашим статьям место в мусорной корзине, откуда прямиком они должны отправиться на растопку печи. Ну что? У кого-нибудь есть еще желание писать подписи о моем увольнении?

Все отрицательно покачали головой.

— Ах да, господин Замейко! — с радостью воскликнул я. — Я осознал, как вас недооценивал. Такой достойный человек, как вы, просто не имеет права задерживаться на такой неблагодарной работе. Поверьте, вы заслуживаете большего, так что вот вам тоже ваша бумага об увольнении. Радуйтесь, мой дорогой, этот прекрасный миг, о котором вы так мечтали, протирая свои штаны на это стуле, наконец-то настал.

Все стояли с раскрытыми ртами и изумленно смотрели на меня, и только Карич услужливо улыбался — у него сегодня был праздник.

Вечером ко мне подошла сконфуженная Дина Сало.

— Простите, — пробормотала она, — я не хотела ничего писать против вас. Многие не хотели писать, но Марк и Цецилия заставили нас. Они все дни, пока вас не было, ходили, угрожали, что изведут, не дадут работать, и мы уйдем на улицу, если откажемся подписывать. А вы знаете, как сейчас непросто найти работу... Простите. Мне очень стыдно.

— Ничего страшного, Дина. Главное, что мы во всем разобрались. Ты случайно не хочешь попробовать себя в детском журнале?

— Вы еще спрашиваете? Я с радостью! — воскликнула она.

— Ну и отлично! — я улыбнулся вымученной улыбкой и вышел.

На улице все сегодняшние события вылетели, как птицы из скворечника, освободив место только мыслям о Марии и Али.

Когда я открыл дверь квартиры, на меня сразу повеяло знакомым воздухом, от которого сжало и защемило в груди. Он был настолько мне знаком, что я буквально был пропитан всем им долгие годы. Это был воздух одиночества. Я щелкнул выключателем и, не разуваясь, оставляя за собой мокрые следы снега, прошел в комнату. На столе лежало письмо.

Иларий, прости меня, но мы уходим.

Сейчас я теряю своего самого близкого человека и не имею права взваливать на тебя эту горькую ношу. Ты и так сделал все, что мог. То, что случилось с Алей, это полностью моя вина, моя ответственность, моя боль и мой крест на всю жизнь. Я должна сама справиться с этим.

Наша встреча была ошибкой. Мы, получив от старика дар, оба прокляли себя. Наша любовь — это тоже проклятье. Она никогда не принесет нам счастье.

Прошу, не приходи к нам. Не ищи со мной встречи. Я не перемену своего решения. Просто забудь меня.

Еще раз прости. Мария.

13.

Ближе к утру я проснулся от резкого удара в область сердца, вытолкнувшего меня из ловушки моего сна с братом. Плохо соображая, я включил ночник и, посмотрев на пустую кровать рядом со мной, вспомнил, что Мария ушла. Больше я не смог заснуть и пошел на кухню пить кофе. Весь день на работе я старался отвлечься от мыслей о ней, но они все равно предательски проникали в голову, как неуловимые лазутчики и больно кололи своими кинжалами прямо в сердце. Едва закончился рабочий день, я направился к ее дому. Нет, я отказывался принимать ее записку, как знак расторжения наших отношений. Мне нужны были ее слова, мне непременно нужно было, чтобы она сама все сказала вслух. Я решил для себя так: если она скажет все то, что написала на бумаге, то я уйду и никогда не потревожу ее больше, как бы мне больно от этого не было, я исчезну навсегда из ее жизни.

В окнах ее дома виднелась тусклая точка света, похожая на свечу. Я постучал.

— Мария, это я. Пожалуйста, открой, я хочу поговорить.

Дверь никто не открыл. Я еще несколько минут стучал в ожидании ответа, зная, что она стояла прямо за дверью и, затаившись, ждала, когда я уйду.

Опустошенный я вернулся в свою неуютную квартиру. Какая-то нехорошая мысль все время свербела у меня в голове, что-то гадкое и противное, как холодный слизняк, ползающий по лицу.

Утром на работе я сказал Каричу, который рьяно взялся за свои новые обязанности, что мне нужно отлучиться, на встречу с одним управленцем новой открывшейся фабрики в нашем городе. Но, конечно, я и не собирался, ни на какую встречу, а напрямик направился к интернату, где работала Мария. Возле ворот, в своей обшарпанной будке, сидел уже знакомый мне дворник и крутил самокрутку.

— Подскажите, воспитатель Мария приходила на работу? — спросил я у него.

— У вас снова что-то украли? — лениво отозвался он.

— Нет, мне просто нужно знать выходила ли Мария на работу.

— А то, выходила.

— Когда?

— Да сегодня, только перед вашим носом и упорхнула.

— Она одна была?

— Да одна вроде, если я не совсем слепой.

Спешно поблагодарив дворника, я побежал по дороге, по которой все время провожал ее домой, но достигнув арки, понял, что уже должен был заметить ее, а если ее не было, то значит или дворник напугал со временем, или она пошла другой дорогой, или она увидела меня и спряталась. Дойдя до широкой улицы, где пролегали трамвайные пути и ее маршрут до дома, я оглянулся: силуэт, схожий с силуэтом Марии, выглянул на соседней улице и, как мне показалось, обернулся и скрылся снова. Я побежал туда, и снова ничего. Поплутав по улицам, я пошел быстрее по обходной дороге к ее дому и, не доходя до ее крыльца, спрятался за углом соседнего дома. Мой расчет оказался верен: через минут двадцать я увидел ее. Она, натянув шляпку на лицо и обмотавшись шарфом, быстро шла, оглядываясь по сторонам. Постояв немного возле дома соседки, будто что-то искала в сумке, она убедилась, что поблизости никого нет, и резко побежала к своему дому, а я ринулся за ней. Она вскрикнула, увидев меня, и успела захлопнуть дверь перед самым моим носом.

— Мария, открой дверь! — крикнул я, дергая за ручку. — Я теперь точно знаю, что ты дома.

— Уходи! Что тебе нужно? — закричала она.

— Я хочу поговорить, и я не уйду, пока ты не откроешь дверь.

— Уходи! Я не хочу разговаривать. Оставь меня в покое!

— Нет, я не оставлю тебя в покое, уж извини. Если ты не откроешь дверь, я обещаю, что выломаю ее, — сказал я, разглядывая толстую дубовую дверь, которую точно не смог бы выломать. — Можешь не сомневаться, что я вышибу! Вот сейчас же вышибу.

В эту минуту, как я приноравливался к удару плечом в дверь, послышался шум, и она приоткрыла дверь на цепочке. Ее огромные серые глаза с испугом смотрели на меня.

— Прошу, уходи. Я все тебе написала в письме. Я не хочу больше никаких отношений. Я... я не люблю тебя, — ее голос дрогнул, а глаза предательски заблестели.

— Мария, пожалуйста, сними цепочку.

— Ты можешь говорить так, зачем тебе заходить в дом? — она заволновалась.

— Я не буду заходить в дом. Я просто хочу тебя обнять в последний раз. Ведь ты мне не дала шанса даже попрощаться с тобой. Неужели я заслужил такое? Ведь ты же знаешь, как я тебя люблю... Прошу, дай мне возможность обнять тебя, просто обнять, и я обещаю, я уйду, и ты больше никогда меня не увидишь.

На ее глазах появились слезы и она, сняв цепочку, чуть приоткрыла дверь и, проскользнув через проем, оказалась в моих объятиях. Я вздохнул запах ее волос, почувствовав, как я оживаю.

— Прости, — прошептал я и, резко отстранив ее от себя, толкнул дверь и зашел в дом.

— Что ты творишь? — закричала она. — Как ты смеешь выламываться в мой дом?

Не слушая ее, я быстро направился к спальне. Подергал дверь — она была заперта. Мария схватила меня за руку, пытаясь вытолкнуть из дома, но я не замечал все ее тщетные попытки, мне нужно было осмотреть дом. Я забежал на кухню и вздрогнул: за столом сидел тот самый мальчик, укравший у меня кошелек. Перед ним стоял стакан отпитого молока и печенье.

— Что ты здесь делаешь? — грозно спросил я.

— Я никого не обкрадывал и ничего не брал! — испугавшись, воскликнул он и подскочил со стула. — Я просто налил себе молока и взял немного печенья, так как очень хотел есть. Простите меня, пожалуйста, это Мария пригласила меня.

На кухню забежала Мария и тяжело дыша, стала за спиной мальчика.

— Он не хозяин, чтобы перед ним оправдываться! — крикнула она на него и, сверкая глазами, посмотрела на меня. — Я пригласила этого мальчика пообедать. Это мой дом и я имею право.

— Ты уже здесь ночевал? — спросил я его. — Тебя Мария вчера привела?

— Да, ой, то есть нет... сегодня. Я сегодня пришел... недавно, — бормотал мальчишка, взирая с ужасом то на меня, то на Марию.

— Тебе Мария дала ключи, чтобы ты открыл дом?

— Хватит его допрашивать! — возмущенно закричала она. — Что тебе нужно? Это мой гость и я просто захотела его покормить. Я имею право приглашать, кого хочу.

— Да? А может «скормить» ты хочешь сказать? Скормить тому существу, запертому в спальне. Ты тоже на это имеешь право? — закричал я сам не свой. — Кто тебе дал это право? Как ты можешь так поступать? Мария, ты же не чудовище? Я же знаю, что ты не такая! Неужели ценность человеческой жизни для тебя ничего не значит? И ты, чтобы не отпустить Алю, готова пожертвовать жизнями других людей? Ты думаешь, Аля хотела бы такого? Ты думаешь, она приняла бы такие жертвы? — я кивнул на мальчишку. — Ты, уходи.

Он вжал голову в плечи и насупился.

— Я не могу. Она не разрешает, — пробормотал он, косясь на Марию.

Мария вздрогнула, будто проснулась, обессилено присела на стул и, схватившись руками за голову, прошептала:

— Ты можешь уйти.

Мальчишка торопливо запихнул одно печенье в рот, остальные побросал в свой грязный карман и, промямлив, что это ему на дорогу, шустро выбежал из дома. На несколько минут мы погрузились в тишину, только легкое и назойливое пошкрябывание раздавалось из соседней запертой спальни, и тонкое, хрупкое тело Марии слегка покачивалось на стуле, будто пребывало в трансе. Я присел рядом с ней.

— Ты должна отпустить ее, — сказал я. — Она страдает и скоро умрет, если останется здесь. Когда ты отпустишь ее, у нас будет хотя бы шанс вернуть ее обратно.

— Ты сам-то веришь, что этот шанс есть? — она посмотрела на меня невероятно усталым взглядом, будто силы покидали ее. — Знаешь, мне показалось, что жизнь маленького, неисправимого вора и обманщика — ничто по сравнению с жизнью моей доброй и милой девочки, — она закрыла лицо руками. — Боже, я ужасный человек... прости меня, если сможешь... Я такое ничтожество, как ты можешь любить меня? Я недостойна этого... Она меня теперь ненавидит, я обманула ее, заперев там. Она так страшно кричала, что выберется оттуда и выцарапает мне глаза. Что я натворила...

— Я попробую с ней поговорить, — сказал я и, подойдя к спальне, постучал в дверь.

— Аля, ты меня слышишь? — громко спросил я. — Если слышишь, дай знать, — за дверью послышался характерный скрежет ногтей об дерево. Она стояла возле двери и слушала. — Я выпущу тебя, только ты должна пообещать, что будешь вести себя хорошо, не царапаться и не кусаться. Мария очень сожалеет, что поступила так, и сейчас она всей душой хочет, чтобы ты нашла новый дом. Если ты не держишь на нее зла, то подай знак, и я открою дверь.

Через минуту тишины снова раздался знакомый скрежет.

Я медленно повернул ключ в дверном замке и чуть приотворил дверь. В полумраке витал невыносимо затхлый, спертый воздух, похожий на далекий и памятный мне запах болота. Комната будто уже много лет не проветривалась. Света не было: окна были задернуты плотными шторами. Сбоку я нашел выключатель, и в комнате зажегся свет.

Аля, вытянув сухую шею вперед и неестественно вывернув руку, стояла в углу комнаты, держась за комод, и пристально смотрела на меня зелеными глазами, едва схожими с глазами настоящей Али. Она сделала шаг вперед и спокойным, вполне разумным голосом старого человека, сказала:

— Мне завтра утром нужно уйти. Это ее последний день. Ее часы уходят.

— Ты уйдешь, — хриплым голосом ответил я, — обещаю. Только позволь нам провести с Алей последний день. Она очень дорога нам. Ты теперь полностью можешь управлять ее телом и разумом, но Аля еще внутри тебя. Она еще маленькая и беззащитная девочка. Позволь нам побыть с ней ее последние часы. Прошу.

— Я позволю, потому что *он* создал меня благодаря тебе, — сказала она и, выйдя из комнаты, внимательно посмотрела на Марию, неподвижно стоявшую в углу и похожую на восковую статую.

— Прости, что заперла тебя, — прошептала она. — Аля... ты разрешишь мне помочь тебе? Я очень хочу, чтобы ты нашла новый дом, я думаю... — ее голос сорвался, но она собралась и продолжила, — думаю, тебе будет лучше, если мы подстрижем твои волосы.

Аля повернулась к зеркалу, висящему возле двери, задумчиво взяла в руки прядь длинных волос и сказала:

— Да, ты права. Их нужно подстричь.

Мария, молча, поставила посреди комнаты стул, взяла большие тяжелые ножницы и, дождавшись, когда Аля села, несмело подошла к ней со спины и, вздохнув, неуверенно отрезала несколько прядей. Потом она стригла все смелее и смелее, и на пол то и дело безвольно падали когда-то роскошные каштановые волосы.

После того, как она закончила подстригать, мы сходили в ближайший магазин мужской одежды и купили самый маленький размер мужского костюма, пальто и обувь. Дома Мария достала из комода брошку-стрекозу, которую я подарил Але при первой нашей встрече, и приколотла ее к правому лацкану пиджака.

Вечером, Аля, одетая в костюм и уже полностью походившая на обычных стариков, которые незаметными и угрюмыми тенями ходят по улицам городов, сидела на кресле, а мы — на диване, напротив. Нам предстояло провести вместе всю ночь, ожидая, когда ее последняя частица души растает с последней утренней звездой на небе.

Ночь предстояла долгая и мучительная. Мария, бледная и спокойная, будто лишившись чувств, повернув голову, чтобы не бросать болезненных взглядов на противоположное кресло, смотрела в незашторенное темное окно. Аля также, будто застыв, не выражала никаких эмоций, смирно сидела и ждала назначенного часа, когда существо в ней полностью подчинит ее себе. Существо в ней ждало своего завершения, и мне казалось, оно было счастливо тем, что для него открывалась новая жизнь. Возможно, оно думало о том страдающем ребенке, душа которого его звала, о том, где этот ребенок живет и сколько пути ему нужно преодолеть, чтобы найти его. А может, оно беспокоилось о том, что если вдруг ему не удастся заполучить согласие ребенка, и оно, не успев найти замену, умрет, рассыплется, как хрупкий снежок, брошенный озорным мальчишкой в спину случайному

прохожему.

Стрелки часов медленно, будто из вязкого и растаявшего пластилина двигались вперед, прилипали, и застывали. Двенадцать часов ночи пробило глухим и надрывным звоном, словно какая-то пружина предвещала о своей скорой смерти. Огонь в печи затихал, и Мария, поджав по себя замерзшие ноги, укрыла нас старым теплым покрывалом. Положив голову на мое плечо, она прошептала:

— Это похититель душ.

— Кто? — не понял я.

— Существо, похищающее души. Когда-то давно Варида рассказывала мне сказку, в которой души несчастных детей похищало одно существо. Оно забирало их память, воспоминания и единственное, что дети помнили, что у них когда-то был дом, поэтому пустые оболочки тех детей бродили по миру и искали пристанище... — она судорожно вздохнула. — То, кем сейчас является Аля — это не старуха и не старик, это просто душа находящаяся в заточении.

Часы со скрипом продолжали свой ход. В какой-то период я потерял отсчет времени и не заметил, как мои глаза закрылись. Сон снился тяжелый, холодный и пронзительный, отчего я вздрагивал и дрожал всем телом. Несколько раз я с ужасом просыпался от того, что мне казалось, будто возле моего лица сидело существо и выжидало момента впиться в мое горло. Я открывал глаза и смотрел на кресло, где неподвижно сидела Аля, а потом снова засыпал и снова, вздрагивая, просыпался. Часы все стучали, лениво отсчитывая время. Мария, свернувшись калачиком, спала. Ее тонкая белая шея была как-то неестественно свернута, что я испугался, что она умерла, и прислушался к ее дыханию: она дышала. Существо, как мне показалось, тоже спало. Оно, облокотившись на спинку кресла, сидело, закрыв глаза. «Это не существо, это заблудившаяся душа Али», — проговорил я и снова заснул. Потом кто-то дотронулся до моего локтя и сказал:

— Иларий, проснись. Пора.

С тяжелыми тенями, залегшими под глазами, передо мной стояла Мария.

— Аля уходит.

Едва сбросив с себя сон, я поднялся с дивана и, еще плохо соображая, накинул на себя пальто. Аля стояла в дверях уже одетая, и безразлично смотрела на нас.

— Подожди нас, прошу, — скорбно проговорила Мария ей, — мы хотим проводить тебя в последний путь.

Я протянул Але свою шляпу и сказал:

— Возьми ее, тебе она в дороге пригодится. На улице холодно. Ты же пока чувствуешь холод? Вдруг далеко придется идти...

На мгновение она задумалась, разглядывая шляпу, и осторожно взяв ее своей сухой, морщинистой рукой, надела на себя. Теперь она была полностью похожа на сотни обычных стариков — низенькая, слегка сгорбившаяся и тщедушная.

Втроем мы вышли в туманное, синевато-серое утро. Аля встала посреди улицы, втянула в себя холодный воздух и, словно почуввав только ей понятный запах, двинулась вниз по склону, туда, где бежала река. А мы поспешили за ней. Мария, сжавшись и дрожа, крепко сжимала мою руку, и тяжело переступала по снегу, который хрустел под нашими ногами, как пирог с поджаренной коркой.

Когда мы дошли до большого деревянного моста, перекинувшегося на другой берег, где заканчивался город, Аля остановилась и, обернувшись к нам, сказала:

— Дальше я иду сама.

Мария еще сильнее задрожала и в отчаянном порыве обняла ее.

— Девочка моя, я знаю, что ты меня слышишь. Я не прощаюсь с тобой, я найду тебя. Обещаю, ты вернешься, моя милая, ты вернешься, — шептала она, будто заклиная. — Знай, твоя Мария всегда с тобой, я еще буду крестной матерью твоих детей. А сейчас, только не погибай...

— Она не слышит тебя, — вязким голосом, будто из сырого подполья, ответила Аля, отстраняя ее и, развернувшись, двинулась вперед через мост. Ее одинокая, сутулая фигура исчезала в сером зыбком тумане, а я и Мария, обнявшись, еще долго стояли, словно чего-то ждали, будто верили, что это был просто страшный сон, что туман вскоре рассеется вместе с последней утренней звездой, и мы проснемся.

14.

Оставшееся время дня мы провели в забытьи: лежали, не раздеваясь, под одеялом, пытались согреться, спали, просыпались, пили горячий чай и просто смотрели в пустоту. Несколько раз звонил телефон, но мы не поднимали трубку, нас не раздражал его звук, мы просто слушали его как обычную мелодию, такую привычную и естественную, как и стук собственного сердца. Вокруг нас была пустота, мы были потеряны и отрешены от этого мира. Мы не знали что делать, как жить, как существовать и что предпринимать, поэтому мы просто молчали, словно произнеся хоть слово, мы превратились бы в камень.

Утром я проснулся с бешено колотящимся сердцем.

— Мария, я знаю, что нужно делать! — вскрикнул я.

— Что? — бледная, с взлохмаченными волосами, она подняла голову с подушки. С воротника платья, в котором она заснула, оторвалась маленькая жемчужная бусина.

Я подскочил с кровати и нервно заходил по комнате, руками хватаясь за волосы.

— Боюсь, если я скажу, ты не поймешь. Это трудно понять. Очень трудно. Но, прости, тебе придется это понять, потому что это наш выход.

— Что же это? Говори! — нетерпеливо воскликнула она, горящими глазами наблюдая, как я лихорадочно ходил от угла комнаты к двери.

— Мне нужно умереть, — выдохнул я, и в комнате повисла жалящая, как смертельная оса, тишина.

— Ты шутишь? — ее лицо недоуменно исказилось. — Это что, глупый и жестокий розыгрыш?

— Нет, я не шучу. Прости, я хотел бы, чтобы это было шуткой, хоть и жестокой, глупой, но это не так. Я сейчас постараюсь тебе все пояснить. Только выслушай, пожалуйста, не перебивай... Я говорил тебе раньше, что мне часто снится брат. Когда мне было тринадцать, я заболел, заснул и будто умер... И там, во сне, я встретил моего брата. Он рассказал мне, что ушел к тебе. Он, правда, не называл твое имя, но я понял, что это была ты. И там он мне сказал, что я могу с ним разговаривать, когда умру, что он придет снова ко мне, когда узнает что-то о старике, что позволит выволить его из ловушки... Понимаешь, я все время думал, что это был сон, но нет, я на самом деле тогда умер. Моя душа отделилась от тела, и я смог увидеть брата, ведь в теле, которое захватил старик, еще теплится душа прежнего человека... Я не знаю, как это объяснить, но это правда.

— И как ты понял, что это был не сон? — спросила она с еще более искаженным лицом, в котором читался страх, что я сошел с ума.

— Сегодня мне опять снился брат. Он был подо льдом, смотрел на меня и потом он открыл рот и отчетливо сказал: «Иларий, ты должен умереть». И я проснулся.

— И это все? — глаза Марии яростно заблестели. — И ты, поэтому решил, что тебе нужно умереть, потому что тебе во сне об этом сказал брат?! Иларий, я не знаю, как это назвать, но это... это просто абсурд, это чушь, это сумасшествие! Ты спятил!

— Мария, я тогда в тринадцать лет тоже умер, но потом вернулся. Брат говорил, что у меня есть эта способность.

— А если нет? Что тогда? Ты просто умрешь, а как мне жить потом? Мне тоже сразу умереть?!

— Нет, я вернусь. Я не оставлю тебя одну.

— Вранье! — закричала она с безумным отчаянием и швырнула в меня подушку, а потом швырнула еще одну. — Все это вранье! Ты не вернешься!

— Нет, это я не лгу, это наш единственный шанс спасти Алю. Брат должен сообщить мне что-то важное, и я вернусь, — с трудом мне удалось обнять ее, так как она яростно сопротивлялась и била меня кулаками. — Милая моя Мария, я вернусь. Я должен рискнуть.

— К черту! К черту все эти обещания! — закричала она и, с силой оттолкнув меня, вскочила с кровати. — К черту эту проклятую жизнь! К черту всю любовь! Зачем она нужна? Чтобы причинять такие страдания? Вся моя чертова жизнь состоит из одних страданий! Лучше бы меня убил отец в детстве, чем чувствовать всю эту боль в душе! У меня нет сил... Я хотела жить нормально, хотела иметь семью, но я не могу, потому что я проклята! Ты, — она вдруг резко остановилась и иступленно прошипела, — ты не оставишь меня одну в этом чертовом мире. Я запрещаю тебе! Слышишь, запрещаю! Как мне жить, если все мои любимые люди покинут меня? Моей любимой девочки больше нет, и теперь ты хочешь меня лишить еще одного любимого человека? Неужели ты со мной так поступишь?! — она выбежала из комнаты, а потом я услышал, как хлопнула входная дверь.

Она вернулась вечером. Ее лицо уже было тихим и спокойным. Из бумажного пакета, принесенного с собой, она достала свежие булочки с кремом и поставила чайник на плиту.

— Как бы плоха жизнь ни была, есть нужно, — сказала она.

За ужином я снова начал говорить о том, что хочу сделать.

— Как ты собираешься умереть? Пустишь себе пулю в лоб? Думаешь, ты бессмертный? — горько шутила она.

— Нет, я не бессмертный. Стрелять я в себя не буду. Я придумал, как нужно поступить: я замерзну.

Три дня мне понадобилось на то, чтобы Мария прислушалась к моим доводам. Все это время она кричала, спорила, навзрыд плакала, истерично смеялась и пребывала в диком отрешении, будто спала и не спала одновременно. Наконец, я победил.

Как только прояснилось небо, и утреннее зимнее солнце поднялось достаточно высоко, чтобы понять, что день, несмотря на крепкий мороз, обещал быть солнечным, мы вышли из дома. Ветра не было, над головой сияло голубое небо без единого облачка. По дороге мы шли, крепко держась за руки, и говорили на самые обыденные темы, которые никак не касались нашего будущего. Мы запретили себе думать о нем, как приговоренные к казни люди. Мы шли вдоль реки, иногда останавливались, смотрели на замерзший лед, покрытый легким слоем снега, который местами то сбивался в сугробы, то открывал голую, сверкающую на солнце поверхность льда. Мы медленно брели, слушали неугомонное чириканье вертлявых птиц, глядели на легкие следы, оставленные бродячими псами и

разглядывали сухие кустарники с алыми, будто кровь, гроздьями калины. Мы даже улыбались и по-детски наивно показывали друг другу на что-то занимательное, ранее не представляющее для нас никакого интереса. Никто из нас не мог никак решиться и сказать: «Вон то место на реке замечательное для того, чтобы умереть. Там красиво уложен снег, будто его причесывали и есть место, чтобы покататься на коньках, жаль только, что у нас их сейчас нет. А вон там цепь птичьих лапок, как незатейливый, но трогательный узор — тоже красивое место для смерти».

Наконец, я сказал: «Пора». Мария влажными глазами посмотрела на меня, и мы ступили на лед. Река за полторы недели крепкого мороза основательно промерзла. Мы вышли на просторное место, где вокруг не было ни души. Сначала на льду мы расстелили покрывало, а потом сверху положили толстый овчинный полушубок. Наверняка со стороны мы выглядели как обычная влюбленная пара, которая находит в любом, пусть даже самом необычном месте, дух романтики, неотступно преследующий на первых порах всех влюбленных.

Я крепко поцеловал ее в чуть посиневшие от холода губы и почувствовал, как она дрожит.

— Мы сумасшедшие, — прошептала она.

— А разве все, что с нами произошло уже, не является самым настоящим сумасшествием? — усмехнулся я и огляделся по сторонам: лед, снег, холод и безмолвная тишина — все как в моих снах. — Когда я лягу, следи за моим пульсом. Приблизительно через минут десять-пятнадцать, когда он остановится, начинай меня пробуждать.

— Что если ты не проснешься?

— Проснусь. Старик не даст мне умереть.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что он следит за всем. Все, что происходит со мной, он знает, а я почему-то точно знаю, что нужен ему, — я выдохнул, и горячий пар окружил мою голову и рассеялся где-то вверху. Я посмотрел на яркое белое солнце, висевшее в голубом, пронзительном небе, и подумал, как бы я хотел еще раз увидеть его. Я хотел бы вернуться в прошлое и исправить свою ошибку. Я хотел бы никогда не ступать на этот мост, по которому я все это время шел, потому что это оказался самый коварный мост — мост длиной в жизнь. Я так хотел бы еще приехать в Холмы и увидеть Сойку с Малым и их детей. Я хотел бы приехать в город Сарал, стоящий на берегу моря, где жил Ладо. Я хотел бы вернуть Алю и брата. Я хотел бы жениться на Марии и прожить с ней всю жизнь счастливо. Я очень хотел бы все это...

Я снял шляпу и положил ее на снег, потом пальто, джемпер и рубашку. Чувство дикого холода не заставило себя ждать: оно сразу же обрушилось на меня мощным приступом дрожи. Я лег на заготовленное место, усмехнувшись, подумав про себя о таком приятном ложе смерти, и гадкая, скользкая мысль, будто маленькая ящерка, проскочила у меня в голове: «Что если я ошибаюсь, и я на самом деле обрекаю себя на настоящую смерть?».

Мария склонилась надо мной и с глазами, полными ужаса и сострадания, смотрела, как мое тело сотрясает лихорадочная дрожь. Мое сердце начало учащенно биться, а мозг, чувствуя настоящую угрозу для жизни, бунтовал, заставлял одуматься и прекратить пугать его. После шоковой лихорадки, казавшейся мне вечной, и бунтующего сознания, отказывающегося принимать мое стремление к самоубийству, наступила легкая апатия и сонливость. Я захотел спать. Веки постепенно наливались свинцом, но я не мог закрыть их: я хотел смотреть на серые горящие глаза Марии. Я смотрел на ее вздрагивающие ресницы,

сжавшиеся от боли губы и светлые растрепавшиеся волосы, слегка обдуваемые, как пшеничные колоски, среди белоснежной пустыни.

— У ттебя на ресницах снежинка, — язык и губы больше не слушались меня. — Тты ттакая к. кк. расивая.

Она попыталась улыбнуться и поцеловала мои замерзшие губы.

— Я люблю тебя. Умоляю, возвращайся, — нежно прошептала она и ее горячая слезинка, упала на мою щеку.

Я не помнил, когда закрыл глаза. Это произошло внезапно. Я смотрел на Марию, на лучи солнца, отражающиеся и искрящиеся на снеге, а потом просто наступила темнота. И больше ничего вокруг. Страшная, ужасающая и всепоглощающая темнота накрыла меня, как саваном, и я подумал, что это конец: я по-настоящему умер. Темнота была повсюду, не было снега, не было Марии, не было брата. Ничего. Только я. *Я умер*. Правда, умер. Я ошибался, старик не спас меня. Не было никакого брата... Внутри себя я отчаянно и истерично захохотал: старик провел меня, он подстроил эту ловушку, а я попался в нее, как болван, так же, как и в тринадцать лет. Какая глупая и странная жизнь... Мария, любимая Мария, прости меня, мне так жаль, мне так жаль...

— Эй, хватит разлеживаться, ты, задница барана Прошки! — раздался возле меня смешливый далекий голос прошлого, голос умершего человека.

Я отрыл глаза и сразу зажмурился: яркий свет больно резанул. Преодолевая боль, я снова открыл глаза и увидел стоящий рядом со мной силуэт в знакомом до боли школьном пальто. Рядом со мной стоял брат и широко улыбался, показывая свои крепкие белые зубы. Он был точно таким же пятнадцатилетним подростком, каким я и запомнил его.

— Ну, здравствуй, брат! Рад тебя видеть. Я так давно тебя ждал! — сказал он.

Больше книг на сайте — Knigoed.net